КП
40
К48

ЧТО ЗАДАНО СЛУШАТЕЛЯМ НА СЛЕДУЮЩЕЕ ЗАНЯТИЕ

(здесь же указывается задание по общественно-политической работе)

23

СРОК ВОЗВРАТА КНИГИ.

А. КЛЕЙНБОРТ

ИСТОРИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ В РОССИИ

1857-1919

ИЗД. В·Ц·С·П·С Москва 1925

А.К

КП
40
К48

Л. М. КЛЕЙНБОРТ

331.6(47)(09)

ИСТОРИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ В РОССИИ

1857—1919 г.г.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв № 50460/2

Издательство ВЦСПС Москва
1925

Тип. АОМС им. М. И. Рогова.

Главлит 29848. Тираж 10.000.

От Издательства.

Предлагаемая читателю работа Л. Клейборта «История безработицы в России», охватывающая период капиталистической истории страны (1857—1919 годы), представляет собою первую попытку собрать воедино ценный материал по мало освещенному и изученному вопросу.

Само собою разумеется,—и сам автор это признает в своем предисловии,—что такая работа не может претендовать на полноту и статистическую вескость. Кроме того, читатель должен иметь в виду и другое обстоятельство. Политическая обстановка освещена автором далеко не полно и не цельно. Мы, например, не найдем у него, при анализе отдельных периодов в истории безработицы, характеристики ни самой обстановки, ни роли партий в борьбе, всплывавшей в те или другие моменты этой истории. Политика же не отделима от экономики. Поэтому анализ и картина истории безработицы у Л. Клейборта остаются незаконченными, незавершенными.

Несмотря, однако, на этот существенный момент, вся работа представляет собою ценное прибавление к нашей литературе по истории рабочего класса и рабочего движения, давая первую сводку материалов по безработице. Этим и вызвано ее издание в издательстве ВЦСПС.

Предисловие.

Начиная с девяностых годов, и в своих «Внутренних обозрениях», и в отдельных статьях, я прослеживал типические черты безработицы в России (см. «Образование», «Современный Мир», «Народное Хозяйство», «Новая Жизнь» и др.); отдельные моменты (1906 и 1917 г.г.) делал предметом и самостоятельно вышедших в свет брошюр. В основу «Истории» собственно и положена разработка всего этого материала.

Он не претендует на полноту, на статистическую вескость. Такая задача была бы не по силам автору уже потому, что попытка, делаемая им,—попытка свести воедино цифры и факты безработицы в связи с чередованием оживления и застоя русской промышленности—не проделана даже по отдельным периодам.

Оговариваюсь во избежание недоразумений.

Л. К.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Кризисы русской капиталистической промышленности.

I.

Впервые русская безработица заставила заговорить о себе лишь после 1905 года. Раньше такого даже вопроса не было, если не говорить о голоде. Но то был «вопрос» специфический, сохранившийся лишь в таких странах, как Россия, который с безработицей в европейском смысле слова имеет мало общего.

Не говорю о безработице семидесятых и восьмидесятых годов, когда рабочий вопрос еще не особенно ярко обозначился, когда самое передовое направление отрицало, что мы имеем перед собой пролетариат, аналогичный западно-европейскому, с совершенно своеобразной физиономией, с профессиональными отличиями—органический продукт капиталистической стадии развития. Но обратимся к 1899—1902 г.г. Ведь безработица 1906—1907 г.г., вылившаяся в свое время в такую широкую организацию, как совет безработных, которой было уделено столько внимания и правительством, и буржуазией и печатью, есть прямое наследие этих черных дней. Между тем укажите—не говорю: бюрократическое или общественное учреждение, которое бы поставило вопрос в его широте,—укажите серьезное исследование, посвященное этой теме. Были статьи о затруднениях мануфактурных королей, железоделательных тузов, нефтяных магнатов, о кризисе вообще,—но обо всем этом говорилось так, как-будто безработицы при этих обстоятельствах не бывает...

Здесь уже не мог играть роль предрассудок, что рабочие еще составляют у нас нечто случайное, нетипичное, что, даже вываривaясь в фабричном котле, мужик остается мужиком, что у него всегда найдется свой кров, своя земля и пр. Промышленное развитие девяностых годов давно уже разбило эту

иллюзию о русской самобытности, и кризис, которым десятилетие кончилось, сказал здесь последнее слово. И все же два-три отклика—В. А. Мякотина, А. Ю. Финна, М. И. Туган-Барановского—вот все, что мы находим в печати.

Причина, конечно, лежала в тех внутренних препятствиях, которые в те дни из всех сторон рабочего существования создавали острые углы. Разве, не будь движения безработных, создавшего совет безработных, и правительство, и городские думы, и печать посвятили бы ему в 1906—1907 г.г. столько внимания! В начале же десятилетия о массовом движении безработных не могло быть и речи, как не было тех профессиональных союзов, по почину которых создалась хоть частичная регистрация безработных в 1906 г. Нельзя сравнить и тех условий, в каких действовала печать раньше и потом. В 1899—1902 г.г. была печать подцензурная, и, может быть, и много было широко задуманных попыток поднять завесу с этого именно края, подойти к начинавшемуся кризису не столько с высоты столпов нашей промышленности, сколько с точки зрения интересов сотен тысяч людей, обреченных на нищету и страдания.

Но для истории ни одно крупное явление не проходит бесследно. С одной стороны, в печати 80-х, 90-х, 900-х годов то здесь, то там попадаются факты, характеризующие безработицу. С другой—и правительственные сферы, и господствующие классы не могли не соприкасаться с ней в частностях, а это уже база, достаточная для того, чтобы воспроизвести по ней историю нашей безработицы.

Я и ставлю себе эту задачу в своих очерках—дать хотя неполную, но все же конкретную картину тех малоизвестных фактов, какими выразилась у нас в России безработица.

II.

Однако, голод, болезни, все бедствия, связанные с безработицей, приходят не сами по себе. Резервная армия безработных, из которой капитал черпал в любое время нужный ему запас сил, отражала смену оживления и застоя русской капиталистической промышленности. Очевидно, это тот самый цикл, которым характеризуется капиталистическое развитие

вообще. Есть сотни тысяч рабочих, которые не имеют работы в период под'ема, как и в период кризиса, следовательно, явление коренится в общих условиях современного социально-хозяйственного строя. Это—резервная армия, тот запас, который то падает, то растет, смотря по тому, растет или падает производство, ибо капиталу, заключающему договор с рабочим, нет дела до него, как человека, имеющего целый ряд физических и духовных потребностей, какие он желает удовлетворить, подобно другим людям. Рабочий для него—товар, который принадлежит ему до тех пор, пока он имеет ценность, пока рынок не насыщен, пока заводчик не скажет: «дела, батюшка, тихи; иди по-добру, по-здорову».

И в доброе старое время были безработные, не умевшие пристроиться при какой-нибудь корпорации, но это были исключения, совершенно не зависящие от общественного уклада. Не то теперь. Теперь капитал также не в состоянии действовать без этого резерва, как машина без угля. Безработица капиталистического производства единственно, дает возможность осуществлять капиталистические цели при всяких обстоятельствах, ибо она может расширяться и сокращаться лишь благодаря существованию армии безработных.

Армия эта была бы излишня, если бы капиталистическое производство развивалось ровно. Но для этого нужно, чтобы оно не совершалось в экономической среде, незнакомой действующим лицам, чтобы главной целью не было желание раздавить конкурента—какими бы то ни было средствами, но отбить покупателя,—разве это мыслимо? Капиталисты, по свойству своего общественного положения, враги между собой. Повинуясь своему узкому чутью, они то бесконечно отливают, то бесконечно приливают, смотря по тому, где запахло наживой, где—крахом; отсюда и следует смена оживления и застоя, анархия производства, проявляющаяся рядом кризисов.

Отсюда и безработица, являющаяся вечным напоминанием пролетариату о том строе, при котором производство будет совершаться не ради выгоды хозяев, а в интересах общества, как планомерная организация, когда от частной собственности и ее неизбежного спутника—борьбы «интересов»—не останется и следа, ибо только такой строй в состоянии уничтожить безработицу в корне.

Очевидно, прежде чем перейти к безработице, как таковой, нельзя не остановить внимания на чередовании эпох оживления и застоя, имевших у нас место.

III.

Это столь же типично было для нас, как и для капиталистических хозяйств Европы.

Яркий под'ем у нас имел место и в 60-е, и в 70-е, и в 90-е годы, хотя до 90-х г.г. это была не столько промышленная, сколько спекулятивная горячка. Ныне минули уже десятилетия после под'ема 90-х г.г., но без ошибки можно сказать, что русская промышленность, при всех ее колебаниях вверх и вниз, лишь однажды с тех пор вышла из состояния застоя. Много столпов ее было опрокинуто за это время, и процессы их дали не одну иллюстрацию к интересующей нас теме.

Конечно, угнетенное состояние, постоянно порождающее все новые и новые кадры безработных, само по себе, не есть нечто новое для России. Чередование оживления и застоя дает себя знать России с самого того дня, как она вступает на путь капитализма. Мировой кризис 1857 г., разразившийся грозой во всей Западной Европе, отразился и у нас. Конец пятидесятых годов был ознаменован у нас банкротствами акционерных фирм, сокращением производства, безработицей—всеми симптомами промышленного застоя. Точно так же отразился у нас венский биржевой крах 1871 г., когда буквально не было ни одной фирмы в Москве, которая не понесла бы более или менее значительных убытков, не сократила бы своих оборотов. В своем отчете за 1876 г. Московское отделение Совета торговли и мануфактуры писало: «В настоящее время можно сказать без преувеличения, что нет ни одной фирмы в Москве, которая не понесла бы более или менее значительных убытков и не была бы вынуждена к более или менее значительному сокращению своих оборотов». Не менее характерно начало 80-х годов, когда миллионные обороты Петербурга сократились на половину, а в других местах фабричные производства почти вовсе приостановились, и вплоть до 1887 г. во всех промышленных центрах безработица царила в самой тяжелой

форме. Но в то время, как обычно моменты кризиса или расцвета совпадали с такими же колебаниями западно-европейского капитала, в последующее десятилетие это совпадение оказалось нарушенным—вот, что бросается в глаза. Казалось бы, нити, связывавшие молодой русский капитализм с интернациональным, приобретавшим с каждым годом все большую подвижность, делались все крепче, зависимость—всесторонее. На самом же деле только страны Запада за это время успели пережить полный цикл периодического развития, перейдя от угнетенного состояния к новому промышленному под'ему; у нас же этого не произошло, даже сколько-нибудь утешительных перспектив не виделось впереди, хотя десять лет экономической жизни, бегущей столь лихорадочным темпом,—большой срок.

Разумеется, с легкой руки Б. Ф. Брандта, каждый год чьи-либо «данные» неопровержимо доказывали, что кризис кончен: так, мол, и должно было быть по аналогии с Европой. Но,—увы!—данные оставались данными, а угнетенное состояние—угнетенным. Сколько проектов в печати, сколько советов преподавалось, но воз оставался все там же...

В чем же об'яснение затяжного харатера, особых черт промышленного застоя? Как представляли себе дело царские министры, показывало отношение их к кризисам с самого начала: самый факт кризиса, несмотря на то, что биржевая паника уже вызывала крушение нескольких фирм, отрицался; даже наличность денежного кризиса умалялась.

«Пора бы покончить с мифом о несуществующем кризисе»,—восклицал, например, орган министерства финансов в 1899 г., уверяя биржу, что это она сама ухитрялась создавать чуть не биржевую панику, для которой нет ни места, ни серьезных причин. В самом деле, огромные, далеко не исчерпанные богатства, многомиллионное население, переходящее от натурального хозяйства к денежному, рынок, таможенной стеной охраняемый от индустрии других стран—где и развернуться капитализму, как не здесь? Где и выстраиваться новым заводам? Хотя, быть может, 20 лет назад и не помышляли о какой-либо деятельности в данном месте.

Но вот два краха двух крупнейших предпринимателей, обороты которых превышали десятки миллионов. «Фон-Дер-

виз» обозначало: Русский Торгово-Промышленный банк, Северно-Стекольное промышленное общество, общество Рязанско-Уральской, отчасти Московско-Казанской железной дороги, общество под'ездных путей, общество пароходства по Волге, общество «Кавказ», Франко-Русское общество, общество Волжско-Стальное, Глухо-Озерский цементный завод, московский завод Вейнельт, Сормовский завод, Восточное общество товарных складов и т. д. «С. И. Мамонтов» означало: Московско-Ярославско-Архангельская железная дорога, общество Невского механического завода, Северное лесопромышленное общество, общество Восточно-Сибирских механических заводов, Московский вагоностроительный завод [1]). Оказался задетым целый ряд других предприятий, и общество заволновалось. Прошел даже слух, что все золото ушло за границу, что причина всех затруднений — в неудачно проведенной реформе. Только тут комитет финансов признал кризис, но опять-таки кризис денежный, не задевающий самой структуры народной экономики. Просто два-три дельца зарвались, которых нужно, мол, обуздать. Взялись за дело, не имея капитала, в расчете на кредит под сомнительные ценности—ну, и жалуются теперь на безденежье в надежде этим путем побудить государственный банк выдать денег под недостаточные обеспечения. Но в своих затруднениях сами же и виноваты... Теперь, по прошествии десятков лет, это кажется не более, чем пародией, но таков был факт. Люди не были в состоянии разобраться в разразившемся кризисе просто потому, что не признавали его тем, что он есть.

Это не к одним чиновникам относится. Кризис, благодаря тем сенсационным процессам, которыми он сопровождается, сосредоточивает общее внимание на отдельных личностях и их деяниях. Благодаря этому именно в деталях привыкли видеть обыкновенно причину кризиса; вся катастрофа получает характер несчастной случайности. Как-то даже одна газета выступила с проектом банковой полиции на подобие полиции судоходной, фабричной и т. д.

Легко, однако, понять, насколько такое об'яснение глубже простого отрицания. Конечно, пока отдельные лица, призван-

[1]) П. П. Мигулин. «Реформа денежного обращения в России и промышленный кризис».

ные «оживить» нашу промышленность, бесконтрольно могли распоряжаться миллионами акционерных денег, всегда находился делец, который осложнит дело двумя-тремя пикантными штрихами. Но это обстоятельство, так сказать, независящее, выступавшее особенно выпукло лишь в последний, предшествующий развязке момент. Частные ошибки, совершающиеся всегда и везде, как бы они ни были важны, не могут вызвать катастрофу, охватывающую целый район. Этим ошибкам частных лиц предшествовали общие экономические явления, которые и выступали, наконец, с такой рельефностью, что даже официозы не могли не признать наличность торгово-промышленного застоя в тесном смысле слова.

Это был самый острый период десятилетия. Если выплавка чугуна в России, например, в 1910 году далеко не достигла цифры 1901 года, то с 1901 года она сделала скачек вниз на 16 миллионов пуд., а с 1902 г.—еще на 8 миллионов с лишним; уже эта цифра была красноречива: ведь металлургическое производство недаром считается первым во всей промышленности. Продукты производства падали в цене прямо скачками. Обострялся застой в мануфактурном производстве (хотя выражался он здесь несколько иначе, чем в железоделательном), особенно в Лодзи, из промышленных предприятий которой берлинские капиталисты еще в конце 1899 года решили из'ять капиталы. Насколько подвинулось сокращение добычи нефти, как и общее ослабление промысловой и буровой деятельности, показывало уменьшение числа промыслов с 217 до 210, а число эксплуатируемых скважин—с 1.248 до 1.172. Добыча шерсти упала на 35 миллионов пудов. Особое впечатление произвела трагическая смерть Алчевского со всеми ее последствиями. Под влиянием этого удара, цены акций пошли еще ниже, чем раньше. Опять-таки явилось несколько привходящих моментов. Урожай 1900 г. был, например, неудовлетворителен—теперь на горизонте появился голод. Целый ряд пожаров распространился по стране. Города, сотни деревень, сотни тысяч превосходного леса, колоссальные склады разных товаров, строящиеся суда—все это горело в эти черные дни, точно специально для того, чтобы подчеркнуть остроту промышленной беды. Только тут впервые отметила государственная роспись не только стеснение отдельных

«крепких и жизнеспособных дел», но и «некоторых отраслей промышленности», даже «народного хозяйства» вообще. Казалось бы, факт признан был; никаким рассуждением его не сотрешь, оставалось, значит, его разобрать. Когда есть основание предполагать, что в организме что-нибудь не ладно, обыкновенно прибегают к термометру: повышение температуры и есть симптом болезненности. Есть свой термометр и в экономической жизни. Но не тут-то было. Пока время шло, и финансисты вырабатывали свое убеждение, что Монблан есть факт, они успели найти и утешение, состоявшее в том, что бедствие, вместе с тем, «уже» проходит. Разумеется, все хорошо, что хорошо кончается, и с тех пор, приблизительно с весны 1903 г., все отношение их к промышленному застою характеризовалось этим ожиданием «конца».

Нельзя не упомянуть, что надежды на близость нового под'ема в 1903 г. имели некоторое основание. Действительно, в 1903 году был момент краткого, хотя шаткого «покоя», за которым в Западной Европе при аналогичных условиях последовал под'ем, тем более, что 1903—1904 г.г. дали более или менее благоприятные урожаи. Хотя угнетенное состояние продолжалось, но как будто появились и признаки того, что промышленность оправляется: производство чугуна возросло с 150 до 180 мил. пуд., добыча угля—с 1.039 до 1.108 мил. пуд. Опять как-будто начинают возникать новые предприятия, расширяться старые. Так, число предприятий выростает с 110 до 130, а капитал, вложенный в них,—с 82 до 90 мил. рублей. Этому идет навстречу международное положение денежного рынка, и вот министр финансов, еще в 1909 г. видевший «улучшение условий народного хозяйства», сейчас окончательно уверяется, что «предложение приспосабливается к спросу»; признаки: «успокоение и постепенно усиливающееся доверие». Увы! На деле все это было крайне эфемерно. Количество выплавленного чугуна возросло, а цены тотчас же значительно упали. Если нефтяная промышленность обнаружила движение вверх, то не надо забывать, что она работает на мировой рынок. Нижегородская ярмарка 1904 г. была ниже предыдущей, несмотря на удовлетворительный урожай. Словом, если и было в 1904 году существенное движение промышленного капитала вверх, то в таком случае мы тотчас же в

1904 г. вступили в новое состояние промышленного кризиса. Пока же официозы с каждым новым воплем русской буржуазии подносили ей ту же сказку о «конце», русско-японская война и внутренняя неурядица политическая лишили ее даже того зыбкого основания, какое она имела в 1903—04 г.г.

В известной плоскости эта самая война, так обострившая промышленную дезорганизацию того времени, породила и эту иллюзию. Производство должно было вырасти в тех отраслях, которые изготовляли предметы, необходимые для ведения войны, а вместе с тем в тесно соприкасающихся с ними, и это своеобразное оживление на том месте, где сейчас только было пусто, не могло не вводить в заблуждение: готовились снаряды, строились вагоны, получались заказы на кожевенных заводах и пр. И только новый денежный крах, об'ясняемый тем, что нужды войны потребовали колоссальных средств в то самое время, когда, казалось, промышленное положение начало улучшаться, требуя лишь свободной денежной наличности для того, чтобы приобрести вновь равновесие, показал всем, сколько-нибудь беспристрастно подходившим к вопросу, насколько временный под'ем производства в сферах, непосредственно обслуживавших военные потребности, мало изменял существо дела и, наоборот, насколько крепко кольцо репрессии (застоя), охватившее весь торгово-промышленный оборот. Война еще больше подорвала кредит, остановила торговлю с Дальним Востоком, поколебала денежную валюту, породила еще большую неуверенность в рыночных отношениях—мудрено ли, что в 1905 г. кризис, усиленный новым крупным неурожаем, опять охватывает все сферы производства, и ни о каком нормальном экономическом развитии не могло быть и речи. Если же так отразилась война, то еще резче отражалась на промышленном состоянии России революционная, а затем контр-революционная волна, нанеся удар по самому больному месту, именно иностранному капиталу, устроившемуся так плотно в России и вдруг испугавшемуся за свое благополучие. Таким образом, если и был в самом деле момент «покоя», то застой от этого не прекратился.

Могли ли казенные умы об'яснить этот застой глубже, чем несколько лет назад?

Конечно, не могли, так как, если тогда самого кризиса для них не было, то сейчас он... проходил, как проходил год, два, три тому назад. При таком взгляде так же мало было нужды разбираться, как и тогда.

Помимо царских мудрецов, конечно, был сам заинтересованный капитал—представители всероссийского купечества, но об них говорить едва ли приходилось. Достаточно было кинуть взор на все те меры, какие предпринимались по ходатайству промышленников, на все те жертвы, с которыми эти меры соединялись, чтобы понять, что это не столько была точка зрения, сколько простой голый аппетит, не прикрытый даже тем фиговым листком, каким так любят прикрывать себя общественные классы в своих словесных заявлениях. Правительственная поддержка, переложение своих часто мнимых убытков на население, и без того обремененное налогами, нормировки, повышение пошлин—согласитесь, об'яснения, если и можно было здесь искать, то совсем с другой стороны.

Если, помимо казенного «конца», чье-либо отношение к переживаемому кризису бросалось в глаза, то это лишь той левой части русской интеллигенции, которая незадолго до того вдруг тоже заговорила... о конце кризиса и начале промышленного под'ема, так как, только поборов этот оптимистический предрассудок, все равно в правой или левой постановке, можно было что-либо об'яснить.

Трудно было отрицать, что после нового обострения в 1904 — 05 г.г. вновь стало появляться нечто аналогичное «покою» 1903 г., даже более ярко выраженное в таких основных отраслях, как металлургическая и добыча минерального топлива. Так, добыча каменного угля, с 1904 на 1905 г. упавшая на 40 мил. пудов, в 1905 г. вновь поднимается на столько же. В 1907 году добыча еще более вырастает, при чем по отдельным районам повышение выражалось крупными цифрами. Количество чугуна, произведенного в 1907 году, значительно превышает соответственное количество 1906 г. Переживает оживление и текстильная промышленность, особенно в центральном районе, в производстве хлопчатобумажной ткани. Белостокские фабриканты ожидали уже «блестящих результатов», московские фабрики обеспечивались заказами; дело было только за урожаем, так как хлопчатобумажная

промышленность России стоит в самой тесной связи со сбором хлеба.

Сахарных заводов хотя прибавилось в 1906—07 г.г. только три, но переработано в этом году было 61,7 мил. пудов, между тем как аналогичная цифра 1904—05 г.г. составляла лишь 39,2 мил. пуд. Прибыль Путиловского завода опять поднялась в 1906 г. с 938,296 рублей до 2 мил. Из отчета Орловского завода явствовало, что акционеры, вопреки положению цен, получили в этом году 14½% дивиденда. Как водится, опять начали притекать иностранные капиталы, возникать новые компании, новые планы разработки нетронутых богатств... Словом, явилась видимость того оживления, которым сопровождается всякий промышленный переход от кризиса к под'ему. Недаром на этот раз о «конце» заговорили даже люди, претендующие на авторитет исследователей экономического развития России.

И вот наступает 1908 г., а вместе с ним... то же разбитое корыто. Дело, как и в 1903 г., оказывается не в голом факте, а в характере оживления. Что, напр., означало «оживление» металлургической промышленности? Увеличение вывоза в 1906 г., скажем, чугуна в 14,8 раз против 1904 г., или 23,7 раза против 1905 г., руды железной—в 1,7—2,1 раза и пр. Можно ли считать признаком под'ема то, что в то время, как в самой России нет сбыта продуктам металлургии, когда крестьянин сидит под своей кровлей без гвоздя, а железные дороги страдают от недостатка паровозов, вывоз их растет как из Польши, так и из южного района; что, то и дело, идут сообщения о заказах для заграничных центров? Конечно, нет. Одновременно с этим, внутренний рынок был также беден возможностями. Быть может, это об'ясняло понижение цен в видах конкуренции с заграничными заводами; но это не снимало с очереди вопроса о самом тупике, в который забрело производство. В 1908 году производство чугуна понизилось против 1907 г., не говоря о том, что количество его не достигло даже цифры 1901 г.

На оживление каменноугольной промышленности оказал влияние, ни более, ни менее, переход предприятий с нефти на уголь—опять-таки обстоятельство, не имеющее отношения к «оживлению». Количество перерабатываемого в России хлоп-

ка тоже понизилось в 1907 г. против 1906 г.; самое же оживление было лишь в отдельных районах. Так, напр., на Нижегородской ярмарке многие фирмы совсем не были представлены, многие явились без товара, а «покупатели сверх ожидания выказали крайнюю сдержанность и нерешительность».

Не менее характерно было отношение иностранных капиталистов. Хотя после лихорадочного отлива их в дни свободы они опять начали появляться, но прилив этот был так незначителен, что едва ли имел значение в качестве устроителя новых промышленных предприятий. Международный капитал готов получать прибыль, где угодно, но только не там, откуда он только-только бежал, испуганный за свое существование.

Вся надежда была на внешний рынок—надежда, явившаяся впервые у нашей буржуазии в черные дни кризиса. Но надо ли говорить, что, при отсутствии рынка, в конце-концов, русскому купечеству не по силам было спорить с западноевропейским конкуретном теперь, как и раньше.

Ошибка наших экономистов, заговоривших-было в унисон с официозами об окончании кризиса, в том, что они обратили внимание лишь на общие итоги, не потрудившись разобрать, что скрыто за этими цифрами; затем, конечно, обычное пристрастие судить о судьбах нашего капиталистического развития по избитым аналогиям с Западом. Если бы они осторожнее подошли к вопросу, то они бы увидели, что, в сущности, 1906—07 г.г. ничем не отличались от 1903 г., что в основе положения лежало хронически угнетенное состояние, только меняющееся то в ту, то в другую сторону. С этой точки зрения, вернее было говорить не о под'еме, а именно о застое. Впрочем, надо отдать справедливость оптимистам: очень скоро о конце кризиса уже говорили лишь на одном полюсе—в министерстве финансов. Так сама логика вещей учит тех, кто еще подходит к жизни без предвзятых тенденций.

Застой был налицо, затяжной, не открывавший исхода. Где же об'яснение? Об'яснение, прежде всего, в тех путях, в которых производительные силы Рсссии не могли далее развиваться. Одно из двух: или европейские хозяйственные формы, или азиатские, или путь промышленного капитализма, или увековечение отсталых переходных процессов. Казенные заказы, всякого рода премии и льготы, с одной стороны, при-

митивный темп развития—с другой. Охраняя отечественную промышленность от конкуренции иностранных предпринимателей, таможенный тариф сбусловил низкую технику, а дешевизна рук закрепила ее надолго. Высокий тариф обеспечил предпринимателям, действовавшим внутри России, грандиозные барыши, которые вызвали приток иностранных капиталов, быстрое развитие последних. Но развитие это, как и следовало ожидать, оказалось не солидным. Какой спрос могло пред'явить население, покупательная способность которого сводилась к нулю? Не смешно ли было говорить о покупательной способности голодающих, безработных? Спрос остановился и стал регрессировать. Отхлынули и иностранные капиталы. В этом смысле свободительная волна в своем могучем поступательном движении являлась прямым детищем экономического кризиса, в свою очередь углубившем его. Только реформа в состоянии была освободить производительные силы наши из опутавших их оков, подобно тому, как только она в состоянии была дать хлеб миллионам безработных. Прогрессивные нужды хозяйственной жизни России ждали своего разрешения, но соответственные проекты десятками и сотнями прятались под сукно, так как удовлетворить их значило изменить не только финансовую политику, но и поднять потребление широких масс, улучшить положение крестьянства, пролетариата. Нужно было уничтожить свалки мусора, нужен был не ремонт, а перестройка; между тем, чем могло быть бюрократическое творчество вообще, в условиях тогдашнего момента в частности?

Это было творчество, не задевавшее политического строя. Размах был крайне узок, отнюдь не выходя из области «прачечных и оранжерей». Затем—дешев, так как и деньги, собираемые с народа, собирались отнюдь не для того, чтобы вернуть их обратно туда, откуда они брались, в виде общеполезного учреждения; ожидать при таких условиях «конца» кризиса нельзя было, как нельзя было ожидать прочного под'ема. В этом-то все об'яснение особых черт, отличавших десятилетие русского промышленного тупика от полного цикла периодического развития Западной Европы.

IV.

Нижегородская ярмарка в 1912 г. обманула ожидания. Ярмарочные корреспонденты отмечали, что настроение как-то вдруг оборвалось, и на сцену выступили безденежье, слишком высокие цены на товары. Выигрышным временем оказалась лишь первая треть ярмарки и выигрышем этим воспользовались лишь мануфактуристы, первыми открывшие ярмарочную торговлю.

Однако, без сомнения, ошибся бы тот, кто стал бы по этой ярмарке судить об общем состоянии России в 1912 г. В то время, как ожидания в центральном торговом пункте, по заявлению органа министерства финансов, «не вполне оправдались», промышленный под'ем—после целого ряда лет промышленного застоя—был налицо. Казалось, ближайшее будущее нашей промышленности уже столько раз попадало в один и тот же тупик, что оставалось лишь предсказать упадок. Если с легкой руки Брандта, одно время каждый год чьи-либо «данные» неопровержимо доказывали, что кризис кончен (так, мол, и должно быть по аналогии с Европой), то вслед затем все данные, даже самые радужные, подтверждали неизменно обратное—возвращение кризиса. Разве близость нового под'ема в 1903 г. не была возможна? За этим шатким годом «покоя» в Западной Европе ведь в самом деле последовал под'ем. Однако, у нас близость эта оказалась призрачной. «Под'ем» 1906—07 г.г. ничем не отличался от «под'ема» 1903 г.; в основе положения лежало хронически угнетенное состояние, которое — вопреки самым остроумным сравнениям с капиталистическими перипетиями Запада—не считалось ни с какими предсказаниями. Мудрено ли, если наученные горьким опытом пессимисты еще в начале 1912 г. после нового голода, точно вихрь, пронесшегося над русской деревней, ожидали возвращения промышленного застоя. Однако, на этот раз было не так.

На этот раз расцвет промышленности, начавшийся в середине 1909 г. и определенно организовавшийся в 1912 г., без сомнения, носил характер не того оживления, которым сопровождались призрачные переходы от кризиса к под'ему, а подлинного хозяйственного под'ема.

Понижающее влияние неурожая 1911 г.—факт само собой разумеющийся, но, во-первых, чувствительно дало себя знать это понижение почти исключительно в мануфактурной промышленности. Тревожные вести шли из польского мануфактурного района, где целый ряд фабрик (Петроковской, Варшавской, Калишской губерний) сократил производство, и из Иваново-Вознесенска. Товары возвращались обратно на фабрики, фабриканты об'явили дальнейшую скидку с цен—и фактурной области на другие. Но лишь в виде исключения. было ясно, что будущий сезон в Поволжье потерян. «Заминка» давала себя знать, даже переходя, если хотите, из ману- Так, напр., в Риге—после оживленной строительной горячки—вдруг обнаружился застой в строительном деле. Но таких примеров насчитать можно было немного. Напротив, даже хлопчатобумажная промышленность, наиболее пострадавшая, уже заметно оправилась. Те же корреспонденты, которые еще недавно отмечали прямое тяготение цен к понижению, теперь отмечали повышение их под влиянием увеличивающегося спроса, а «Горнозаводское Дело» подчеркивало, что неурожай не остановил того промышленного оживления, в полосу которого мы уже вступили. Поскольку можно судить по притоку акционерных капиталов, мануфактурная отрасль, наиболее тесно связанная с судьбами русского сельского хозяйства, пережила лишь временную заминку.

Тем благополучнее стало в других отраслях, прежде всего, в той, которая наиболее резко почувствовала на себе удары черного десятилетия,—железоделательной. Нельзя не отметить разницы по сравнению с под'емом 90-х годов, когда железоделательная промышленность наша обслуживала почти одно железнодорожное строительство. Тогда казенные заказы для нее были все. Не то сыграло роль в теперешнем железоделательном под'еме. Как раз в это время вновь оживилось железнодорожное строительство, и появился новый спрос на железнодорожное железо. Первый же фактор, двинувший эту отрасль вперед на этот раз—лихорадочная строительная горячка,—как-то вдруг охватила пол-России. Точно все миллионы, накопившиеся за все годы перелома, неожиданно устремились в одно строительство. Разница эта подчеркивает, как значительна была в «под'еме» 900-х годов роль министров, в настоящем же под'еме, наоборот, — роль внутренних сил хозяйственного развития.

Добыча каменного угля во много раз возросла. Рост ее «Горнозаводское Дело» считало «необычайным», «колоссальнейшим», «об'ясняющимся, конечно, необычайным под'емом промышленности в России». Правда, весной 1910 г. вдруг обнаружился угольный кризис, и на угольных шахтах началось сокращение производства. Но об'яснялось это тем, что в значительной степени добыча каменного угля увеличилась за счет нефти: целый ряд предприятий перешел от нефтяного к угольному отоплению. Но, в конце-концов, добыча угля перешла меру, что—в связи с падением цен на нефть—и вызвало «заминку». В 1912 г., однако, за первые четыре месяца добыто было в Европейской России на 10% больше, чем за те же месяцы 1911 г. Отовсюду сообщали, что запасов угля меньше, чем обычно в это время: «настроение с углем твердое». Еще, конечно, шла строительная горячка, обыкновенно предшествующая промышленному оживлению. Но уже можно было указать города, где строительство приостанавливалось из-за недостатка кирпича. Например, число разрешений, выданных С.-Петербургской городской управой на новые постройки в 1910 году, было выше, чем в 1909 г., еще выше в 1911 г. А так как под'ем в одной области неизбежно отражается в другой, то подобное движение вперед мы видели везде, начиная с внешней торговли России, которая еще в 1910 г. характеризовалась чрезвычайным увеличением привоза всех важнейших товаров, и кончая производством сельско-хозяйственных машин, подтверждающим, насколько судьбы сельского хозяйства зависят от развития промышленного капитализма, а не наоборот.

И вот оживление налицо. Росли новые предприятия, расширялись старые. Вводились патентованные способы производства. Оживали предприятия, казалось, уже раз навсегда конченные. Если периоды промышленного под'ема, прежде всего, характеризуются безудержным ростом акционерных компаний, то прилив акционерных капиталов давно уж не был так значителен, как в 1912 г. В 1910 г. опубликованы были уставы 159 новых акционерных компаний, в 1911 г.—232, при чем компании сильно увеличили вложенные капиталы. Общая сумма капиталов, вложенных в акционерные компании, составляла 371,41 мил., и такой прилив, по свидетельству компетентных лиц, являлся небывалым для последних лет.

При этом только в 1910 г. этот прилив акционерных капиталов падал, главным образом, на горнозаводскую и машиностроительную промышленность. В 1911 г. акционерная горячка охватывала и все другие отрасли промышленности и торговли. Прирост учредительства в 1911 г. особенно велик был в мануфактурных, свеклосахарных и пр. предприятиях.

В связи с этим стоит повышение технического уровня. сосредоточение производства. Как это ни странно на поверхностный взгляд, но еще в годы кризиса техника сделала у нас крупный шаг вперед. Как устанавливают данные, прогресс техники в период 1897 г.—1908 г. шел интенсивнее, чем в предшествующее десятилетие, хотя, конечно, производство, само по себе, и сократилось. К этому неуклонно побуждала необходимость понижать издержки производства. Прямой показатель повышения технического уровня—рост числа паровых котлов,—даже в самые трудные годы шедший все вверх. Тот же прогресс техники, наряду с под'емом промышленности, видели мы и сейчас; и лучшее выражение его—концентрация производства. Если число рабочих, вопреки значительным техническим изменениям в строении промышленных предприятий, все-таки заметно увеличилось за названные годы, то прирост этот падал почти исключительно на крупные предприятия. Подчеркивая борьбу крупных и мелких предприятий, отчеты фабричных инспекторов отмечали всю неустойчивость последних. Кризис поистине был вихрем смерти для предприятий мелких, значительно устаревших по своему устройству. Напр., в Баку, сплошь и рядом, мелкие и средние нефтяные предприятия погибали. То же самое в Белостокском районе, где кризис почти совершенно убил ручное ткачество. Перед нами, на наших глазах, вырастали гигантские предприятия, поглощавшие мелкие и средние предприятия, как рыбешку, и в этих-то гигантах была вся суть перелома, происшедшего в нашей промышленной кон'юнктуре.

Русский капитал европеизировался. Число синдикатов—разумеется, «нелегальных» — рос с каждым днем, а вместе с тем, рос дивидендный процент. По данным даже такой газеты, как «Россия», 11 южных доменных заводов на 1910—1911 г.г. получили 17 миллионов руб. прибыли, что составляло 15 проц. на капитал; и в других отраслях промышленности экономический под'ем использован был «с достаточной

выгодой». Надо, в самом деле, лишь вспомнить прибыль Путиловского завода или Сормовского, где дивиденд был еще выше. «Мы уже и теперь оплачиваем,—заявляла министерская газета,—такие проценты на капиталы, вложенные в промышленность, которые далеко оставляют за собой все то, что считается не только удовлетворительным, но и прямо хорошим на европейском Западе».

Так наступил под'ем промышленности. Хотя уже в самом начале сопровождался он двумя урожаями, исключительными и по качеству сбора и по количеству,—не в них были первопричина. Что урожаи сыграли свою роль прежде всего в хлопчатобумажной промышленности—и роль не малую—не подлежит сомнению. Но коренная перемена на промышленном рынке в непосредственной связи с урожаем не стояла. Ведь совпал же под'ем промышленности в 90-х годах с неурожаем, а промышленный кризис—с урожаем. К тому же теперешний под'ем не стоял особняком. Он характеризовал не только Россию, но и капиталистические страны Запада и Америки, в то время как в 1903—04 г.г. случилось обратное. Вот в этой-то особенности, как указывал М. И. Туган-Барановский, бесспорно, лежала одна из основных движущих пружин нового под'ема, сообщавшая ему свои черты.

В самом деле, присмотримся к нему. В то время, как обычно моменты кризиса и расцвета совпадали у нас с такими же колебаниями западно-европейского капитала, в 1903—04 г.г. соответствие оказалось нарушенным. Казалось бы, нити, связавшие молодой русский капитализм с интернациональным, делались все крепче. На самом же деле только страны Запада в то время успели пережить полный цикл периодического развития, перейдя от угнетенного состояния к промышленному под'ему. У нас же этого не произошло. Почему же не произошло? Мы уже говорили выше. Все, вместе взятое, нанесло удар по самому больному месту, именно иностранному капиталу, устроившемуся так крепко в России и вдруг испугавшемуся за свое благополучие. Совсем иное стало, когда иностранный капитал отделался от своих опасений, а иностранная пресса доказывала с «цифрами в руках», что политическое положение России оказалось несравненно устойчивее, чем могло казаться под влиянием минуты. Если капитал бельгийских акционерных предприятий в 3 года (с 1897 по 1900) уд-

воился в нашем отечестве, а затем стал быстро убывать, то теперь «Русский Экономист» провозгласил новый поход на Россию бельгийских капиталов. Если под'ем девяностых годов имел в своем основании, скажем, 15 мил. фунтов стерлингов английских акционерных компаний, то в 1912 г., напр., номинальные размеры английского выпитала, вложенного в нефтяное дело одного Майкопского района, составляли почти 200 миллионов рублей. Германские, французские капиталы возвращались. Если принять во внимание, в каких сравнительно скудных размерах в России накопляется капитал внутренний, как бедна Россия собственным капиталом, то значение прилива иностранных капиталов для промышленного под'ема станет ясно. Если накопление шло во-всю; если капиталисты сберегали сотни миллионов, отказываясь от «личного потребления», то это было сбережение, прежде всего, заграничного происхождения. Новые компании, новые планы разработки нетронутых богатств, новые концессии—все это означало, что иностранный капитал, после памятного лихорадочного отлива, «возвратился» и завоевывал все пути.

Под'ем продолжался уже три года. Три года министерство финансов—можно сказать, с оптимизмом, достойным лучшего применения, восклицавшее: «пора бы покончить с мифом о несуществующем кризисе»—приписывало мудрость «конца кризиса» себе. Однако, уже было время и задаться вопросом: сколько же еще приблизительно продержится начавшийся промышленный под'ем? Не было ли каких-либо признаков, указывавших на новый кризис? Вопрос этот тем более был уместен, что маленькие недостатки механизма—те самые, которые определяли положительно все в нашем отечестве—хорошо были известны, и не было вопроса, при обсуждении которого их можно было бы хоть в слабой степени не принимать во внимание. Если бы движение 1905 г. одержало верх, промышленный под'ем бесспорно пошел бы своим нормальным путем —путем европейского промышленного цикла. Но победил старый режим, и промышленное развитие застряло в тупике: черносотенная реакция отнюдь не почва для длительного промышленного под'ема.

Милитаризм, внешние авантюры, полицейское самодержавие—все то, что входило в содержание «обновленного строя», отнюдь не создавало сколько-нибудь устойчивого про-

мышленного положения. Если десятилетний застой в указанном выше смысле явился результатом несоответствия между экономическим развитием и политической отсталостью, то попытка приспособить производительные силы путем 3 июня осталась попыткой, весьма мало изменившей соотношение сил. Не было даже видимости буржузной конституционной монархии. Первой основой—до последних дней—было преобладание помещиков. Пусть капитализм рос, учреждались новые предприятия, пусть концентрировалось производство, а технический прогресс европеизировал российскую промышленность — тот червяк, который сослал ее сердцевину, был жив и цел и делал свое скверное дело. Знаменателен был поход, открытый в органах министерства финансов против аппетитов российских заводчиков и фабрикантов непосредственно после того, как председатель совета министров выступил со своими речами, в которых призывал их к государственному строительству в четвертой думе, в которых выражал желание, чтобы буржуазия стала подлинным хозяином этой думы. Ведь в существе царская реакция оставалась реакцией, и основой ее было черносотенное землевладение.

V.

Об'единенное дворянство диктовало свою волю. Когда об'единенный капитал противопоставит свою власть, — открыто заявляла «Россия»,—то это будет несчастие для всех, кто придет с ним в соприкосновение. «Россия» вскрывала святая святых царской экономической политики, а вместе с тем те особые условия, в которых промышленный под'ем сколько-нибудь длительным, интенсивным быть не мог.

Действительно, не прошло трех лет промышленного оживления, как признаки нового промышленного кризиса были уже налицо. Я имею в виду биржевую панику 1912 г., вызвавшую стремительнсе падение курсов дивидендных бумаг. Конечно, сам по себе биржевой крах еще не влечет неизбежно краха промышленного. Паника эта связана была с об'явлением войны на Балканском полуострове, т.-е. вызвана была причинами случайными на первый взгляд. Между тем биржевой крах 1896 г., так основательно потрепавший биржевые

круги в то время, был вызван причинами внутреннего характера, и все-таки приостановить в сколько-нибудь значительной степени продолжавшееся промышленное оживление он не был в состоянии. Промышленный под'ем не прекращался еще три года после него, и лишь в 1899 г. разразился кризис промышленный. Однако, достаточно было присмотреться к этой биржевой панике, чтобы убедиться, что всенные события придали падению бумаг лишь особую стремительность, но что значение этой паники, как показателя ближайшего будущего, было весьма серьезно. Дело в том, что за те годы физиономия русских бирж существенно изменилась. Экономисты-наблюдатели единодушно указывали на тот особый интерес, какой замечался у совершенно новых кругов общества к бирже. Еще недавно биржа была синонимом биржевой спекуляции, и эта спекуляция была делом узкого круга, не имевшего вне биржи никакой почвы. Теперь же биржа захватила самые разнородные круги, и это, мало-по-малу, связало биржу тесными узами с промышленным ростом страны.

Еще недавно на бирже обращались, кроме государственных бумаг, десяток-другой промышленных и банковских акций—и все. Даже в даннсе время такие отрасли промышленности, как сахарная, мануфактурная, мукомольная, лесная, чайная торговля, не были втянуты биржей. Целые районы, вроде Урала, усеянного многомиллионными предприятиями, оставались еще вне биржевых оборотов. Однако, оторванность наших бирж за те годы отошла в область прошлого, и лучшей иллюстрацией являлась роль банков в промышленности, этих истинных посредников между биржей и промышленностью. Годовой отчет о деятельности наших акционерных коммерческих банков за 1911 год интересен был этим все увеличивающимся влиянием их на промышленность. Вот образчики. Общество Путиловских заводов: среди акционеров числились: Петербургский Торговый банк (9.349 акц.), Сибирский Торговый банк (2.000 акций), другие акционерные банки (2.800 акций). Бакинское нефтяное общество: Петербргский Международный банк (3.075 акций), Петербургский Учетный и Ссудный (1.500 акций), Русско-Азиатский (1.275), Волжско-Камский (1.220). Общество Юго-Восточных железных дорог: Русский Торгово-Промышленный банк (1.500 акций), Петербургский Международ-

ный Коммерческий (7.000 акций), Частный Коммерческий (500), ряд других банков. Банки приобретали все больше и больше акций промышленных предприятий, передавая их затем на биржу. «Торгово-Промышленная Газета» верно отмечала, что «участие банков в различных синдикатских организациях и руководство целым рядом промышленных предприятий—одна из наиболее характерных черт нашей банковской деятельности». Это знаменовало крупное влияние биржевых тузов в промышленных предприятиях.

С этой высоты между биржевой спекуляцией, скажем, 1896 г. и биржевой спекуляцией 1912 г.—осязательная разница. Данное оживление биржевой деятельности, созданной коммерческими банками, несравненно большим количеством общих интересов было связано с промышленным развитием,—значит, и биржевой крах должен был быть более чреват последствиями для промышленной кон'юнктуры. Если биржевое оживление до сих пор содействовало упрочению отечественного производства, все более сосредоточивая его в руках немногих финансистов, то, с другой стороны, как только денежный рынок начал истощаться, как только бумаги начали падать, при такой тесной связи перелом в положении промышленности был неизбежен в близком будущем.

Как известно, биржевой крах 1896 г. хотя и не вызвал серьезного расстройства в промышленном состоянии страны, но бирже все-таки причинил урон непоправимый, после которого она подняться не могла и влачила существование незавидное. Этот же крах—чего не было в 1896 г.—представлял собой первый показатель того, что от нового под'ема мы опять пили к новому застою, который, конечно, сложился согласно опять-таки не европейской экономической логике, а нашей российской. И этот кризис не предупредили ни царские «финансисты», ни иностранные тузы, которым хотя безразлично, где получать прибыль, но раз они ее получают в России, то должны и недостатки механизма принимать. Недостатки же эти были все в том же—в несоответствии политических форм экономическому развитию. Как прежде, так и теперь русский капитализм обгонял узкие границы прежних хозяйственных единиц, но разложение крестьянства, рост торгового земледелия, увеличение промышленного населения очень медленно расширяли отечественный рынок. Дальнейший рост—развитие капита-

лизма вглубь—задерживался присущим ему противоречием, и если капиталу было еще куда уйти, так это на свободные и доступные колонизации окраины. Но, мало-по-малу, и не капиталистические окраины втягивались в водоворот русского капитализма и порождаемого им противоречия, с тем, чтобы, с расширением парового транспорта, томиться, подобно центрам, не столько от развития капитализма, сколько от недостатка этого развития. Недостаток же развития капитализма в нашем отечестве был на половину продукт политического тупика.

Обилие свободных, доступных «экономическому завоеванию» земель, относительная легкость сбыта за счет старых, вытесняемых обменом форм производства, огромные и нетронутые богатства,—это ли не преимущества русского капитализма, единственные в своем роде? Вот, напр., с июня 1911 г. по июнь 1912 г. разрешены были к постройке 5.418 верст железных дорог, стоимостью в 389 милл. рублей. Каждая же новая линия открывала новый рынок русским капиталистам, расширяя сферу их деятельности. А все-таки продолжительный крупный расцвет—такой, какой наблюдался в капиталистических странах Запада—даже при условии казенных заказов у нас был невозможен. Нормальное экономическое развитие возможно лишь в соответствии с политическими формами государственной жизни, лишь после того, как социальное содержание реакций, с ее помещичьей основой, будет исчерпано раз навсегда.

Грянула война.

Отсутствие спроса, недостаток сырья и машин, затруднения в путях сообщения—все это сплелось с основными причинами, лежавшими в основе длительного кризиса; все это обострило в высшей степени положение дел на рынке. Если это было еще не то, чем сопровождался этот кризис в Германии—стране, производящей по преимуществу на мировой рынок, но в то же время сдавленной, с одной стороны, английским флотом, а с другой—русско-французскими войсками,—то, во всяком случае, основное. Сводка фабричных инспекторов—сводка данных по предприятиям, подчиненным их надзору (Кавказ и Царство Польскс обследованы не были), раскрыла такой итог в 1915 году: в 1.725 предприятиях было сокращено и вовсе остановлено производство.

Неожиданное воздействие оказала и революция —нервное, возбужденное состояние рабочей массы, с одной стороны, контр-революционная паника капитала—с другой. Хаос хозяйственной жизни осложнился хаосом социального порядка. Рабочий класс, закрепляя свои позиции, захваченные в первые дни революции (1917 г.), избрал своим оружием забастовку. В свою очередь, представители капитала всем классовым своим существом воспротивились «разрушению основ торговли и промышленности».

И вот кризис, вначале замаскированный, благодаря военным прибылям, океану бумажных денег, а затем катастрофический.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Возникновение резервной рабочей армии.—Кризис 1857 г. и банкротства 1872-73 г.г.—Промышленная депрессия 1880-87 г.г.

I.

Мировой кризис 1857 г., потрясший всю Западную Европу и Северную Америку, отразился банкротством банков, акционерных компаний, торговых и промышленных фирм, а следовательно, сокращением производства и безработицы и в России. «Уже с 1858 года начинаются во внутреннем производстве и торговле задержки, заминки, которые в 1859 г. превращаются внутри России в значительный кризис,—писал экономист той эпохи.—Крушение акционерных компаний было бы излишне описывать; оно слишком всем известно; немногие из акционерных компаний уцелели. Но акционерный кризис действовал на поверхности общества и на верхушках народного хозяйства. Во всем внутреннем его организме произошли затруднения гораздо более глубокие, более продолжительные и опасные. Как внутреннее промышленное оживление составляло главный характер первой эпохи испытанного нами переворота, так промышленный и коммерческий застой, поразивший наше народное хозяйство во всех внутренних центрах производительности и на всех внутренних рынках, представляет собой самую серьезную сторону второй или, лучше сказать, нынешней эпохи кризиса» [1]).

Еще чувствительней было действие венского биржевого краха 1871 г. на русскую промышленность. «В настоящее время,—констатировал обозреватель «Вестника Европы»,—можно сказать без преувеличения, что нет ни одной фирмы в Москве, которая не понесла бы более или менее значительных убытков и не была бы вынуждена к более или менее значительному сокращению своих оборотов» [2]).

---

[1]) В. Безобразов. «О некоторых явлениях денежного обращения в России». М. 1863 г., II, стр. 24.

[2]) «Вестник Европы», 1877 г., № 12. «Внутреннее обозрение».

Уже эти промышленные колебания должны были породить резервную рабочую армию. И отчасти это и было так. Однако, следов безработицы в капиталистическом смысле этого слова мы не находим еще ни в прессе, ни в статистике. Очевидно, первые кадры были еще впереди. И это так и должно было быть. Рост крупного производства шел у нас очень медленно.

Под'ему конца 70-х годов предшествовал период подготовительный. Капитал был направлен в сторону железнодорожного строительства, на организацию банкового кредита. И сооружение железнодорожной сети, и организация банкового кредита создавали базис для промышленного капитализма, поскольку он пускал корни. Но установившейся и развившейся капиталистической индустрии еще не было. Даже для железнодорожного строительства материалы выписывались из-за границы. И металлургическая, и машиностроительная, и каменноугольная, и нефтяная промышленность находилась еще в зачаточном состоянии. Фабрично-заводское производство сосредоточивалось в отраслях, тесно связанных с земледелием, каковы: свеклосахарная, винокуренная, мукомольная, кожевенная и т. п. Так, в 1870 г. производительность нашей обрабатывающей промышленности не превышала 318 мил. рублей при общем числе рабочих 356.184. Исключение составляла лишь мануфактурная—старейшая отрасль нашей промышленности.

Лишь с половины 70-х годов—с усиленным покровительством русской промышленности, с одной стороны, и небывалым притоком иностранных капиталов, с другой—промышленный капитализм в России принял бурный характер. Отныне капиталы, вложенные в железные дороги, начали освобождаться и вступать в частный оборот, и промышленная деятельность, в тесном смысле слова, как обрабатывающая, так и добывающая, испытала небывалый под'ем. «Чрезвычайное усиление производства, начавшееся еще в 1878 году,—писал Безобразов,—продолжалось в зимнем фабричном периоде 1879—80 г.г. Это усиление было таково, что хлопчатобумажная промышленность, всего более подвергшаяся промышленному возбуждению этой эпохи, расширилась на 900 тысяч (и. может-быть, до 1 миллиона, как исчисляли знающие люди) вновь поставленных в 1879 г. прядильных веретен. Это

расширение, когда все количество веретен исчислялось у нас в 3½ мил., дает понятие о том необыкновенном полете, который приняла вся наша промышленность в эту эпоху, хотя хлопчатобумажное дело превзошло в этом отношении все прочие» [1]).

«Везде строились все новые и новые фабрики. Прибыли фабрикантов достигали небывалых размеров» [2]),—продолжал экономист. Разумеется, и рост производства конца семидесятых годов мы не переоцениваем. Время первоначального накопления еще не миновало. Вплоть до 90-х годов шло капиталистическое рождение России. Но все же кризис 80-х годов (1880—1886 г.г.) был скорее промышленным, чем финансовым кризисом, в то время, как кризисы 57 и 71 г.г. имели скорее характер финансовый, чем промышленно-капиталистический.

Вот почему колыбелью безработицы были у нас эти годы. Промышленный капитализм в России первоначально обнажил свои противоречия лишь в кризис 80-х годов.

II.

«Мы слишком долго игнорировали рабочий вопрос,—писал С. Приклонский в январе 1883 г.,—долго замалчиваемый у нас рабочий вопрос как будто вырос из-под земли и предстал пред нашими глазами в то время, когда продолжительный промышленный кризис ухудшил положение рабочих» [3]).

Но кризис перешел в застой.

Затяжной характер был отличительной чертой его. Реакция против под'ема, достигшего своего апогея в конце 1879 г., началась уже в 1880 г. «Оживление отечественной промышленности, следовавшее за войной 1877 г.,—писал в 1880 г. профес. Исаев,—радовало нас недолго. Уже весной текущего года сбыт товаров был несколько затруднен, а теперь резко обозначаются признаки наступающего промышленного кризиса» [4]). В 1881 г. положение обострилось. «Многие фабрики и заводы закрыты, другие закрыли производство, распустив

[1]) В. Безобразов. «Народное хозяйство России», I, стр. 277.
[2]) Ibid. Стр. 290.
[3]) С. Приклонский. «Хроника рабочего труда в России». «Дело», 1883 г., № I, стр. 86.
[4]) «Земство», 1880 г., № 1. «Наше экономическое положение».

множество рабочих и понизив заработную плату оставшихся работников,— констатировало «Земство»,— вследствие отсутствия спроса на товар; фабрики, принадлежащие даже таким солидным фирмам, как г.г. Морозовы, значительно сокращают работы, и толпы рабочих из дальних губерний без копейки денег направляются вон из Орехова-Зуева» [1]).

В 1882 г. в Париже разразился крах Бонту, а в Соединенных Штатах в 1884 г.—железнодорожный крах, аналогичный краху 1873 г.; после чего в капиталистическом мире Англии, Франции, Германии, Соединенных Штатов началось сокращение производства, в свою очередь отразившееся в России. Застой принял хроническую форму. Корреспонденты московского земства указывали, что даже зимой 1886—87 г.г. еще не было видно конца тягостного положения дел на фабриках и заводах. «Цены на труд и спрос на рабочие руки упали; многие фабрики стали, другие сократили производство»,— характеризовал «Ежегодник московского земства» фабричную промышленность Московской губернии этих лет. В некоторых местностях «фабричное производство почти что приостановилось, весь фабричный народ жил дома без заработка» [2]).

Это уже не был биржевой крах. Это уже был промышленный кризис в современном смысле этого слова. «Сведущие люди говорят,—писали «Русские Ведомости»,—что в истории нашей промышленности еще не было примера столь продолжительного и упорного застоя. Это не острый кризис, который быстро разрушает промыслы и столь же быстро проносится мимо; это какое-то мертвенное, апатичное состояние спроса, которому не видно конца, при котором каждый перебивается изо дня в день, не зная, что его ждет завтра».

На наших глазах рекрутировалась безработная армия, не втягивавшаяся в промышленность и в лучшие годы. Нашелся даже обозреватель восьмидесятых годов, который тщательно регистрировал действие кризиса восьмидесятых годов на положение рабочего класса. Мы имеем в виду С. Приклонского, посвятившего ряд обозрений застою и безработице в «Земстве» (1880—81 г.г.), «Русской Мысли» (1882 г., № 4, 5 и 10) и

---

[1]) Ibid. 1882 г., № 3.

[2]) Статистический Ежегодник московского губернского земства 1887 г.

«Деле». Здесь им были начата—правда, оборванная на первом опыте—«Хроника рабочего труда в России».

Присмотримся же к цифрам и фактам, характеризующим первые разервы молодого русского капитализма. Разумеется, я не ограничиваюсь данными Приклонского, доводящего свой обзор до 1883 г. Однако, я широко использовал эти данные.

III.

Мрачные картины капиталистической безработицы развертываются с первых же месяцев кризиса и во всех отраслях производства.

Уже 1880 год был шатким для рабочих. «Бывало, в обеденные перерывы и утрами у ворот некоторых заводов,—пишет автор воспоминаний о деятельности среди рабочих в 1880—84 г.г.,—скоплялось так много ищущих места, что трудно было протискаться к калитке. Картина безработицы была настолько тяжела, что делалась невыносимой и для тех рабочих, которые не были лишены работы» [1]). Прежде всего дала она себя знать на механических заводах. «Каждую неделю сотнями увольняли народ, выбрасывали на улицу. С утра до вечера громадные толпы народа стояли у ворот заводов, где еще не рассчитывали. Но таких заводов было мало. Едва показывался в воротах мастер, механик или управляющий, как его осаждали со всех стороны: нет ли места для токаря, не нужен ли слесарь, столяр, кузнец, литейщик? На все вопросы раздавался один ответ: своих увольнять будем. На следующий день появляется новая толпа, те же вопросы и тот же ответ» [2]). Между тем, надвинулась зима... зима 1880—81 г.г. Бедствие стало еще трагичнее. Массовая безработица обозначилась на всем промышленном горизонте.

Весной 1881 г. могло казаться, что Петербург еще относительно благополучен; по крайней мере, «Биржевые Ведомости», говоря о закрытии фабрик и роспуске рабочих команд в главных центрах, писали: «В Петербурге таких закрытий, благодаря деятельному участию правительства, до сих пор не

---

[1]) В. С. Панкратов. «Воспоминания», 1880—84 г.г., стр. 5.

[2]) В. С Панкратов. «Из деятельности среди рабочих в 1880—84 г. г.». «Былое». 1906 г., № 3, стр. 230.

было. Быт рабочих и их семейств был более или менее обеспечен, вследствие чего социал-демократические агенты только в редких случаях среди петербургских рабочих находили благоприятную почву для своих учений». Однако, это был самообман. Уже зимой 1880—81 г.г. крупные заводы Петербурга, особенно механические, лишившись казенных заказов, стали распускать рабочих. Так, на огромном заводе Берда, где прежде работало 3—4 тысячи рабочих, теперь оставалось 1.000; на Александровском заводе вместо 800 осталось 350 рабочих; на Самсониевском вместо 1.200—1.500 только 45, на заводе Нобеля вместо 900—1.200 около 600. Вообще, миллионные обороты всех заводов сократились почти наполовину.

В Москве и Московской губернии безработица обозначилась в 1880 г. В Владимирской губернии положение как кустарей, так и фабричных рабочих в 1880 г. было таково: в Иваново-Вознесенске было рассчитано не менее трех процентов рабочего населения, составлявшего здесь целые десятки тысяч. В Орехове-Зуеве, насчитывавшем до 30.000 рабочих, сокращение рабочих было еще значительнее. Некоторое время фабриканты не решались распускать рабочих, расчитывая, что удастся перебиться до лучших дней. Но дела становились все тише, и даже такие фирмы, как наследники Саввы Морозова, распустили рабочих. Владимирская губерния, как известно, была центром кустарной промышленности. Распространены были три промысла: бумаго-ткацкий, шерстяной и размотка шелка-сырца. Бумаго-ткацким промыслом занимались более, чем в ста селениях, в которых насчитывалось 3.000 ткацких станков. Производство солдатских сукон существовало в 22 селениях и занимало 1.200 рабочих рук. Наконец, размотка шелка-сырца давала работу двум тысячам крестьянских девушек. Разумеется, домашняя промышленность стояла в связи с фабричной, и «кустари» испытали на себе действие кризиса не в меньшей степени, чем фабричные рабочие. Множество их осталось без работы. В течение 1880 г. из 165 карасников (владельцев промышленных заведений, занятых размоткой шелка) 50 совсем прекратили работу, остальные же сократили производство, и осталось без работы 900 человек. И в Смоленской губернии уже шел роспуск рабочих. На известной Ярцевской фабрике Хлудова, в Духовщинском уезде, 2.000 рабочих получили расчет и оставили фабрику. В Костромской губер-

нии фабриканты сократили рабочих на треть. «Отчаяние в среде рабочего населения, — по словам «Московского Телеграфа»,—было так велико, что требовалось особое искусство при расчете рабочих, чтобы дело не дошло до беды». Посад Клинцы, Черниговской губернии, служил центром южно-русского суконделия. На 12 суконных фабриках с производством на сумму до 3 милл. рублей ежегодно работало 5.000 рабочих. В годы наибольшего оживления суконной промышленности работа на фабриках шла безостановочно днем и ночью. Но вот наступает 1880 год. Прежде всего сгорели две фабрики, оставив 1.500 человек без работы. Затем на всех фабриках рабочих сократили на $^2/_5$.

В Твери на фабриках Морозова и Берга рабочие были частью распущены, а в Ржеве, вследствие остановки пряжи пеньки, до 12.000 прядильщиков были обречены на голод. В селе Павлове, Горбатовского уезда, многочисленные кустари, занятые замочно-ножевым производством, остались без работы. Безработица стала здесь общим явлением. В Саратове рабочие бродили, нигде не находя работы: заводы один за другим закрывались. Вследствие отсутствия спроса, в жалком положении оказались и ремесленники. Напр., портные-хозяева не только распустили своих рабочих, но вынуждены были закладывать швейные машины. По расчету, сделанному мещанской управой, одних мещан г. Саратова, оставшихся без работы, зимой 1880—81 г.г. насчитывалось до 30.000 человек. Та же судьба постигла Мальцевские заводы, находившиеся в губерниях Орловской, Калужской и Смоленской. На Мальцевских заводах работало 13.380 постоянных, да, сверх того, 16.580 временных рабочих. Общий заработок рабочих по всем заводам простирался до 1.842.000 руб. Вследствие застоя, Мальцевское товарищество просило о выдаче казенной ссуды для поддержания своих дел. Но значительная часть рабочих была распущена с заводов.

Разумеется, присоединился и застой в торговле, и пролетария прилавка постигла та же судьба, что и рабочего фабричного. И в промышленных центрах, и в таких пунктах приложения труда, как Ростов-на-Дону, Калуга, Керчь, приказчики, конторщики сокращены были наполовину. Нужда заставляла их браться за работу дворника, каменщика, чернорабочего. Но и та уже попадалась с трудом.

IV.

1880—81 года завершились плохим урожаем, чего нельзя сказать о 1882—83 и 84 г.г. Лишь 1885 год был неурожайным. Под влиянием урожая, промышленность будто бы поднялась в 1882 г. Последовало, казалось, и повышение заработной платы. Однако, это улучшение оказалось эфемерным, сменившись безработицей еще большей, небывалой в первые годы.

Фабрики выбрасывали рабочих, и, казалось, этому не будет конца...

В Петербурге в конце 1880 г. на фабриках и заводах считалось 78.194 рабочих. Летом 1881 г. число это уменьшилось на 5.440 чел. Затем рабочие распускались уже тысячами. Так, общество Путиловских заводов и Русское общество механических и горных заводов закрыли свои фабрики, распустив: первое—2.000, второе—3.000 рабочих. Обуховский пушечно-литейный завод распустил 1.000 человек; корабельное отделение чугунно-литейного завода Берда—1.000 чел. (оставлено только сто). В Кронштадте в порту и на литейном заводе много было расчетов. Прочие фабрики новых рабочих не принимали, и десятки тысяч рабочих в одном Петербурге остались без куска хлеба.

Но не лучше было в других промышленных центрах. В Москве и Московской губернии фабрики выбрасывали те же массы рабочих. Домашняя промышленность свелась на нет. Так, совершенно пало ручное ткачество Богородского уезда. Ручные ткацкие фабрики ликвидировали свои дела, лишь изредка поддерживая свое существование. Мелкие фабриканты поглощались крупными, вытеснявшими даже фабрикантов средней руки. Но и крупная промышленность угасала. Фабрики, особенно в Дороховской и Ильинской волостях, совсем рассчитали рабочих. Не только пришлые, но и местные рабочие голодали. Отправки товаров на Нижегородскую ярмарку остановились, других каких-либо работ не было и не предвиделось. В таком же положении оказалось ручное ткачество Бронницкого уезда. Кустари здесь вели дела или в качестве комиссионеров от крупных фабрикантов,—так-называемых мастеров,—или на собственные средства. Но и «самостоятельные» сбывали свою выработку московским торговцам-мануфактуристам. С начала осени до конца 1881 г. спрос на бумажные ткани

оживился, и дела кустарей, казалось, поправились. Но с 1881 года опять началось ухудшение, и бумажные ткани в Москве остались без спроса. Все подмосковное население, занятое ткацким делом, осталось без спроса. «Еще недавно по деревням,—отмечала печать,—особенно в Ашитковской и Усмерской волостях, там и сям виднелись маленькие фабрички, в которых ткались миткали; теперь возникшие по соседству в Харлове, Барановской и Раменском крупные механические фабрики совсем устранили кустарников-миткальщиков, для которых немыслимо выдерживать конкуренцию с более усовершенствованным тканьем и вдобавок с капиталом. Теперь, при незавидном положении кустарной промышленности, большинство идет на фабрики, оставляя домашнее хозяйство на произвол судьбы». Но и фабрики ждала участь домашней промышленности... Судьбу, одинаковую с ткацким промыслом, испытала гончарно-фарфоровая промышленность Бронницкого уезда. В 1881 году на фарфоровых заводах в Гжели началось оживление. Появился спрос на местные фарфоровые изделия. Фабриканты, как, напр., Хропунов-Новый, были завалены заказами. Однако, эти заказы оказались ненадежными. Лишь Хропунов-Новый и Курин поправили свои дела. Другие же вынуждены были приостановиться и распустить рабочих (заводы Бормина, Аксенова и др.). С завода Струве, в Коломенском уезде, было уволено 1.000 рабочих, и ожидался роспуск остальных 2.000. Обострился застой и в Владимирской губернии. В Покровском уезде, напр., была развита ткацкая промышленность. Еще в 1880 г. эта промышленность была подорвана. Теперь же дела кустарей, ухудшаясь и ухудшаясь, дошли до того, что им оставалось умереть с голоду. Они работали на фабрике; фабрики же сокращали производство и рассчитывали рабочих. Вот, напр., Орехово-Зуево. Мы видели, сколько рабочих потеряло работу здесь в 1880—81 г.г. Но безработица росла и росла. «Здешние крупные фабрики наследников знаменитого русского мануфактуриста Саввы Морозова, В. Е. Морозова, бр. Зиминых, Новосадова ежегодно привлекают сюда новые тысячи рабочих—постоянный прирост населения. так как все почти рабочие оседают здесь. Молодое фабричное население, выросшее на фабрике и воспитанное в фабричной атмосфере, не имеет почти никакого понятия о земледельческом труде, хотя по документам и числятся земледельцами.

Таким образом, выработался особый тип фабричного, ничего не знающего, кроме ежедневного труда и субботних шабашей» [1]). Вот из этого-то Орехова-Зуева выбрасывались все новые и новые тысячи этих людей. Иваново-Вознесенские фабриканты счастливо торговали в 1881 г. на Нижегородской ярмарке, распродав заготовленные товары и получив заказы вперед. Следовало бы ожидать, что фабрики втянут хоть часть выброшенных рабочих. Но действительность не оправдала ожиданий. Дела фабричных рабочих Иваново-Вознесенска не только не поправились в 1882—83 г.г., но много ухудшились. Так, фабрикант Грезон закрыл фабрику и распустил рабочих, даже не предупредив их заблаговременно о закрытии. В Одессе паровые мукомольные фабрики прекратили работы и распустили всех рабочих. Торговые дела ликвидировались, магазины закрывались, дома пустели. В Ростове-на-Дону уже тысячи рабочих бедствовали в 1882 г., и все ночлежные дома были переполнены безработными. На оружейном заводе в Туле было рассчитано за ненадобностью 3.000 рабочих. Лишь ничтожная часть их нашла себе работу на патронном заводе. У таких крупных тульских фабрикантов, как Балашовы, Баташевы и др., также шли расчеты. На казенном Луганском литейном заводе, как и в Петрозаводске на казенном пушечном заводе, в 1882 г. наступила «страшная безработица».

Росла безработица и в Царстве Польском. Например, железная фабрика Лильпопа, Рау, Левенштейна рассчитала 1.000 человек. В 1882 г. в Варшаве уже насчитывалось 20.000 безработных, но здесь безработица еще не так была чувствительна, как в второстепенных центрах Царства Польского. Так, в Томашеве и Сгерже, Петроковской губернии, все рабочие были распущены с местных суконных фабрик. Дело дошло до того, что купцы отказывались от заказов, данных фабрикам. В Белостоке фабрики сокращали производство. Тысячи рабочих оставались без средств к жизни...

В Самарской губернии рабочие были выброшены из свекло-сахарного завода Джонстона, при селе Тимашеве, и не лучше было в самой Самаре. Тысячи рук остались без дела. В Могилеве-Подольском число рабочих на фабриках все понижалось и понижалось; рабочие, обремененные семействами, испы-

[1]) С. Приклонский. «Внутреннее Обозрение». «Русская Мысль» 1882 г., № 5, стр. 81.

тывали лишения, о которых ранее и понятия не имели. Не находил работы рабочий люд Архангельска. В прежнее время в Архангельском порту стояли десятки иностранных судов. Теперь же их было не более десяти. Рабочие, получавшие заработок от выгрузки и нагрузки судов, теперь, большей частью, остались без работы. На спичечных фабриках в Медынском уезде, Калужской губернии, рабочих постигла та же участь, как и в Рязани, вследствие прекратившейся отправки лесных материалов, сплавленных сюда по реке Оке, как и на Сергиеворадицком заводе, близ Брянска,—в виду отсутствия заказов.

Итак, можно сказать, не было промышленного центра, который, так или иначе, не втягивался бы в этот тупик. К экономическим же причинам присоединились стихийные,—ряд опустошительных пожаров, в свою очередь оставлявших без работы тысячи рабочих. Так, в Смоленской губернии сгорела Ярцевская фабрика Хлудова, дававшая работу 3.000 рабочим. Пожар в Херсоне истребил несколько лесопильных и мукомольных заводов, оставив без работы 600 рабочих. Сгорел в Екатеринбурге стеариновый завод Губбарда и комп., оставив на улице 300 рабочих. Пожары фабрик и заводов стали столь многочисленны, что они одни были бы фактором безработицы.

В 1886 г. появились признаки перелома. Однако, безработица сохранялась в силе вплоть до 1887 г. Еще в начале 1887 г. «Русские Ведомости» сообщали из Орехова-Зуева: «В нынешнем году подход мастерового народа, начавшийся с ранней осени, как только убрались дома с хлебом, продолжается до последнего времени... Фабриканты, вследствие продолжающегося застоя дел, не обнаруживают лихорадочной поспешности в производстве работ и потому принимают вновь рабочих лишь в крайней необходимости. Добрая половина нанимающихся обыкновенно получает отказ или «обождать неделю-другую». Часть прибывших направляется со своими котомками к другим фабричным центрам, в село Иваново, в Александровский уезд и др. места, часть же заявившихся в Орехово-Зуево рабочих, по неимению гроша за душой, по необходимости остается здесь в ожидании работ. Этот излишек рабочих вынужден зазимовать здесь, занимает все конуры зуевских закоулков и с трудом переколачивается до поступления на место» [1]).

[1]) «Русские Ведомости», 1887 г., № 57.

Мелькала надежда на улучшение, но эта надежда еще не реализовалась. «Нет ничего мудреного,—писал профессор Чупров о 1886 г.,—что в промышленности чувствовалось такое же затишье, как и в предыдущие годы. Правда, о сокращениях производства более не слышно, потому что они произведены раньше, но зато нет известий и о расширении предприятий, которых уже несколько времени все ожидают с минуты на минуту» [1]).

V.

Таковы были массы, выброшенные на произвол судьбы. Однако, тот бы не получил должного представления о безработице 80-х годов, кто ограничился бы этими цифрами. Чтобы обнять всю грандиозность ее, надо поставить ее в связь с разложением тогдашней русской деревни. Как мы видели, первые годы безработицы совпали с неурожаем. И 1885-й г. был неурожайный. Распродав скот, земледельческие орудия, крестьяне сдавали в аренду свои поля, которых не в силах были обработать, и разбредались по большим дорогам.

Дело было не в неурожаях лишь. Деревня пролетаризировалась. Истощенная земля, бессильный скот, выродившиеся семена—и в хорошие годы мужик имел питание только до рождества. Далее начиналось недоедание. Полупролетарское хозяйство рушилось. На развалинах же его укреплялась земледельческая буржуазия—новые люди деревни. Деревня представляла противоречие и борьбу двух социальных укладов. Чем новые материальные силы, возникшие в недрах старых общественных отношений, развивались медленней, тем острота хозяйственных перемен была резче...

Промаявшись в своих избах, поднимались большие и малые партии крестьян. Куда? Бог весть! Бредут вдоль рельс, лежат вповалку в ожидании поезда на платформах железнодорожных станций, выглядывают из дверей битком набитого вагона четвертого класса, пока их не втянут заводы, фабрики, трактиры, извозчичьи дворы и т. п. Разумеется, неурожай обострил это наступление на город до последней степени. Под да-

---

[1]) А. Чупров. «Русская экономическая жизнь в 1886 г.». «Юридический Вестник», 1887 г., т. XXIV, стр. 308.

влением голода, число крестьян, покинувших деревню, увеличилось до небывалых размеров. И вот необычайный прилив рабочих рук из деревни. В то время, как фабрики и заводы сокращали производство, мужицкий поток вторгался в эту безработицу ордой варваров.

Везде, везде мы видите сплетение безработицы с этим нашествием крестьян. Так, в Москву все годы кризиса из деревень толпами прибывали крестьяне; просили «как милости» принять их на фабрики. В Орехово-Зуево прибывали крестьяне из самых отдаленных губерний. Толпы голодных стекались в Тверь, не находя, конечно, работы, в Казань. В Пермской губ. движение среди крестьян вызвали слухи о требовании рабочих рук для пермского франко-русского уральского общества, снявшего в аренду все заводы князя Голицына в Пермском крае. Действительно, это общество начало постройку заводов, вырубая более 10 тысяч десятин лесу. Но слухи о требовании рук оказались преувеличенными. И толпы пришлых крестьян уходили ни с чем. Самара и Саратов были переполнены ими... Все это наступало на города, сбивая до крайности заработную плату в 1880—81 г.г. Последующие были благополучнее. Однако, предложение труда со стороны крестьян было столь же безгранично, как и повсеместно. Положение крестьян немногим улучшалось. Но положение рабочих это значительно ухудшало.

Ведь это были уже «фабричные» рабочие в промышленном смысле этого слова. По сведениям, собранным и разработанным фабричным инспектором Московского округа за 80-е годы о 1.263 фабриках, 82% рабочих работало круглый год; уходило летом на родину 18%. Данные подтвердили тот вывод, что «все рабочие, круглый год работающие и всю жизнь проработавшие в промышленных заведениях, большей частью не имеют уже земли и занимаются фабричным трудом по отсутствию таковой» [1]). Равным образом, по сведениям главного инспектора, доставленным по 9-ти округам относительно 12.663 фабрик и заводов (свыше 763 тысяч рабочих), насчитывалось до 72% «постоянно занятых в промышленности, не

[1]) А. В. Погожев. «Учет численности и состава рабочих в России», стр. 101.

отвлекавшихся занятиями по сельскому хозяйству» [1]). Очевидно, Е. М. Дементьев, в книге, написанной на основании исследования, произведенного московским губернским земством в 1884—85 годах, имел все основания писать: «Как бы ни было, какие бы причины ни способствовали преобразованию прежнего земледельца в фабричного рабочего, но специальные рабочие уже существуют. Они только числятся крестьянами, но связаны с деревней лишь податями, которые вносятся ими при перемене паспортов. Ибо, на самом деле, они не имеют в деревне ни хозяйства, ни, сплошь и рядом, даже дома, обыкновенно проданного. Даже право на землю они сохраняют, так сказать, лишь юридически, и беспорядки на многих фабриках в 1885—86 г.г. показали, что эти рабочие сами считают себя совершенно чуждыми деревне, точно так же, как крестьяне деревни, в свою очередь, смотрят на них, потомков своих односельчан, как на чуждых пришельцев. Перед нами, следовательно, уже сформировавшийся класс рабочих, не имеющих своего крова, не имеющих фактически никакой собственности,—класс, ничем не связанный и живущий изо дня в день» [2]).

И вот особый, так сказать, возрастающий смысл безработицы, возникающий на почве противоречия и борьбы двух социальных укладов; деревня наступала на город, но рабочий уже навсегда был отрезан от нее. Было время: мужик, «вываривaясь в фабричном котле», оставался все же мужиком. Его ждал свой кров, своя земля, и было так, как земля хотела. Это и смягчало кризисы и 1857 и 1873 годов. Кризис 80-х г.г., затронув кровные интересы сотен тысяч, подчеркнул, что это уже дело прошлого. Перед нами был уже фабричный, как таковой, порвавший с земельным наделом, живший продажей рабочей силы, тесно связанный с фабрикой—органический продукт западно-европейской стадии развития. Его уже не ждал дома «чернозем»...

Раз же из промышленных районов пути не было, наплыв крестьян был равносилен новому кризису.

---

[1]) Ibid, стр. 100.

[2]) Е. Дементьев. «Фабрика, что она дает населению и что она у него берет». 2 изд., стр. 45—46.

VI.

Разумеется, на безработных, как таковых, наплыв этот отражался лишь частично. Но для кого он был истинным бичем, это для тех кадров пролетариата, что еще работали на фабриках и заводах. Нетребовательный, готовый на все, мужик висел угрозой над ними, ибо замена постоянного рабочего пришлым стала бытовым явлением фабричного житья-бытья.

«И постоянным питерским рабочим некуда деться, а тут на несчастье неурожай погнал из провинции не мало рабочего люда,—писала «Рабочая Газета».—Куда ни глянешь, где ни посмотришь — везде одна песня про голод и безработицу. Плетутся крестьяне голодных губерний в город, да на промыслы. Народу повалило много. Хозяева и рады беде народной и сейчас понизили заработную плату до того, что приходится из-за куска хлеба работать. Заработная плата чуть-что не вдвое меньше, чем была прежде, а коли возьмешь в расчет, что хлеб и другие припасы чуть не вдвое дороже, то и выйдет, что иной раз работу и имеешь, а мало, одним хлебом да пустыми щами живешь. Заводское начальство так и говорит: вас, мол, за воротами, как собак! Чуть что—сейчас расчет!».

В самом деле, рабочий ничем, кроме города, уже не связанный, подчас родившийся и выросший при машине, противился, как мог, тому прессу, который с каждым днем теперь все ухудшал и ухудшал условия труда; его же собрат по несчастью сводил его усилия на нет, ничуть не заботясь об удержании на одном уровне даже малого заработка, и заработная плата убавлялась и убавлялась. В Петербурге крестьяне, прибывшие из деревень, нередко «нанимались из-за одного хлеба», из-за одного хлеба нанимались и в Самаре, и в Саратове, и в Архангельске, и в Ростове-на-Дону, и в Одессе. Ведь не одни крестьяне конкурировали с рабочими. В Самару хлынули татары, нанимаясь по 10 коп. в день. В Архангельске в той же роли выступили арестанты. Работодателям еще выгоднее было брать арестантов, чем крестьян. Они были еще нетребовательнее.

До чего дошло обесценение труда, показывают следующие цифры. В Смоленской губернии крестьяне «толпами» нанимались по 1 руб. 50 коп. в месяц, а цены на хлеб стояли

на «недосягаемой высоте». В посаде Клинцах рабочий получал 12 коп. в день; нужда доходила до такой степени, что рабочие, уходя с работы в субботу, не ели по воскресеньям! Разумеется, это отдельные случаи. В общем, заработная плата не стояла на таком уровне. Но все-таки она была ничтожна. На фабриках Рузского уезда (Моск. губ.) она была понижена на 40—50%. «Заработки год от года понижаются, тогда как жизненные припасы стоят на высокой цене сравнительно с прежними годами»,—писали корреспонденты. На фабриках Богородского уезда плата была понижена на 40—50%, на фабриках Черниговской губернии—на 30—50%, в селе Павлове, Нижегородской губернии,—на 50—75%, на винокуренных и маслобойных заводах Саратова и Саратовской губернии—на 50%, в Одессе—на 30—50%... Даже В. Безобразов, бравший под свою защиту интересы капитала, все же не отрицал, что «немногие безрассудные фабриканты действовали весьма неразумно, внезапно и отчасти произвольно понижая заработные платы». Даже владимирский губернатор констатировал, что в 1877—79 г.г. средний заработок владимирского рабочего доходил до 25 и даже 28 рублей, теперь же не превышал 6—8 рублей; что постоянное понижение платы повторялось из года в год; что на такую плату рабочий не мог прокормить себя и семью. Даже министры подтверждали, что рабочие не были в состоянии не только содержать свои семейства, но и прокормить самих себя, «тем более, что предметы первой необходимости им приходилось, в большинстве случаев, брать в кредит из лавок самих же фабрикантов, взимающих за отпускаемые товары иногда на 45% выше обыкновенных рыночных цен».

Капитал перекладывал тяжесть кризиса на плечи рабочего, и для того, чтобы переносить эту тяжесть, нужно было терпение и еще раз терпение. Но кто так терпелив, как мужик? И вот мужик выкидывал на улицу рабочих. Стоило выказать малейший протест, чтобы следовала массовая замена рабочих пришлым элементом. Такая замена имела место в Шуе, в мастерских Грязе-Царицынской жел. дороги, на Кренгольмской мануфактуре в Нарве и т. д. Конечно, массовая замена практиковалась лишь в отдельных случаях. Она ведь была и не безопасна. Чаще же расчет маскировался: напр.,

прекращались ночные работы, и когда рабочие уходили, их замещали другими...

Итак, если безработица была, прежде всего, результатом застоя, то не малую роль играл наплыв крестьян, вытеснявший рабочих.

VII.

Перед нами кризис со всем тем, что сопровождает его в Европе, кризис новой промышленной России, сбросившей с себя цепи земледельческих устоев, выдвинувшей не только финансистов, аферистов, биржевых игроков—ядро спекулятивной и биржевой горячки,—но и китов промышленного капитализма. Что же предприняли власти, буржуазия, уже начавшая задавать тон в экономической политике, в целях борьбы с бедствием?

Да вопрос даже не ставился ни властью, ни органами самоуправления 80-х годов. «Никакого рабочего вопроса у нас, слава богу, не было»... В этом «Московские Ведомости» сходились с «Отечественными Записками» «Рабочий вопрос в Европе есть вопрос революционный, ибо там он требует передачи условий труда в руки работника, экспроприации теперешних собственников. Рабочий вопрос в России есть вопрос консервативный,—писал Михайловский,—ибо тут требуется только сохранение условий труда в руках работника, гарантия теперешним собственникам их собственности... У нас под самым Петербургом существуют деревни, жители которых живут на своей земле, жгут свой лес, едят свой хлеб, одеваются в армяки и тулупы своей работы, из шерсти своих овец. Гарантируйте им прочно это свое, и русский рабочий вопрос решен». И ему вторил Катков: «Никакого рабочего вопроса у нас, слава богу, нет». Это западный рабочий—безземельный и бездомный батрак. Это на Западе рабочий вопрос надвинулся тучей. Нам же задумываться над положением рабочего класса не приходилось, ибо слово рабочий у нас имело «не тот смысл, что за границей». У нас рабочие не составляли еще рабочего класса...

Правда, рост производительных сил дал уже толчек русскому экономическому реализму. Общество стало всматри-

ваться в условия, в которые поставлен был наш рабочий. Появились земские статистические исследования—исследования фабрик и заводов, произведенные санитарными врачами и фабричными инспекторами первого призыва: Эрисманом, Дементьевым, Погожевым, Песковским, Янжулом и др.; исследования кустарных промыслов Харизоменова, Скворцова и друг. Все эти работы, нередко вопреки воле самих исследователей, констатировали успехи капитализма в России, наличность рабочего класса в России, разбивая традиционные «устои». Но в то время, как об общине накопилась уже огромная литература, все, что писалось о фабрике, имело преимущественно фактический, описательный характер. Рабочий вопрос подменивался крестьянским; рабочий отождествлялся с мелким собственником. В то время, как кризис потрясал промышленность, и тысячи безработных выбрасывались на улицу, даже тем, кому интересы трудящихся были дороги, трудящийся люд представлялся не иначе, как в образе мужика. Что же говорить о власти, об органах самоуправления и т. п.!

Точка опоры—земля и хозяйство—у безработного есть... Пусть разбредутся по наделам! Худо ли, хорошо ли, прокормятся своим хлебом—вот их ответ.

Правда, вслед безработице шел голод. Вопрос уже был не в том, есть ли у рабочего надел или нет, а в том, спасает ли земля, которой он владеет, от голодной смерти. И вот единственное, до чего додумалась власть, была организация местных заработков путем общественных работ.

Но и эти работы задуманы были не для безработных. Рабочего вопроса ведь, слава богу, нет. Власть имела в виду лишь голодающих крестьян. Но так как фактически безработные были втянуты в эти работы, то не лишне к ним присмотреться.

Работы, организованные в Самарской, Саратовской и Екатеринославской губерниях, были разбиты на четыре группы. К первой были отнесены лесные и культурные работы; ко второй—оросительные; к третьей—работы по устройству под'ездных путей к железнодорожным сооружениям; к четвертой — работы по устройству Баскунчакской (солевозной) и Криворожской железных дорог. На производство лесных и культур-

ных работ затрачено было 74 тыс. рублей в Самарской и 66 т. руб. в Саратовской губ. Привлечено было 4.786 душ. На оросительные работы было отпущено 500.000 руб., что дало возможность устроить в трех губерниях правильное орошение из водохранилищ, посредством водопроводных каналов, 3.000 десятин пахотной земли и произвести обводнение на пространстве около 4.600 десятин. Эти работы, собственно, большого значения для безработных не имели. Главный контингент рабочих составляли местные крестьяне. Но в сооружении дорог и под'ездных путей этот принцип был нарушен. Здесь процент городских рабочих был относительно высок...

Что же получали рабочие на этих работах? Максимум заработка для семейства из 5-ти человек определялся в двадцать пять рублей; максимум выдаваемого задатка—в восемь рублей. Эта норма исходила из расчета, согласно которому месячное довольствие одного едока составляет 30 фун. ржи. ценою не свыше одного рубля. Хотя эта норма стала обычной для тех лет, все же ее недостаточность ясна без комментариев. Тридцатью фунтами хлеба в месяц взрослый рабочий мог ограничиться не иначе, как живя впроголодь.

VIII.

Итак, два разряда крестьян, из которых одни работают в деревнях, другие—на фабриках. Такова идиллия. Но фактически, как мы знаем, даже полурабочий, полукрестьянин уже не был заинтересован в земле, которую обрабатывал когда-то. Рабочий же промышленный, как доказывали цифры, приобрел уже все черты пролетария. Положение разнилось лишь по степени капиталистического развития, не одинаковой для разных мест страны. Что же оставалось делать безработным?

Такой заброшенности, как та, какая выпала на долю этих масс, не знает ни один момент нашего промышленного развития. Мы видим хаотическое, ничем не регулируемое движение их с севера на юг, с запада на восток и т. д. Вон он, этот безработный, только-что снявшийся с места. Разумеется, как ни развилась уже железнодорожная сеть, она не для него.

Но допустим даже, что ему удалось попасть в четвертый класс. Спирает дыхание, сжимает виски от ему подобных... С лошадьми обращаются бережнее, чем с ними... Но и это— удача, доступная единицам... Большинство же, оборванное, грязное, голодное, валяется на земле, изнемогает от зноя, пыли, дождей, тянется пешком, ибо за проезд надо платить...

Надо только представить себе самочувствие такого скитальца. Вот спит он под открытым небом. Ни дешевых столовых, ни лечебно-продовольственных пунктов, ни навесов... Хорошо, если лето на дворе, а в дождливую, холодную осень!.. Заболеет—будет брошен где-нибудь на дороге... Наконец, добрался до предполагаемого пункта, и тут начинается самое ужасное.

Вот, например, Одесса. Положение отчаянное. Найти работу невозможно. Но со всех сторон прибывают новые и новые толпы. На всех дорогах устроены были заставы для осмотра безработных, направлявшихся в город. На каждой заставе урядник и казаки осматривали паспорта рабочих. Те из них, документы которых были в порядке, и сами не возбуждали «подозрения», пропускались в город, правда, небольшими партиями, не более тридцати человек, с тем, чтобы эти партии не входили разом в город. Рабочие же, почему-либо «подозрительные», препровождались в уездное полицейское управление, а оттуда высылались на родину по этапу. Но несовершенства паспортной системы известны. Поводов к нарушению разных формальностей было сколько угодно. Очевидно, какой процент безработных возвращался назад по этапу, потеряв свои последние гроши совершенно непроизводительно. Каковы должны были быть убытки полубродячего теперь люда, можно судить по тому, что по одному лишь Николаевскому тракту прибыло в Одессу в течение одного месяца 600 рабочих, а из них 200 были задержаны и высланы на родину по этапу... Но и положение оставшихся было не легче. Все лишения не вели ни к чему. Работы не было ни в Царстве Польском, ни на Кавказе, ни в Сибири, ни в Западном крае... Масса пришлого люда оставалась без средств, вынужденная обращаться к подаянию... и, в самом деле, перед нами небывалый рост нищенства.

В Петербурге «рабочие вынуждены обращаться к нищенству: число нищих увеличилось чрезвычайно, так что по вечерам от них не было прохода, и даже днем на самых многолюдных улицах они осаждали прохожих просьбами о подаянии». В Московской губернии, по сведениям комиссии о призрении нищих, число последних увеличилось — в результате кризиса—во много раз. В течение первого полугодия 1881 г. в распоряжение московского комитета о просящих милостыню поступило 2.375 чел., тогда как за весь прошлый 1880 год—тоже голодный—общее число поступивших составляло 2.009 человек. В Владимирской губ. «оставалось одно средство — итти по миру», и, действительно, прибывали толпы нищих. В Костромской губ. «рынок все более переполнялся свободными руками и голодными желудками, цены на хлеб стояли на недосягаемой высоте; морозы были жестокие, и рассказывали о целых семействах, погибавших от нужды. В Костроме 15% взрослого населения нищенствует, но этого не замечают даже и те, мимо окон которых они проходят целыми вереницами. Когда-то благоденствовавшие рабочие живут в подвалах; мужчины, лишившиеся работы, содержатся женщинами» и т. д. В Туле безработица породила «такую массу нищенства, о какой некогда цветущая, богатая Тула никогда и не слыхала; побираются не только старцы, больные и калеки, но и здоровые, молодые мастера». В местечках Еленке, Воронке, Чуровичах и Лужках было небывалое развитие нищенства. В Самаре «число нищих дошло до 5.000 человек и постоянно все увеличивалось пришлыми из деревень крестьянами». Саратов был наполнен безработными, «которые на каждом шагу останавливали прохожих просьбами о подаянии милостыни. Городские ночлежные дома до того переполнились бесприютными ночлежниками, что целые толпы более не находили места в них». Усилилось нищенство в Керчи, в Гродненской губернии, в Уральской области, в Ростове-на-Дону.

Последствием такого положения должно было быть и переполнение тюрем; уже по одному тому, что тюрьма—худо ли, хорошо ли—кормила, давала теплый кров зимой. И, в самом деле, тюрьмы ломились от новых арестантов. Так, в Казани некуда было помещать арестованных, и их развозили по острогам ближайших городов уездных.

IX.

Итак, массовая безработица разорила тысячи рабочих. Но как ни тяжело было бедствие, никакие меры не были предприняты к смягчению его. Оборванным, нищим предоставлялось умирать от голода, от болезней на дорогах, на площадях, на платформах железнодорожных станций. Очевидно, безработица 80-х г.г. не могла не вызвать эксцессов и протестов безработных.

Чем более обострялся кризис, тем чаще становились стачки. Для тяжких лет десятилетия—1881—86 г.г.—Л. Мартов насчитал 48 крупных забастовок, в которых приняло участие до 80.000 рабочих. На самом деле их было значительно больше. Разумеется, они носили оборонительный характер; не вмоготу становилось терпеть удары капитала, перелагавшего тяжесть кризиса на рабочих. Но под угрозой безработицы, связанной с голодом, они кончались неудачно. Конечно, это движение стояло в связи с безработицей, как и разгул эксплоатации вытекал из промышленного кризиса. Но не оно занимает нас здесь. Нас занимают здесь безработные, сосредоточенные в своем отчаянии, в собственном смысле этого слова. Какой выход накопившейся ненависти находили они?

Вспышки поистине грозные, носившие массовой характер, стояли в связи с безработицей и голодом. В Рузском уезде в 1881 г. была подожжена спичечная фабрика подполковника Гессе. В 1882 г. в Архангельске был подожжен лесной склад Брандта. В «Русском Курьере» писали из Баку: «Пишу под давлением ужасных событий. Вот уже пятый день, как в городе восстание и полнейшая анархия». «Мне в первый раз,—вторил корреспондент «Недели»,—приходится видеть раз'яренную толпу народа. Не дай бог никому быть очевидцем подобного зрелища. Страшен народ, когда он встанет. Он делается тогда зверем, беспощадным, жестоким». В Москве толпа с криком: «довольно мы терпели!» разгромила Никольский рынок... И все говорили о босой команде, о безработных. «Толпа голодает,—предостерегал «Порядок», иллюстрируя беспорядки безработных,—и, если ее к следующему дню не перевезут на баржи или не пристроят на работы, то она с голоду может броситься грабить. В простонародье идут самые

нелепые слухи о том, что начальство подкуплено, что надо итти не на живот, а на смерть, что «война» уже завелась на все лето, что вчера-де две баржи с народом в море затопили и т. п. Во всяком случае, при нынешней безработице, легко можно ожидать повторения беспорядков, тем более, что рабочие почти с каждым днем прибавляются с Севера, а работы уменьшаются; дела все приостанавливаются; кредит за границей потерян».

«Народная Воля» подметила, что помещики, как владеющий класс, являлись уже «преданием старины глубокой». В ожесточенной борьбе за хлеб—за право не умереть с голоду—народ уже не принимал во внимание помещика, «как силу вымирающую, захудалую». Внимание безработных сосредоточено было на фабрикантах, шинкарях, ростовщиках, торговцах, словом, на элементах, выбросивших их на улицу. Это естественно. Ведь речь шла о безработных.

Но какой характер мог носить протест, какие цели мог ставить себе бунтарь, оторванный от своего станка, в восьмидесятые годы?

Он не затронут еще идеями, ничего о них не знает. Это доисторический период движения пролетариата, и этим определялся его характер. Во всех странах, вступавших на путь капиталистического развития, он был одинаков. Там, где пролетариат вступал на путь движения, он обнаруживал всю незрелость класса, имеющего уже классовые инстинкты, но не имеющего еще сознания своего классового я. Первую стадию движения метко охарактеризовал проф. Зомбарт в своей книге «Социализм и социальное движение в XIX веке». На первых порах,—писал он,—мы имеем дело с глухими нечленораздельными звуками, лишь медленно превращающимися в боевой клич. «Первые движения пролетариата, пробуждение этой несчастной, страдающей массы, походят, как выразился Карлейль, на движение мифического Эччелада, своими жалобами на судьбу вызывающего каждый раз землетрясение. Эти движения имеют вполне инстинктивный характер, ставят себе исключительно ближайшие, непосредственные задачи, борются с вполне осязаемыми препятствиями, которые пролетариат видит на своем пути. Отдельные акты пролетариата принимают, большею частью, форму грабежа и расхищения

и имеют в виду уничтожить повсюду имущество врага и, таким образом, нанести удар ему самому»[1]).

Такова первая формировка стремлений пролетариата в целом. Тем примитивнее борьба против осязаемых предметов, эта стихийность у резерва, скопляющегося в безработных низах капитализма. Об организации еще нет и речи, как не может быть речи о социализме, социальном движении и классовой борьбе в тесном смысле этого слова. Это инстинктивное стремление дать выход ненависти, порождаемой контрастом положений, постоянным бичем, каждую минуту готовым поразить пролетария: необеспеченностью существования—и только. В свою ночлежку, в свой пригородный пустырь безработный идет мимо особняков, магазинов, ресторанов, и сытые люди уже одним своим видом возбуждают ненависть и злобу во всеми покинутом человеке, жажду разрушения, лишь разрушения. Отсюда отличительная черта беспорядков: никаких целей, кроме целей разрушения, они себе не ставили...

Такое движение обычно несамостоятельно. Оно направляется другими социальными элементами. Недаром так неожиданна та форма, какую приняло большинство вспышек безработных. Это были еврейские погромы, которые, раз начавшись, широко распространялись по городам и селам России.

X.

Еще весной 1880 г. безработные (с прибывшими из деревень крестьянами) разрушили несколько сотен домов в Елизаветграде, принадлежавших евреям, разбили их лавки, уничтожили товары и деньги, словом, истребили все имущество евреев. Сначала не верилось, что погром произвели рабочие. Однако, всякие сомнения в этом рассеялись. Могло казаться и то, что это единичная вспышка. Однако, и это предположение не оправдалось. В течение всей весны и лета 1880 г. шли погромы; затем—ненадолго приостановившись—продолжались и в 1881 г. и в 1822 г., не прекращаясь даже зимой. Безработные громили Одессу, Варшаву, Киев, Екатеринослав,

[1]) Вернер Зомбарт. «Социализм и социальное движение», стр. 29—30, изд. Ф. Павленкова (приложение к книге «Чудесный век» А. Р. Уоллеса).

Александрию, Дубоксары и т. д., и т. д... Главным образом, пострадал юг. Трудно указать здесь город, еврейское население которого не пострадало бы от погромов. В Одессе,—по словам «Порядка»,—буйствующая толпа разбивала не только еврейские, но (даже большей частью) и русские магазины; толпа говорила: «покончим с жидами, а потом возьмемся и за русских». В Киеве расправа приняла характер еще более грозный. Трудно описать ту страшную картину, которую представлял в то время Подольский рынок. «Теперь бьют евреев на Шулявке», говорили одни; «грабят завод Бродского на Жилянской», сообщали другие. К сожалению, все эти известия оправдались. Дома, в которых обитали евреи, обращены в груды развалин. Фабрики и заводы сожжены и разрушены. Все в синяках, все полубосые. Точь-в-точь санкюлоты времен Великой Революции, с той разницею, что у нас гроза не ограничивается большими городами. Пули не действовали. Толпа кричала: «стой, не уходи!». Полупьяные, пьяные и трезвые—все это смешалось, рвало, ломало, било, кричало, неистовствовало» [1]).

Вся пресса единогласно признала, что причиной антиеврейского движения была «совершенная ненормальность экономических отношений». «Сильно заблуждаются те, которые полагают, что беспорядки, с такой страшной силой охватившие почти весь юг России, хотя и направленные исключительно против евреев,—писали «Русские Ведомости»,—вызваны одною только племенною ненавистью к ним. Движение это вызвано причинами экономического или, вернее, социального свойства, а евреи явились здесь чем-то в роде «козлища искупления». Здесь необходимо было нечто, ухудшающее общее состояние; и это «нечто» заключается, по нашему мнению, в том бедственном положении, в котором находятся рабочие у нас. Общий застой в торговле и промышленности, страшная дороговизна хлеба, прошлогодний неурожай, закрытие многих фабрик—все это, вместе взятое, отозвалось очень тяжело на рабочих. В последнее время со всех сторон жаловались на безработицу. Тысячи рабочих сидели без дела. Мы не помним, чтобы когда-нибудь в Одессе было такое громадное число нищих, чтобы на каждом шагу попадались вполне здоровые

[1]) «Киевлянин», от 22 июля 1881 года.

суб'екты, просящие «ради христа» за неимением работы. И вот этот-то «неблагонадежный» элемент и составил главный контингент так называемого антиеврейского движения. Вся эта масса голодающих, бесприютных и босоногих с диким восторгом приняла участие в походе против семитов, но уж, конечно, не из каких-нибудь принципов. Они нападали на евреев потому только, что встречали в этой среде слабейшее сопротивление»[1]). То же писало «Дело». «Еврейские погромы, по наиболее распространенному мнению,—читаем мы,—были вызваны ничем иным, как тем бедственным положением, в каком находится у нас рабочее население. Зимою 1880—81 г.г. положение как сельских, земледельческих, так и городских фабричных рабочих ухудшилось, до последней возможности. Рабочие, повидимому, потеряли всякую надежду улучшить свое положение обычными, ранее практиковавшимися способами и, доведенные нуждою до отчаяния, были вынуждены обратиться к самому крайнему средству—к незаконной расправе с людьми, которых они считали врагами рабочих интересов»[2]). Наконец, «Народная Воля» писала: «Народу нет дела до того, что «наши экономические условия не евреями созданы», и что они, как личности, неповинны в них. Человеку, не обладающему широким кругозором, вообще, свойственно об'ектировать причины явлений, соприкасающихся с его интересами, и переносить свои симпатии и антипатии на что-нибудь осязательное, живое. Между тем, общие социальные условия все более подтачивают экономическое положение народа, делают его все более безвыходным. И вот раздается вдруг: «долго мы терпели», начинается поход против «жидов», начинаются ужасные сцены»[3]).

Таким образом, еврейские погромы были делом безработных. Конечно, в движении против евреев приняли участие и крестьяне. Достаточно было первых симптомов такового, чтобы крестьяне слетелись со всех сторон на место погрома. Однако, подводя итоги, С. Приклонский указывал, что начинали погромы безработные. «Когда погромы бывали в больших городах,—констатировал он,—то городские рабочие толь-

[1]) «Русские Ведомости», от 7 мая 1881 г.
[2]) «Дело», № 1. 1883 г., стр. 63.
[3]) «Литература партии Народной Воли», вып. I, под ред. Б. Базилевского, стр. 270.

жо начинали побоище, а затем самый ужасный разгром производился крестьянами, которые тотчас громадными толпами собирались в город для разрушительной работы. Притом же и городские рабочие, большей частью, выбирали для погрома такие дни, когда много крестьян с'езжалось в город на базар. Вся разница между городскими и сельскими рабочими состояла в том, что городские рабочие обыкновенно первые начинали погром и затем уже увлекали сельских»[1]).

XI.

Экономическая подоплека погромов нашла своеобразных истолкователей. «По поводу еврейских погромов, — писала «Народная Воля», — многие интересовались ролью, которую мы, социалисты-революционеры, оставляем за собой в подобных расправах. Во имя гуманности тяжело отвечать на это, но ответ сам по себе ясен».

Им мерещилась революция в этом движении. Рабочий, мол, «громит евреев не как евреев, а как «жидов», т.-е. народных эксплуататоров. Он отлично понимает, что и начальство поддерживает их вовсе не как евреев, а так же, как жидов, т.-е. людей, помогающих держать народ в кабале, и как людей, делящихся с ним». Напоминая, что и Великая французская революция начиналась с избиения евреев; что это какой-то печальный фатум, которого не избежишь, «Народная Воля» ссылалась даже на Маркса, будто бы раз'яснившего, что евреи воспроизводят в себе, как зеркало, все пороки окружающей среды, все язвы известного общественного строя, «так что, когда начинаются антиеврейские движения, то можно быть уверенным, что в них таится протест против целого порядка, и начинается движение, гораздо более глубокое». И вот «мы радуемся воспитательному значению подобного рода фактов, той определенности характера, какую начинают принимать еврейские погромы, переходя на экономическую почву».

Как бы вы думали, откуда нижеследующая цитата? «На юге, в Одессе, снова рабочие стали жидов-кулаков бить, да сперва-начала-то маленько промахнулись: известную актерку, еврейку, Саррой Бернар она прозывается, рабочие приняли за

[1]) «Дело», № 1, 1883 г., стр. 64.

еврейскую царицу, которая будто бы приехала для сбора денег в пользу жидов. Промахнулись маленько одесские рабочие; следовало бы разузнать хорошенько, а зря-то лупить нечего. Снова рабочие разгромили несколько лавок да магазинов еврейских. И опять-таки, как весной, рабочим не выгорело, усмирило начальство их» [1]). Из «Колокола», из «Русского Знамени»? Нет, из рабочей газеты, которую народовольцы предназначали для рабочих...

Однако, события раскрыли им глаза.

Конечно, социальный инстинкт выступал явственнее у безработных, чем у крестьян. Народник своего времени, С. Приклонский, казалось бы, не склонен был видеть зиждительной стороны капитализма и пролетариата. Мужик и для него был «высшим типом», по сравнению с рабочим. Однако, как он характеризует тех и других участников погромов? Что заставляло крестьян собираться толпами в городах для погрома евреев, разорять их дома?—спрашивал он.—Неужели причиной этого была жажда грабежа? И отвечал: «Да, это несомненно, что крестьяне грабили еврейское имущество и, навьючив его на воза, увозили из городов в свои деревни». А рабочие? «Если крестьяне, участвовавшие в еврейских погромах, часто предавались грабежам, то городские рабочие остались совершенно чисты и неповинны в этом позорном деле. Они со страстью предавались разрушению еврейского имущества, но сами ничем не пользовались из него и даже употребляли насилие против тех, кого замечали в присвоении еврейских вещей». Вообще, события убеждали, что рабочий у нас «по нравственному развитию» стоит выше крестьян, «достиг более сознательного понимания своих интересов»... [2]).

Но дело было в том, что до самостоятельных выступлений не дорос пролетариат России, а в таких случаях направление движения определяют чуждые элементы.

Бытовая близость пролетариата к мещанской мелкой буржуазии в доисторический период рабочего движения приобретает особый смысл. Вот эти-то мещане и сыграли здесь роль направляющей руки. В самом деле, когда и где сталкивались евреи с рабочим, пробуждая «противообщественные инстинкты»? Ведь это представители капитала денежного, не промыш-

[1]) «Литература партии Народной Воли», вып. II, стр. 275.
[2]) «Дело», № 1, 1883 г., стр. 64—65.

ленного. Естественна вражда к торговцу, выливающаяся в форму антисемитизма, со стороны земельного собственника, крупного, среднего, мелкого; со стороны промежуточной группы, состоящей из ремесленников. Крупное производство 80-х гг. до крайности ухудшило положение мещанства. Можно себе представить, что происходило в черте оседлости, где ремесло поглощало 20% всего населения евреев... У рабочих же отсутствует почва для антисемистских инстинктов. Конечно, найдутся и здесь причины для националистических тенденций. Например, конкуренция со стороны евреев. Ведя более умеренную жизнь, евреи довольствовались более скромной заработной платой. Это имело значение в момент, когда конкуренция сводила заработную плату на нет. Далее, дороговизна на предметы первой необходимости, в особенности на хлеб, от которой так страдало рабочее население 80-го, 81-го, 85-го г.г. Неоднократно слышались жалобы на евреев, как на виновников дороговизны; в руках евреев была, в самом деле, сосредоточена торговля как хлебом, так и другими предметами первой необходимости. Однако, причины эти поверхностны. Ведь еще меньшей заработной платой, чем евреи, довольствовались крестьяне, отбивавшие у рабочих их заработки. Что же касается дороговизны, то для рабочего имели значение фабрикант и фабричная лавочка, а не хлебный торговец.

Но вот, что достойно внимания. Громя евреев, безработные, в общем, требований не выставляли. Где же они выставлялись, на них был штамп мещанина. Вот, напр., требование, выставленное в Киеве, Нежине, Переяславле: требование об ограничении прав евреев в торговле. Евреи, видите ли, «захватили всю торговлю»; «получают большие торговые барыши»; необходимо запретить им закупать продукты «с целью перепродажи их русским», «для чего снять все амбары, как мучные, так и хлебные», «не отдавать, а евреям не брать на откуп ярмарочную и базарную площади...» Согласитесь, не безработные же хлопотали о торговых барышах, амбарах мучных и хлебных! Даже язык рабочего звучал по-чужому. «Заметив, как рабочий с особенным озлоблением разрушал дом ремесленника-еврея, корреспондент подошел к нему и стал упрекать в насилии. «Это не его добро, а наша кровь»,—отвечал рабочий:—«я сам брал заказы от него».—«Но ведь это бедный человек, пожалуй, такой же голяк, как и ты».—«Все они, аспи-

ды, из бедных выходят, а потом, гляди, стал первеющим богачем. А кто ему придал добра, как не мы!».

Вы узнаете этот язык. Во время всех наших погромов мастер-хозяин искал виновников своего бедственного положения в конкуренции евреев, ведущих ремесленно - торговый образ жизни, нередко превосходящих своих соперников-христиан и выдержкой, и уменьем приспособиться к обстоятельствам. И то же было здесь. Разница лишь в том, что здесь мещанин не громил, но лишь натравлял.

Ненависть шла из недр рабочего резерва, направляла же рука мещанина, с которым он так сплелся в своем быту.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Промышленный кризис конца 90-х и начала 900-х г.г.

I.

Безработица 80-х г.г. по своей интенсивности уступает черным дням 1899—902 г.г. Недаром же это первые звенья той цепи, о которой идет речь. Лишь специфически-затяжной кризис со всеми его несчастьями и язвами в состоянии был находить внутри народного организма столько лишних рук и ртов, столько разбить существований. И уже тех фактов, которые нам дают первые годы кризиса, достаточно, чтобы увидеть, что более легкой формы безработица не примет.

Ведь в такой стране, как Россия, в которой капитализм, характеризуясь быстрым темпом, в то же время развивался еще не столько вглубь, сколько вширь, безработица прежде всего—процесс. Судя по официальным данным, число рабочих, занятых в нашей фабрично-заводской промышленности, возросло за тридцатилетие, предшествовавшее кризису, в три раза. Значит, безработица должна обрушиться своей тяжестью одинаково и на рабочих, уже втянутых в процесс производства, и на массы, только-что оторвавшиеся от старой пуповины, которые вступают только на эту дорогу. И вот присмотритесь только к этому процессу, каким начался потрясавший русский капитализм кризис 90-х г.г. Какие цифры, полные трагического ужаса, взгромоздила бы здесь статистика, если бы какая-либо анкета какими-либо неисповедимыми судьбами вывела бы судьбы всего этого «лишнего» человечества на свет божий!..

Начнем с категорий пролетариата, не просто живущих продажей рабочей силы, но уже тесно связанных с определенной формой капиталистического производства—фабрикой или заводом, и составляющих рабочий класс, в собственном смысле этого слова, с его распределением по промышленным районам.

II.

Первое время казалось, что кризис, начавшийся в стране, не есть торгово-промышленный. Несмотря на то, что биржевая паника вызвала крушение многих фирм уже в 1899 г., дело сводилось к двум-трем зарвавшимся дельцам. Благодаря же сенсационным процессам, вся катастрофа получила характер случайности. Б. Ф. Брандт написал целый том о тогдашнем кризисе и, ни одним словом не обмолвившись в нем о том, как отразился кризис на судьбах пролетариата, в 1903 г. уверял, что «промышленный кризис в тесном смысле, в сущности, начался только в 1901 г.» [1]).

Однако, тот же Брандт, уверявший, что кризис только начался в 1901 г., в то же время не мог не признать, что «переполнение» рынка товаром мануфактурного производства началось уже в 1899 г. Только выражался он мягко. Между тем, где-где, но здесь кризис уже в 1899 г. выбрасывал полные штаты рабочих: недаром же лодзинские и белостокские фабриканты на крещенской ярмарке в Харькове уступали от 5 до 15%, а московские только конкурировали с ними.

Как и следовало ожидать, бедствие прежде всего нависло над такими мануфактурными центрами, как Лодзь, Москва, Белосток, Иваново-Вознесенск. В особенно острой форме безработица началась в Лодзи, где над фабриками точно «разрушительный ураган пронесся», который,—по словам корреспондента,—никого и ничего не миновал, всех и все задел, одних лишь поцарапав, других—изуродовав, третьих же вовсе похоронив под своими развалинами. Особенно кризис отразился на ткачах, работающих у себя на дому для фабрик. Описывая суетливых, мрачных людей, блуждающих по Петровской улице с блуждающими взглядами или опущенными вниз головами, еще не опомнившихся от постигшего их удара, корреспондент восклицал: «А куда делись рабочие закрывшихся фабрик? Никуда они не делись, они тоже толпятся на лодзинских улицах. Из них более 2.000 с семьями зарегистрировано образовавшимся бюро еврейского благотворительного общества» [2]). То же было в Москве—главном мануфактурном цен-

---

[1]) В. Ф. Брандт. «Торгово-промышленный кризис в Западной Европе и в России» (1900—1902 г.г.). Часть вторая. «Торгово-промышленный кризис в России». СПБ. 1904 г.

[2]) «Сев.-Зап. Слово». Цит. по «Русской фабрике» Туган-Барановского

тре, где «были случаи полной приостановки производства», и число рабочих подверглось значительному сокращению [1]). В Белостоке, «за немногими исключениями, фабрики прекратили работы, и многие рабочие «бродили по городу» в поисках за заработком: 2.000 человек остались без хлеба [2]). В Иваново-Вознесенске фабрики и заводы с 1 октября (т.-е. с осени 1899 года) сократили свою работу» и лишний контингент рабочих уволили на все четыре стороны... «Иди, мол, батюшка,—спокойно приговаривал богатый фабрикант:—ты мне теперь не нужен, дела тихи...».

Но Брандт, обнаруживая не одну мягкость, делал исключение для мануфактурного производства. Он в то же время игнорировал тот факт, что всякая заминка в одной отрасли тотчас же отражается в других, так как народное хозяйство есть организм, все части которого тесно связаны между собой. Мануфактурные крахи производили не меньшее действие на иностранных капиталистов, чем банковские, а с отливом иностранных капиталов пошли новые сокращения. Конечно, пока что безработица значительна была лишь на мануфактурных фабриках, но кризис мало-по-малу захватывал в свои руки и судьбы горно-промышленных рабочих, и кирпичных, и пароходных и пр.

Как велик был процент безработных среди горнозаводских рабочих, показывают данные Красноуфимского уезда, относящиеся еще к 1898 г. Оказывается, здесь не имели работы [3]):

	Из 100 жит. муж. п ла.	Из 100 трудоспособн. м.
В Брисерск. заводе	74,2	62,6
» Верхне-Сергинск. и Козинск. . .	55,9	21,8
» Верхне- и Нижне- Иргизских . . .	99,3	98,9
» Михайловском	67,3	41,1
» Молебском	84,2	70,7
» Нижне-Сергинск.	64,9	42,2
» Соранинских	99,9	99,8
» Суксунском	94,7	91,1
» Тисовском	99,6	99,3
» Артинском	86,2	69,1

[1]) «Промышленный Мир», 1900 г., от 15 января.
[2]) Ibid, от 11 дек. 1899 г.
[3]) «Рус. Бог.», 1898 г., № 2. И. Спгов «Старая песня».

Начиная же с 99-го года, армия безработных увеличивается и в этой отрасли производства.

Так, по сведениям «Приднепровского Края», в Баку уже в 1899 г. среди керосинозаводчиков шли «чуть ли не ежедневные банкротства», и наступавшая безработица выбросила за борт массу рабочего люда. Без общественно-городского ломбарда, который не ограничивал бы приема закладов «золотыми вещами», положение еще более обострялось. Механические заводы или вовсе распускали, или сокращали штат мастеровых, и безработица появилась среди слесарей [1]). В «Русских Ведомостях» в ноябре 1899 г. появилось сообщение, что Николаевский железоделательный и рельсопрокатный завод, принадлежащий обществу восточно-сибирских чугунно-плавильных заводов, закрыт, и заводские рабочие, оставшись без всяких средств к существованию, испытывают крайнюю нужду. Часть рабочих еще нашла себе работу на железной дороге. Остальные же, не будучи в состоянии итти пешком искать работу—передвижение же на лошадях им, конечно, недоступно,—сидят буквально без куска хлеба, так как все, что можно было продать и заложить, уже спущено за бесценок ростовщикам. Верхнеднепровский металлический завод и франко-русские мастерские в Нижнеднепровске распустили рабочих [2]). С сентября месяца бельгийские предприятия, преимущественно переделочные, стали сокращать штаты. В Мариуполе, с прекращением работ на заводах, «несколько тысяч рассчитанных рабочих, за неимением заработка, разошлись и увеличили собой толпу голодающего пролетариата».

Расчет и увольнение сыплются уже в 1899 г. на головы рабочих во всех отраслях.

Цементные заводы в Царстве Польском распустили значительную часть мастеровых, завод эмалированных изделий в Луганске, бутылочные заводы вблизи ст. Константиновка. В Нижнем-Новгороде появилась безработица в пароходном мире. В конце 99 г. обострился кризис в Киеве в сахарной промышленности, и—после банкротства нескольких крупных заводов—город быстро стал наводняться безработными. Строительная горячка, охватившая в этом году одесских и варшавских домовладельцев, кончилась кризисом, который, в свою

---

[1]) «Промышленный Мир», от 1-го и 17-го декабря 1899 г.
[2]) Ibid, от 11 декабря 1899 г.

очередь, вызвал застой в деятельности кирпичных заводов; в то время, как владельцы их ликвидировали свои дела, рабочие голодали. В Царицыне массы чернорабочих остались без заработка. Даже «за ничтожную плату работ очень мало, вследствие чего рабочим приходится сильно бедствовать, проживая последние необходимые вещи». Соглашались даже работать за один кусок хлеба, отыскивая работу по домам у обывателей, но и из этих поисков никаких результатов не получалось...

Так уже осенью 99 г. намечаются очертания грядущего бедствия. Где еще об'явление о расчете не вывешено, уже в воздухе ютятся предположения, которые не сегодня-завтра будут приведены в действительность. Цены акций таких промышленных предприятий, как Александровск. сталелитейные, подверглись уже не меньшему понижению, чем Сормовские, акции «Феникс» или Гартман не менее, чем Донецко-Юрьевского металлургического завода, и работающий сегодня-завтра может быть выброшен на улицу.

Это кадры, обусловленные промышленными крахами этого года. Но не надо забывать, что и банковские сферы располагают обширным персоналом сами по себе. Да и как разделить эти сферы? Только двух крахов двух финансовых тузов («Фон-Дервиз» и С. И. Мамонтов) достаточно было для того, чтобы разорить тысячи людей и той, и другой категории. Все это лопалось, оставляя без куска хлеба рабочих самых разных категорий, и нередко нельзя было разобрать, где тут действие финансового краха, где промышленного, где и того и другого.

Ясно только одно, что количество выброшенного за борт рабочего люда было уже в 1899 г. значительно, и только оценивая кризис с высоты потерь, претерпеваемых капиталом, как-будто лишь в этом и заключается смысл кризиса, можно было не замечать уже тогда тех последствий, какими кризис уже давал себя знать в среде пролетариата.

III.

«Лишь с половины 1900 г.,—отступает все более от того положения, что промышленный кризис наступил у нас «значительно» позже денежного и биржевого, Б. Брандт,—одновременно с наступлением кризиса в Западной Европе, начинает чувствоваться и у нас промышленный кризис в тесном

смысле». Данные, характеризующие положение труда, показывают, что такой разницы между первой и второй половиной 1900 года нет.

Увольнения и расчеты на фабриках и заводах, а вместе с ними обостряющаяся безработица, но это одинаково относится и к началу, и к концу года. Можно сказать, крахи Дервиза и Мамонтова явились своего рода крещением начавшегося кризиса. Они подействовали угнетающим образом не столько на биржу, сколько на публику, доверие которой так важно в такой момент, и бумаги стали спускаться все ниже и ниже. Присоединились непредвиденные события — политические осложнения, разыгравшиеся на Дальнем Востоке, «тяжело отразившиеся на многих сторонах экономической жизни страны». Все это лишь оттеняло те бедствия, которые с каждым днем росли в рабочей среде, как и число опустевших фабрик и заводов. И если можно говорить о разнице между началом и концом года, то разница разве в степени нищеты и разорения.

Начинается он обострением кризиса в металлургической промышленности. Как мы видели, здесь уже в 1899 г. безработица давала себя знать. Но сейчас эта отрасль производства, рассчитанная не столько на массовый, сколько на специальный рынок, так называемые казенные заказы, сразу начинают хромать на оба колена, и прямой показатель этого процесса — крайнее понижение цен на чугун и железо. В общем, если мы сравним число рабочих в 1899 и 1900 г.г., то увидим, что оно упало на 4.000. К 1899 г. оно составляло 45.416, в 1900 г.—уже 41.442 [1]). Уже эта цифра красноречива. То же сообщали корреспонденции с разных концов страны. Так, значительно сократились штаты служащих и рабочих на Волжском стальном заводе; Верхнеднепровский металлургический завод распустил рабочих; почти на всех механических заводах пошли расчеты и сокращения в небывалых количествах.

Обострялась безработица все более и более в мануфактурной отрасли, где уже в 1899 году свила себе такое гнездо, что становилось ясно, что здесь дело не в двух-трех зарвавшихся дельцах. В Лодзи, из промышленных предприятий которой берлинские капиталисты еще в конце 1899 года решили из'ять

[1]) «Труды XXVII с'езда горнопромышленников юга России».

капиталы, теперь лодзинский раввин собирал уже пожертвования на разорившихся еврейских купцов. Можно себе представить бедствие лодзинской безработицы. Рабочие буквально умирали с голоду. «Ткачи, словно полоумные, ходили по городу, ища куска хлеба»,—писала одна газета.—«На-днях на улице замечена была молодая женщина, не более 21 года. Она шла, шатаясь, как пьяная, возбуждая насмешки прохожих, и у нее едва хватало голоса сказать, что она не ела уже 7 дней. В тот же день упал без чувств мужчина на улице, оказавшийся ткачем, лишившимся работы. Он не ел несколько дней и не имел даже своего угла. Тогда же на улице были подобраны совершенно истощенные от голода 12-летний мальчик, девушка 21 года и 55-летний старик. В один день подобрано на улице 5 человек. Сколько же их осталось незамеченными,—спрашивала «Rozvoi Lodzki»,—голодающих дома и нерешающихся, а, может-быть, не имеющих уже сил выходить на улицу? Лодзи, как и многим другим промышленным центрам, пришлось пережить всю тягость кризиса, сократившего работу на фабриках и заводах и выбросившего на улицу целые толпы лишенных заработка и хлеба людей». Находящаяся близ С.-Петербурга Царскосельская бумажная фабрика, принадлежавшая акционерному обществу Рейнер и комп., приостановив работы, распустила рабочих. Механическо-ткацкая фабрика Буркова, в Гавриловском посаде, Владимирской губ., сохранила лишь работы пунсово-красильного дела, сократив рабочий штат.

Сюда присоединилось нефтяное производство, продукты которого падали уже в цене скачками; обострялся застой, охвативший, с прекращением строительной горячки, цементную, кирпичную отрасли производства, местную промышленность. Так безработная армия из местных ручейков сливалась в общее всероссийское русло.

В Лодзи остались без хлеба и приказчики. Многие из них, привлеченные сюда из разных городов империи, не имели даже на обратный путь. Лишенные крова и пищи, несчастные пасынки судьбы ютились в подвалах, стыдясь протянуть руку за подаянием [1]). В Одессе в состоянии безработных очутились портовые рабочие. В Нижнем к заводскому кризису присоединился ряд крахов в пароходном мире, благодаря чему оста-

[1]) «Промышленный Мир», 1900 г., № 51.

лись без работы группы судовых рабочих-масленщиков, кочегаров, слесарей и т. п. «Рабочий люд вполне основательно и справедливо назвал нынешнюю зиму тяжелой,—писал «Нижегородский Листок» в феврале.—Без средств и без помощи извне, рабочий люд, предоставленный исключительно себе самому, в течение нескольких месяцев безработицы «спустил» все и увяз в долгах. Первое веяние весны оживило рабочую массу. Каждый день у садика против биржи у гостиниц Обжорина и Головина, на нижнем баразе, можно встретить толпы безработных, чуть не христа-ради умоляющих взять их «на ремонт»—для мелких слесарных работ на пароходах. У большинства вытянутые лица, подтянутые животы, прикрытые жалкими лохмотьями. Но пароходчики в нынешнем году не особенно спешат с ремонтом, и масса переживает мучительные дни ожиданий и томлений». «Промышленному Миру» сообщали из Орехова-Зуева, что наплыв рабочих здесь так велик, что им даже негде разместиться, и цены на постоялых дворах возросли до невероятности. Вся эта масса пыталась попасть на пунцовые фабрики, зимнее время здесь пустующие, но, разумеется, большая часть осталась за бортом в чаянии приема на летние работы на бумаго-ткацких фабриках Саввы Морозова, товарищества Викулы Морозова и пр. Так, покачто, пробивались голодом. Масса детей-сирот, за отсутствием ночлежных домов,—на улице... В ту же газету сообщали из Тулы, что безработное население растет. Фабрики и заводы сократили или вовсе приостановили производство, и в то время, как количество рабочих рук возрастало, спрос на них сокращался вдвое. Все, что можно было, рабочие перезаложили из своего домашнего скарба... [1]). Образовался сильный наплыв безработных профессиональных рабочих-каменщиков, плотников, кузнецов, слесарей в верховьях Волги. Этот люд направлялся отчасти в Уфимский и Оренбургский край, отчасти в Сибирь, на Сибирскую дорогу. Конечно, как всегда, рабочие ехали, руководясь лишь слухами, и только спустя некоторое время обнаруживалось, на что они идут. Уже в Краноярске кризис давал себя знать, и масса приказчиков, выброшенная закрывшимися магазинами на улицу, по своему положению не отличалась от голодающих, наводнивших Сибирь вслед-

[1]) «Промышленный Мир», от 29 марта, 1900 г.

ствие неурожая... В Шуйско-Ивановском районе одни фабрики уже распустили половину рабочих, другие еще продолжали работать с сокращением на $^2/_3$ против нормального порядка. Сахарные заводы один за другим закрывались, так что безработица в Киеве давала себя чувствовать не менее сильно, чем в Петербурге или Москве. Первая половина 1900 г. была периодом крахов крупных фабрик в Варшаве. И здесь количество нищих поднялось в несколько раз за этот год.

Характерны данные, характеризующие тогдашнюю еврейскую безработицу. Черта оседлости всегда отличалась крайней перенаселенностью, но сейчас одна пятая населения оказалась в целом ряде районов без работы: 18,8% безработных. Среди городского населения процент этот составлял 7, т.-е. в Западной России одни евреи в 1899—1900 г.г. заполняли весь тот процент безработных, который дает в Европе население городов, да и то лишь наиболее крупных. Если же мы примем во внимание лишь наиболее крупные города наши, то получим еще высший процент.

Кажется, цифры ясно говорят, насколько мнение Брандта о том, что промышленный кризис у нас разразился «значительно» позже денежного, «в сущности, лишь в 1901 году», имело какое-либо основание. Суб'ективно так, конечно, могло представляться апологету тех мероприятий, какие отчасти проектировало, отчасти приводило в исполнение тогда наше финансовое ведомство. Но... логика жизни—логика итогов: положение труда, о котором автор в книге о кризисе 1899—902 г.г. не считал даже нужным упоминать, ярко восстанавливает то, что было на самом деле. Безработица в мануфактурной отрасли производства, безработица в металлургическом мире, на сахарных, цементных, кирпичных заводах, безработица в Москве, Лодзи, Киеве, Одессе, Екатеринославе—разве все это могло быть без серьезного промышленного потрясения уже в 1899—900 годах!

IV.

Время шло. Бедствие не только не слабело, но получало все большую и большую интенсивность. И эта именно последовательность, говорившая о естественном, неизбежном процессе, и оставляла грустное пессимистическое чувство.

Наступил 1901 год. Новым симптомом разразившейся беды была трагическая смерть известного южного дельца, основателя чуть ли не десятка разных крупных предприятий и банков. Донецко-Юрьевский металлургический завод, один из лучших в Европе, разоривший Алчевского, вызвал столь грандиозное потрясение, последствия которого трудно преувеличить самому завзятому скептику. Под влиянием этого удара цены акций пошли еще ниже, чем раньше. Опять-таки присоединилось и несколько привходящих моментов. Урожай 1900 г. был, как известно, удовлетворителен—теперь на горизонте опять появился голод. Целый ряд пожаров с особенной силой распростанился по стране. Выгорели такие города, как Витебск, Пенза, Брест-Литовск, сотни деревень погибли в огне; сотни тысяч десятин превосходного леса, колоссальные склады с разным товаром, строящиеся военные суда—все это горело в 1901 г., точно специально для того, чтобы подчеркнуть, что, все равно, море по колено...

И вот безработица все растет.

В Екатеринославской губ., в виду застоя, уже накопилось 10.000 безработных. Соседние машиностроительные заводы постигает такая же судьба, как механическое производство Петербурга, Тулы, Брянска, Москвы, и уволенные рабочие в поисках за работой переходят из одной губернии в другую. Затем получилось известие, что Константиновские бельгийские заводы расчитали большинство рабочих, и—небывалый пример великодушия — администрация «субсидировала оставшихся без работы на зимний сезон рабочих и мастеров десятидневным заработком». Начались расчеты на Ивангородо-Домбровской железной дороге. Харьков оказался наводненным безработными. Не менее 1.600 рабочих уже осталось без куска хлеба. Более всех пострадал бельгийский механический завод, на котором осенью работало 600 человек, теперь же цифра эта едва достигала 250. Краматоровский завод вовсе расчитал весь штат рабочих. Паровозостроительный завод Русского общества продолжал увольнять своих рабочих, так-что в начале 1901 г. там уже осталось не более трех пятых всего числа рабочих. А так как сюда, в свою очередь, нахлынули рабочие Екатеринославской губернии, где, как мы видели, безработица дошла до своего апогея (там заводы все закры-

лись), то положение рабочих здесь не отличалось от положения нищих... Что делалось в это время в Баку, видно из того, что только с мая 1901 г. до закрытия навигации было отправлено водой из него до 6.000 безработных, за последовавшие же полтора месяца по железной дороге—2.000 чел., не считая 500 человек, выехавших отсюда в Ташкент [1]). К этому времени покойниками уже были керосиновые заводы «Кавказ» и Бекенсон, выбросившие немалые рабочие кадры, были на очереди другие, работавшие еще лишь в силу необходимости сдать остатки с условной температурой вспышки. В Балахнах, фирма Манташева и К° распустила 100 человек рабочих, в Тифлисе фабрика наследниц И. А. Читахова оставила без работы 400 мастеровых.

Мы видели, насколько уменьшилось число рабочих, занятых в металлургической промышленности в 1900 г. сравнительно с 1899 годом. Такое же уменьшение мы видим здесь и в 1901 г. Сравнительно с 1900 годом, уменьшение равно 3.000: в 1900 г. число рабочих составляло 41.442, теперь же 38.590 [2]). Да и о рабочих, еще обеспеченных здесь работой, нельзя было сказать, что это обеспечение. Сейчас, как никогда раньше, развилась система так называемых «гулевых дней», не тех прогульных дней, за которые администрация обыкновенно штрафует на фабриках и заводах, а вынужденных, обусловленных кризисом и доходящих иногда в течение одного месяца до 75% и более. Например, по сведениям пермской губернской земской управы, из 88 действующих заводов Пермской губернии, с которых были получены сведения, только на 22 заводах не было гулевых дней, в двух же заводах в пределах одного рабочего месяца гулевые дни, не считая праздников, достигали 10%, в 20 заводах—25%, в 24—50% и в 13 заводах—75% и выше [3]). Крахи докатились даже до Сахалина: общество, эксплоатировавшее там Дукский каменноугольный рудник, принуждено было «освободить» рабочие руки...

---

[1]) «Спб. Ведомости», 22 февраля 1902 г.

[2]) Труды XXVII с'езда горнопромышленников юга России. Доклад о мерах к устранению затруднений, переживаемых жел. пром.

[3]) И. Сигов. «Видения проф. Менделеева на Урале». «Русск. Бог.» 1901 г., № 4.

Шли те же биржевые крахи, что и прежде, и биржа высылала на улицу тысячи лишенных крова и хлеба... Не станем перечислять их.

Недаром в 1901 г. кризис и безработица были признаны, как реальный факт, не только исследователями, которым во что бы то ни стало надо было затушевать размеры и значение бедствия, но и тем направлением, которое в свое время набросилось с пеной у рта на М. И. Туган-Барановского, рядом конкретных данных предсказавшего его и его последствия. «Необыкновенная» безработица в хлопчатобумажной промышленности, закрытие всех шести чугунно-плавильных заводов в Юго-Западном крае... То же—в Криворожском районе, где даже разведочные работы были прекращены...

Расчеты рабочих штатов на казенных горных заводах западного округа, южных рельсопрокатных заводах, где производство было доведено до минимума в то время, как заводские склады ломились от скопившихся за несколько лет запасов... Безработица в каменноугольной промышленности вообще, в молодых еще каменноугольных предприятиях Сибири в частности.... Стоны рабочих, уволенных с керосиновых заводов: «запасы нефтяных продуктов, мол, переполнили все нефтехранилища как на распределительном рынке, так и в Баку»... Даже само финансовое ведомство заявило, что хотя понижение цен на продукты российского капитала и входило в его расчеты, но такое понижение есть все-таки явление ненормальное; что, конечно, число фабрик и заводов растет, как и повышается технический уровень производства, но... под влиянием «отчасти денежных стеснений, частью осложнений политической жизни и ряда неурожайных лет» некоторые отрасли нашей промышленности испытывают затруднения, выражающиеся в «стеснении товаров» [1]). О стеснениях, претерпеваемых при этом людьми, выброшенными на мостовую, «Вестник Финансов» умалчивал. Или он совершенно резонно подразумевал, что рабочая сила в капиталистической стране, ведь, тот же товар?

Факт тот, что в 1901 году ни для кого не могло быть уже сомнений, что Россия переживает кризис...

---

[1]) «Вестник Финансов», 1901 г., № 47.

V.

Но понадобился еще год голодных ужасов, еще год того состояния, которое Гуго Берг, автор одной книжки о безработице, совершенно справедливо называет кратчайшим путем в ад («если у безработного есть характер, чувство чести и любовь к семье, то... он жарится на сковороде уже на этом свете»)[1]), для того, чтобы тем, кто проявлял такое беспокойство за судьбу русского капитализма, стало ясно, что это не только кризис прибыли, но во сто раз больше кризис рабочего желудка.

Зато же это поистине был самый черный год для рабочего класса России. Кризис пошел в глубину. Так, добыча Донецкого бассейна в 1902 г. сразу опустилась на 52,3 м. п. Еще дальше подвинулось сокращение добычи нефти, как и общее ослабление промысловой и буровой деятельности: число промыслов уменьшилось с 217 до 210, а число эксплоатируемых скважин—с 1.924 до 1.840; число же бездействующих скважин увеличилось с 1.048 до 1.172. Прямой признак ослабления буровой деятельности представляет сокращение количества пройденных бурением сажен: за 1902 г. было пройдено всего 40,4 т. с., между тем, как в 1901 г. было пройдено 75,8 т. с., в 1900 же году—83,1. Добыча нефти, таким образом, упала на 35 милл. пуд. То же происходило в других отраслях производства.

Но дело даже не в новых источниках разорения и нищеты народных масс, а в тех кадрах, которые уже раньше явились на свет—год, два, три назад,—которые, мало-по-малу, нарастая и раздвигаясь, в 1902 г. образовали, наконец, такой слой и около промышленных центров, и около каждого местечка, где только водился кусок хлеба и забор, что они стали конкурировать с размерами голодающих в неурожайных губерниях. И если в свое время у оптимистов были кое-какие основания говорить, что после этого года произошло как-будто некоторое «улучшение в делах», а вместе с тем, смягчение нищеты и болезней, вызванных и обостренных безработицей, то, во всяком случае, из голодного четырехлетия, предшествовав-

[1]) Берг. «Долой безработицу». Спб., 1906 г., стр. 56.

шего этому повороту, 1902 год был самый голодный, наиболее дорого стоивший городской пролетарской бедноте...

Насколько это так, видно из того, что сообщали в этом году газеты; ведь и они в 1902 году заговорили о безработице иным языком.

Вот факты.

В 1902 г. на одном Юзовском заводе накопилось до 15 тысяч безработных. В то время, как в былое время здесь работало 15—20 тысяч рабочих, теперь едва-едва осталось 5.000, да и это число с каждым днем убывало: в дни получек их расчитывали сперва тысячами, потом сотнями. Из шести доменных печей теперь работали лишь три; в механических мастерских ночная работа была упразднена. Да и рабочие работали уже 3 дня в неделю, так что они мало отличались от безработных, истратив после продолжительного периода трехдневной работы все свои сбережения и очутившись совершенно в беспомощном положении [1]). В Риге, в общем, на фабриках было уволено до 8.000 рабочих. Если к этому прибавить те массы, которые с'ехались из других мест сюда в поисках за работой, не имея возможности вернуться обратно, да дороговизну жизни, которая в моменты экономических бедствий, как нарочно, растет и растет, то можно себе представить остроту положения. Стоило какому-то фабриканту об'явить в Риге, что требуется ночной сторож, чтобы на другой день около конторы уже толпились сотни народа. По другому об'явлению, на место служанки явились до 60 женщин в течение нескольких часов. Люди, изможденные голодом, почти раздетые, толпились всюду, и ни одному почти из этих несчастных не удавалось достать работы [2]). Не лучше дело обстояло в Ревеле, где фабрики и заводы, по образному выражению корреспондента, «совсем распустили своих рабочих»,—за небольшими исключениями, где обходились с половинным числом рабочих или того меньше. «На заводе «Двигатель»,—сообщали газеты,—рабочие занимаются уже не ежедневно, а через день, т.-е. три дня в неделю. Многие другие заводы и фабрики совсем распустили рабочих, которые голодают и выселяются из Ревеля» [3]). В Саратове же крупные

---

[1]) «Нижегор. Листок», 17 апр. 1902 г.
[2]) «Русск. Вед.», 28 апр. 1902 г.
[3]) Ibid, 19 марта 1902 г.

промышленные заведения за зиму 1902 г. сократили количество рабочих на четверть, на треть, нередко и на половину против нормального состава [1]). В Баку и Астрахани накопилось к этому времени свыше 10.000 безработных: у ворот фабрик и заводов, то и дело, толпились сотни жаждущих получить хоть ничтожный заработок. Но все было тщетно. Сами фабрики и заводы, в большинстве случаев, пустовали...

Характерно то, что теперь газеты уже не говорили о той или иной фабрике, о том или ином торговом предприятии, как писалось прежде, когда все эти крахи и увольнения представлялись разрозненными, мало связанными друг с другом. Нет, теперь уже идет речь о целых городах и целых отраслях производства, точно лишь этот год и был в состоянии приучить мысль к тому, что народное хозяйство есть организм, все части которого не менее тесно связаны между собой, чем отношения в обществе.

Повсюду, чем раньше началась, тем большей степени обострения достигает безработица в 1902 году. Так, еще более, в 1902 году, обострилась безработица в Екатеринославской губернии; в Киеве число безработных выросло в такой степени, что в тогдашней киевской городской думе был поднят вопрос о них [2]). Обострилась безработица в Петербурге, в Харькове, через который обычно проходили безработные, возвращавшиеся из Екатеринославской губернии и Донской области [3]). В Царицыне в 1902 г. образовалась такая масса нищих, что они «буквально осаждали обывателей», и хотя были надежды здесь на полевые работы и работы на местных пристанях, но надежды эти не оправдались. Рыбы шло очень мало, хлеба грузилось немного [4])... Обострилось бедствие в Варшаве, где лишь немногим крупным заводам удалось получить заказы. За один злополучный год здесь закрылось 6 крупных заводов, и два проданы с публичных торгов за долги [5]). Из Перми, где цены на продукты значительно повысились, а число безработных все возрастало и возрастало, писали: «Последнее наблюдалось и в предыдущие годы,

---

[1]) «Сарат. Дн.», 26 марта 1902 г.
[2]) «Киевлянин», 15 февр. 1902 г.
[3]) «Спб. Вед.», 13 апр. 1902 г.
[4]) «Русск. Вед.», 14 апр. 1902 г.
[5]) «Промышленный Мир», № 28, 1902 г.

но ныне, благодаря наплыву рабочего люда из других неурожайных губерний, стало совсем невозможно жить» [1]). Наконец, в Иваново-Вознесенске, одном из самых ранних очагов безработицы, ежедневно шли «в одиночку и десятками» рабочие, околачивая пороги у фабрик и заводов, еще не успевших закрыться окончательно. Напрасно. «Пришлые, в числе которых есть многие из Вятской губернии, бродят уже недели изо дня в день в поисках работы, измученные, голодные, без копейки денег» [2]). То же в Ардатовском уезде Нижегородской губернии, где только что закрылись чугунно-литейные заводы, в Брянском, где уже «массами расчитывали рабочих», в районе Донецкого бассейна и пр. [3]).

Читатель помнит, как толпы безработных двинулись в Сибирь искать куска хлеба; тогда уже указывались кое-какие факты из области и сибирского недоедания. Но сейчас здесь то же обострение, что в других окраинах: в Царстве Польском, на Кавказе, в Привислинском крае. Масса безработных переполнила Благовещенск, при чем большинство ничего не находило и голодало [4]), прибывала в Челябинск ежедневно сотнями, направляясь на строящуюся Манчжурскую железную дорогу, в надежде, что здесь нужны рабочие руки; но наплыв был так велик, что они лишь увеличивали армию обреченных на голодную смерть [5]).

Казалось бы, сравнительный урожай минувшего лета должен был ослабить остроту этого бедствия—так нет же. Ведь рабочий уже ничего общего с землей не имел, не мог бы взяться за полевые работы, если бы ему какое-нибудь попечительное начальство даже отвело ее. Он не мог сказать: «тяга в сумочке от матери сырой земли», по той причине, что он, как и рабочий западно-европейский, переживший не одну такую безработицу, ничего, кроме своей рабочей силы, не имеет, и если голодающий мужик может хоть в утешение сказать себе: «я—Микула, есть, мужик я—Селянинович», то у безработного нашего и этого утешения нет. Не покупают рабочей силы, значит, не на что надеяться... В этом весь трагизм промышленной безработицы, этой именно кратчайшей дороги в ад...

---

[1]) Ibid, № 14.
[2]) «Нижегор. Листок», 1902 г.
[3]) «Русск. Вед.», 14 окт. и «Нижегор. Лист.», 7 дек. 1902 г.
[4]) «Нижегор. Лист.», 13 ноября 1902 г.
[5]) «Русск. Вед.», 8 мая 1902 г.

VI.

Таковы были размеры безработицы в 1899—1902 г.г. на фабриках и заводах. Как паразит, присосалась она к русскому индустриальному пролетариату, пила у него кровь полными глотками. С 1903 г. заговорили о конце кризиса.

Не буду вдаваться в критику этого взгляда. 1905—07 г.г. с ясностью, не допускающей никаких сомнений, показали, о каком конце тогда можно было говорить. Да и то, что тогда, в 1903 г., доносилось из нефтяной области (Астрахань), мира судоходства (Каспийское), ящичного производства (Батум), из торговых сфер (Одесса)[1]), настраивало на скептический лад по отношению к предсказаниям г.г. Брандтов. Но все же, под известным углом зрения, ослабление рабочей нужды временно—именно в 1903—04 г.г.—имело место, и для характеристики наиболее ярких проявлений этого злокачественного бича можно ограничиться, четырехлетием.

Но не надо забывать, что фабрично-заводской средой, в тесном смысле слова, район действия безработицы не ограничивается в России, именно в России. Ведь сюда не входят ни миллионы «кустарей», работающих на фабрикантов и скупщиков, ни тысячи сельско-хозяйственных рабочих, ни рабочие массы, занятые, вообще, в мелкой промышленности, те именно сферы труда, которые стоят в самой близкой зависимости от капитала. Неурожаи последних лет принесли разорение большей части крестьянства, и то, что еще недавно восполняло пробелы деревенского бюджета, становится единственным источником их средств к существованию. С полной потерей хозяйственной самостоятельности, в ряды этой армии притекают все новые и новые волны не по дням, а по часам, и хотя эти элементы не могут быть еще названы пролетарскими в строгом смысле слова, но это уже во всяком случае пролетарии настолько, чтобы чувствовать на себе все действие промышленной безработицы.

Вот образчики. В Павловском районе,—отмечали «С.-Петербургские Ведомости», 29 ноября 1902 года—сильный застой в торговле отражается на кустарях, которые начинают бросать работу в надежде на фабрику. Надежда—надеждой, но, пока-что, местное кредитное товарищество, заваленное залога-

[1]) См. «Промышленный Мир», №№ 31 и 37 за 1903 г.

ми. не в состоянии было продолжать выдачу ссуд. В Ардатовском уезде кризис отразился на крестьянах, для которых копание руды на Шиповских чугунно-литейных заводах и возка ее на заводы служили главным источником заработка в течение нескольких десятков лет. Лишившись же в настоящее время этой «постоянной» работы, крестьяне стали голодать [1]).

А сколько таких «кустарей» и «крестьян» должно было подвергнуться действию кризиса и значительной своей частью разделить общую судьбу безработного рабочего люда! Достаточно раскрыть какой-нибудь земский ежегодник или обзор за один из этих несчастных годов, чтобы увидеть это. Вот, напр., «Статистический Ежегодник Тверской губ. за 1901 г.». Сколько выдавалось здесь «пролетарских» паспортов? В 1900 году, было выдано здесь 391.331 мужских, женских и семейных паспортов—на половину больше, чем в предыдущем году,—и большинство отлучек (37,6%) совершалось весной, т.е. как-раз накануне земледельческих работ. Но даже взятые зимой паспорта (23,2%) оказываются безнадежными. «Напротив, отхожие промышленники все реже возвращаются к полевым работам»,—констатирует статистика. Характерен особенно рост годовых мужских, женских и семейных паспортов. Достаточно сказать, что с 1896 по 1900 г. число мужских паспортов приблизительно увеличилось в три раза; женских—в два слишком, семейных—в полтора. Или вот «Хозяйственно-Статистический обзор Уфимской губ. за 1900—1901 г.г.». Здесь было выдано таких паспортов 66.675, и ушло по ним населения 70.884 в 1900 году, в 1901 же году—86.248 паспортов и ушло 90.661 челов.

Это все жертвы безработицы. Это все резервная армия, которая тяжелым камнем затем нависнет на шее городского пролетариата. Сами земские издания это констатируют... Оттого и создалось такое положение, что наиболее пострадавшими от безработицы являлись центры неурожайных губерний, те самые, где с разных концов шли навстречу друг другу и сталкивались, напр., поволжские города, главные притоны босяков. В Самаре 18-го марта в одном ночлежном доме ночевало 1.200 босяков [2]). Приблизительно то же делалось и в

[1]) «Русск. Вед.», 14 октября 1902 г.
[2]) Ibid, 14 марта.

ночлежных домах в Саратове. И там и здесь, наконец, вспыхнула такая эпидемия тифа, которая явилась весьма серьезной угрозой общественному здравию [1]).

Надо только представить себе эти два потока людей, бегущих от голода к хлебу и обретающих... ночлежный дом, где уже копошатся 1.200 таких же голодных! Больше итти некуда—и «кустарю», потерявшему связь со своим скупщиком, и крестьянину, не вернувшемуся на полевые работы, и городскому пролетарию...

Картина безработицы, осложненной состоянием расслоения и разложения, какое переживает последние десятилетия русская деревня, была бы не полна, если бы я не коснулся и других привходящих моментов, имевших то же значение для судеб безработных, что «годовые паспорта» крестьян или бегство «кустарей» от скупщиков. Я имею в виду наплыв безработных из Персии, как-раз не выходившей в это время из экономических затруднений, Китая и пр., с одной стороны, и конкуренцию татар и арестантского труда—с другой. Покорные, нетребовательные в пище, во всех своих привычках, и те и другие ограничивались столь ничтожной платой за труд, что стали выталкивать русских из еще функционирующих предприятий.

Так, летом 1900 г.,—по словам «Саратовского Дневника»,—на пароходах, идущих мимо Саратова с верховьев Волги, все чаще стали попадаться рабочие-инородцы, отправляющиеся на заработки в низовья Волги или на Дон. Это татары и чуваши из разных мест, едущие большими партиями, иногда в 100 и более человек. Все они, за небольшими исключениями, весьма плохо говорят по-русски, женщины же совершенно не знают языка, и только главари более или менее сносно об'ясняются. Но «на Дону очень дорожат их работами и всегда принимают их охотнее, чем русских», что они сами об'ясняют «нетребовательностью их в пище и теплых помещениях».

По сообщению «Саратовского Листка», в низовом Поволжье, до Царицына включительно, судовые рабочие русские в 1900 г. «положительно вытеснялись персами». Напр., в Астрахани уже по всей пристани на товаро-пассажирских и бук-

[1]) «Сарат. Дн.» 26 марта 1902 г.

сирных пароходах работали по погрузке и выгрузке товаров исключительно персы, русские же крючники лишились этого заработка. Об'яснялось дело тем же. Пароходчики сдавали погрузку и выгрузку особым подрядчикам-персам по цене от 4 до 4½ руб. за 1.000 пуд., тогда как в верховых городах, где работали русские, платили по 5—5½ руб. За чисто-каторжную работу грузчики-персы получали всего 10—12 руб. в месяц. Нетребовательны они и в остальном: полураздетые, оборванные, грязные, они жили в каких-то конюшнях, питались неизвестно чем. «Русские рабочие,—писал корреспондент,—относятся очень враждебно к грузчикам-персам, и взаимные столкновения происходят у них часто. Волгари уверяют, что в непродолжительном времени персы будут грузчиками на всех значительных пристанях Поволжья».

Такую же роль стали играть китайцы. Известно, какое распространение получил труд китайцев в Сибири при постройке Сибирской железной дороги. «Инженеры предпочитают иметь дело с китайцами»,—доносилось до ушей безработных, ступавших на землю обетованную [1]). И вот, в 1902 г. «Русское Слово» рисовало и такие картины. Последнее время,—читаем мы,—на улицах столицы стали появляться китайцы. В своих национальных костюмах, с небольшими кошовками в руках, наполненными разными безделушками, они занимаются продажей их в разнос, заходят в магазины, в частные квартиры. «Все эти китайцы вовсе не самостоятельные китайцы, а являются жертвами самой необузданной эксплоатации со стороны различных предпринимателей, поспешивших воспользоваться услугами открывшегося Сибирского железнодорожного пути в целях эксплоатации дешевых рук сынов Небесной империи». Форма эксплоатации состояла в следующем. Партии молодых китайцев, преимущественно в возрасте от 18 до 25 лет, законтрактовывались предпринимателями на месте, в Китае, на срок от 5 до 10 лет, на должности бродячих торговцев. По приезде в Россию, законтрактованные партии китайцев раздроблялись и направлялись в разные города, по усмотрению предпринимателей. Каждый получал кошовку с разной дребеденью, расцененной предпринимателем, после чего китаец отправлялся в путь. Вознагра-

[1]) «Спб. Вед.», 8 мая 1902 г.

ждение за труд определялось так: харчи китаец получал от предпринимателя, и их стоимость, смотря по местности, колебалась от 5 до 15 коп. в день; жалованье—в день гривенник. Крайне нетребовательные в пище, китайцы оказывались в высшей степени трудолюбивыми и вместе с тем, благодаря своей некультурности, чрезвычайно назойливыми в предложениях купить у них товар. «Оригинальный и жалкий вид китайцев часто заставлял покупателей приобретать у них товары из сожаления и в видах благотворительности, совершенно не зная о том, что уплачиваемые за безделушку деньги идут в карман юркого предпринимателя». Такие партии китайцев из Москвы распространялись по всей России...

На такие роли и безработный, околачивающий пороги, может быть, был бы неспособен.

Такое же значение для обострения нужд безработных имел тот вид наемного труда арестантов, который как-раз в эти годы получил распространение. Напр., читатель помнит, как значителен был кризис в цементном производстве, между прочим, в Киеве. И вот в 1900 г. киевская губернская тюремная инспекция заключает с правлением товарищества киевского цементного завода договор на аренду принадлежащего этому товариществу в Китае кирпичного завода, сроком на шесть лет, для эксплоатации лишь при помощи содержащихся в киевской тюрьме арестантов. Куда после этого делись «вольные» рабочие? За годы кризиса был заключен целый ряд аналогичных соглашений.

VII.

Очерк лишений и мытарств пролетарских масс, только-что данный, основан на тех материалах, каким посчастливилось попасть в печать. А сколько таких фактов не увидело света, даже более острых и значительных! Особенно в начале, когда и самая безработица началась каким-то калейдоскопом отдельных случайностей. Уже отсюда видно, как неполны мои данные. Однако, даже по ним следует признать, что размеры бедствия были значительны. Повторяю, их нельзя ставить рядом с теми цифрами, в каких выразилась безработица в своем

развитии, но все же уже тогда кризис, по количеству оставшихся без работы тружеников, не уступал любому европейскому кризису.

Как же реагировали на эту сторону кризиса буржуазия и бюрократия, материальное благосостояние коих, даже в моменты критические, остающееся на известной высоте, зиждется на этой голи, еще вчера имевшей «честный» кусок хлеба? Не бросались ли в глаза этим элементам именно эти последствия промышленного расстройства? Ведь и буржуазия, и бюрократия не могли же, так или иначе, не сталкиваться лицом к лицу с безработицей, не реагировать на нее, если не каким-либо общим мероприятием, то теми или иными частичными мерами. Нельзя не отметить, ведь, что в 1898—1902 г.г. у сильных мира сего могло быть отношение более «мягкое» к жертвам промышленного безвременья, чем, например, в 1905—1907 г.г. Дело в том, что как ни однородны основные пружины, лежавшие в основе и безработицы 1899—1902 г.г., и безработицы 1905—1907 г.г., все же была и одна важная причина, которая проводит между ними резкую черту.

Еще у всех в памяти то разграничение, которое покойный Философов провел во второй думе между рабочими, пострадавшими от промышленного кризиса и потому достойными внимания, и другими, голодающими «по собственной воле». Правительство на ассигновки рабочим, потерявшим работу не вследствие стихийных условий, а оттого, что они «забастовщики», не пойдет,—звучал его голос. И недаром кадеты поддерживали тогда это разделение на том основании, что если ставить себе задачей помощь рабочим, пострадавшим по политическим причинам, то это будет задача «необ'ятная». Безработица 1905—1907 г.г. действительно была вызвана не только экономическими, но и политическими причинами, которые сообщили ей крайне активный характер. Она как бы сосредоточила в себе все те стремления и взгляды, которые были столь ненавистны бюрократии и буржуазии. И вот здесь-то лежит разница между нею и тем четырехлетием, которое подлежит нашему вниманию. Безработица 1899—1902 г.г. была еще почти исключительно экономическим явлением, и безработные того времени были еще теми страдальцами стихийного свойства, которые позднее пользовались таким расположением

г.г. Философовых и Струве, когда заходила речь о помощи безработным...

Я говорю «почти» потому, что уже тогда в воздухе чувствовались признаки массовых движений, разразившихся впоследствии, и это не могло не вести то здесь, то там к расчету и увольнениям по причинам, ничего общего со «стихийностью» не имеющим.

Так, когда забастовали упаковщики на спичечной фабрике акционерного общества «Молния» в М-ре, то их совершенно расчитали, и была принята назад лишь категория коробочниц, которые, хотя во время перерывов и поддерживали упаковщиков, но потом горько плакали и давали клятву, что больше «никогда не позволят себе поступить незаконно, будут слушаться администрации фабрики». На механическом заводе в Баку за протест уволено было не мало рабочих или, в лучшем случае, переведено в запас. Тверская мануфактура держалась уже тогда системы увольнения за самые невинные обращения к фабричному инспектору, так что рабочим предоставлялось или терпеть всевозможные притеснения молча, или бросать работу. Хлудовская мануфактура в Егорьевске в 1902 г. сократила ватерщиц на 200 слишком человек при условиях волнений. В том же году, когда была прекращена работа ткачами на фабрике товарищества шелковой мануфактуры (Гутона и Мусси), то 936 ткачей были немедленно расчитаны, а затем еще около 600 человек, занимающихся подготовительными и зависимыми от прекращенных работами. Поводом послужило руководство общества механического производства, на которое вдруг обрушились громы со стороны капитала.

Мы уже видим даже систему черных листов для рабочих, неугодных фабрично-заводским администрациям, систему, получившую такое применение именно в безработицу последних лет. Так, владелец механического завода Уманского, удаляя рабочего, частным образом уведомлял местных заводовладельцев о его поведении и образе мыслей, прося не принимать его, если он явится, на работу. Та же система практиковалась на махорочных фабриках Кременчуга, и рабочий, получив расчет, фактически становился безработным, так как существовало какое-то немое соглашение между фабриками.

В бондарных заведениях Астраханской губ. велись черные списки, также на механических заводах Седлецкой губ., где на этой почве рабочий убил одного из владельцев. На совещаниях у губернатора в Курляндской губ. отмечались такие случаи в этой губернии, когда администрация промышленных предприятий одной местности и одной специальности извещают друг друга о рабочих, обреченных на безработицу...

Все это факты, относящиеся к первым годам кризиса. Если же такую политику намечали уже тогда представители капитала, то бюрократия уже давно выбивала из колеи в русло безработицы целые слои рабочего класса. Стремясь к тому, чтобы среди рабочего класса остался лишь «устойчивый и консервативный элемент», который «являлся бы опорой существующего строя не в силу одних смутных чувств, а сознательно», она стремилась из'ять революционеров из этой среды, а ведь эти революционеры насчитывались тысячами. «Агитаторы стали использовать реальные нужды рабочих,—писал московский обер-полицмейстер в своей записке 1901 г.,—и повели на почве мелких существующих нужд и требований агитацию». Считая изобретательницей этого приема социал-демократию, он и направлял всю работу «из'ятия» против социал-демократов рабочих.

По всем фабрикам и заводам расставляются наряды городовых и агентов охранного отделения, которые должны вылавливать агитаторов и агитируемых; фабричные инспектора фактически превращаются в исполнителей полицейских предначертаний. Действительно, во всех случаях увольнений рабочих, только-что нами перечисленных, и те и другие принимают деятельное участие. Теперь те самые фабричные инспектора, которые при Бунге вызывали такую ожесточенную вражду к ним фабрикантов, что таким чиновникам, как Янжул, осталось лишь уйти в отставку, исполняя секретную циркулярную политику, отстаивали увольнения и расчеты, и высылки, ибо гласила это политика в двух словах следующее: всех рабочих, которые окажут в какой-либо форме сопротивление распоряжению администрации, а также замеченных в подстрекательстве других рабочих: 1) у д а л я т ь из данного района, независимо от их происхождения, вообще; 2) по соглашению с подлежащим начальством и жандармским на-

чальником подвергать аресту и высылке под надзор полиции в одну из отдаленных губерний, наконец; 3) привлекать к судебной ответственности.

Конечно, во всех этих случаях рабочие теряли работу и лишь тем отличались от безработных, что над ними, кроме руки голода, простиралась и рука охранного отделения.

Однако, повторяю, как эти случаи, в общем, ни были часты, относительно они весьма мало окрашивали безработицу 1899—1902 г.г. Безработные «товарищи» еще настолько терялись в резервной армии, что не только не окрашивали ее в свой цвет, но, наоборот, сами опускались до нее. И это не могло не отражаться на тех действиях, которыми и буржуазия, и бюрократия реагировали в том или ином столкновении с последствиями безработицы.

Буржуа или чиновник позднейших лет без пены у рта не заговорит о безработных. «Наших рабочих можно заставить образумиться только единственным, хотя и страшным средством—голодом»,—говорит первый [1]). Второй вторит ему, запрещая даже сборы пожертвований в пользу этих «тунеядцев и праздношатающихся». Дело в том, что и тот, и другой сделали не мало уступок этим «тунеядцам» в дни свободы, и теперь старались вернуть их назад... Ничего этого не предшествовало четырехлетию 1899—1902 г.г. Видеть в голоде средство, необходимое в интересах охранения собственности и порядка, ни буржуазия, ни бюрократия не могли тогда.

Этим об'ясняется и степень активности, с какой проявилось отношение их к голодным тогда и потом. В 1906—07 г.г. они ненавидели, а все же делали, что требовалось. Иное было тогда.

VIII.

Если бы потребовалось одним словом определить отношение господствующих слоев к бедствиям безработицы в 1899—1902 г.г., я бы сказал: безразличие.

Позднее все, что было сделано в борьбе с безработицей, сделано было городским самоуправлением под натиском безработных масс. Тогда, конечно, последнего не было, и надо

[1]) Слова лодзинского фабриканта Познанского. «Профес. Вестн.», 1907 г., № 1.

только видеть ту индиферентность, с какой эти учреждения, на обязанности которых лежит, прежде всего, помощь безработным, пропускали мимо ушей стоны и вопли обнищавшего населения окраин. Словно их не было...

Нельзя сказать, что вопрос не поднимался ни в одной думе. Был он поднят в Варшаве; один из киевских гласных вошел в думу с предложением оказать безработному населению города временную поддержку путем ассигнования 5.000 руб. на ежедневную выдачу тысячи бесплатных обедов и хлеба из дешевых и народных столовых. Саратовская городская управа обратилась в думу с предложением ассигновать на борьбу с тифом 6.285 руб., основываясь на письме санитарного врача Соколова, согласно которому тиф, которым болеет громадный процент рабочих, является прямым последствием того, что они не имеют никакой возможности удовлетворять самые минимальные свои потребности. В думе нашлось даже несколько ораторов, которые заговорили не только об усилении штата городской больницы и об открытии амбулатории, больничного отделения для тифозных и двух ночлежных домов, но и об открытии, сверх того, столовых. «Если не хорошо,—говорил гр. Нессельроде,—давать нуждающимся хлеб даром, так дайте им работу; но не давать ни хлеба, ни работы, во всяком случае, еще хуже, прямо безнравственно, особенно когда в результате получается тиф». И что же? Насколько можно судить из газет, саратовская городская дума была единственная, которая пошла навстречу нужде—ассигновала испрашиваемую сумму не только на борьбу с тифом, но и на борьбу с голодом. Зато какую бурю негодования вызвала последняя ассигновка! Кажется, всего было ассигновано на это дело—смешно сказать—2.000 руб., а послушайте только, что из-за этих двух тысяч, ассигнованных не непосредственно на борьбу с эпидемией, говорили г.г. гласные:

— Кормление,—заявлял гласный Дыбов,—обоюдоострая вещь. Правительство тоже кормило прежде даром во время голода, а теперь совершенно отказалось от этого и организует общественные работы... Даровое кормление не принесет пользы ни обществу, ни самим рабочим. Бездомных пьяниц и всяких охотников дарового кормления всегда найдется много и без неурожая; если вы станете кормить их даром в ны-

нешнем году, они будут уже в будущем году не просить, а требовать дарового кормления.

Еще резче накидывался гласный гр. Уваров, который с пеной у рта доказывал, что в России не имеют работы лишь тунеядцы, лишь искатели легкого труда.

— Этот класс людей существует при всяком урожае, и от него столовыми не отделаться. Они-то и наполняют ночлежные дома, больницы, психиатрическую лечебницу. Накормите их даром раз, они в другой раз схватят вас за горло, требуя дальнейшего дарового кормления [1]).

Характерно даже, как эти люди, призванные охранять интересы городского населения, беспрерывно говорили о неурожае, ни слова не упоминая о безработице, как-будто и эта эпидемия принесена в город со стороны, ничего общего не имея с городской экономической язвой. Конечно, речи г.г. Дыбова и Уварова были единственными в своем роде в тогдашних органах городского самоуправления. Большинство их просто замолчало безработицу...

Если же такой тактики держались буржуазные общественные учреждения, то отдельным предпринимателям и сам бог велел тогда молчать. Мне известно лишь несколько случаев, когда фабриканты вдруг возвысили голос о помощи безработным. Так, после того, как в Риге накопилось 8.000 безработных, рижский биржевой комитет обратился к министру финансов с ходатайством о такой помощи. В чем же он видел средство помощи? Единственно в предоставлении местным фабрикантам... казенных заказов [2]). Рижский комитет нашел себе не одного подражателя, и каждый из них получал извещение из подлежащих сфер, что нужды «безработных», по возможности, будут приняты во внимание. Но не лучше ли было бы, если бы ходатаи о нуждах безработицы не прерывали вовсе молчания?..

А затем—замолчали совсем...

В период 1899—902 г.г., надо заметить, как никогда раньше еще, получили развитие с'езды представителей нашей буржуазии. В то время, как с'езды местного, городского и земского самоуправления были тогда совсем неизвестны, а с'езды представителей нашей образованности происходили крайне

---

[1]) «Сарат. Дн.», 14 и 15 марта 1902 г.
[2]) «Рус. Вед.», 25 марта 1902 г.

редко, с большими затруднениями,—их голос не находил себе влиятельных слушателей,—промышленные с'езды, с'езды специальные и периодические, порайонные и всероссийские, все увеличивались в количестве, все расширяли свое влияние. И кто кинет взор на те меры, какие предпринимались по ходатайству промышленников, застигнутых кризисом, на те жертвы, с которыми соединялись эти меры, тот едва ли будет сомневаться, что влияние это велико было, очень велико. И, что же, относилось ли хоть одно из тех ходатайств о «воспособлениях», в которых г.г. капиталисты видели спасение от беды, к безработным, которые не сегодня-завтра опять будут создавать им рубль на рубль. Ни слова,—как-будто кризис и не сопровождался безработицей...

О чем только ни плакали горнопромышленники юга, того самого, где рабочие умирали с голоду! Для смягчения бедствия требовалось, оказывается, и «нормировка производства», и приглашение к участию в распределении казенных заказов представителей южного горного с'езда, и невыдача казенных заказов заводам, работающим на иностранном металле, даже... чтобы казенные заводы не выступали конкурентами частных, т.-е. чтобы казна устранила от участия в поставках на казну ей же, казне, принадлежащие заводы. Одно последствие кризиса не стоило внимания—безработица. Премировка, наложение пошлин, понижение железнодорожных тарифов—только в этом видели спасение и горнопромышленники Урала, и горнопромышленники Привислинского края, где безработица свирепствовала не менее, чем на юге. «Важно, чтобы покровительственная система оставалась без колебаний хотя бы 10 лет»—об этом кричали и нефтепромышленники, в частности, керосинозаводчики, целый год возившиеся с устройством союза для вывоза керосина за границу, и крупные московские и петербургские мануфактуристы, просившие еще большего повышения пошлин, и джутовые фабриканты. И всякий, кто смотрел со стороны на эти стоны и вопли, поневоле думал: но где же, наконец, те жертвы кризиса, те, которые насчитываются тысячами и десятками тысяч!

Правда, в эти годы среди городской буржуазии уже назревали элементы, недовольные этим попрошайничеством своих коллег, с одной стороны, и казенным попечением—с дру-

гой, впоследствии заседавшие на одних с'ездах с фрондировавший тогда дворянской земщиной. Так, в «Промышленном Мире» того времени мы находим целый ряд писем, заглавия которых («Влияние купечества», «Исповедь наболевшего сердца», «По поводу «Исповеди»), и в особенности подписи («Мануфактурист», «Учившийся фабрикант», «Харьковский купец», «Московский купец», «Доверенный торг. дома в Москве» и пр.) ярко говорят о процессе этого нарождения [1]). И вот найдите хотя бы в этих либеральных воплях по поводу промышленной неурядицы два-три слова, посвященных безработной армии. Ни слова...

Среди этого молчания по поводу нищеты, безработицы, голодных смертей пролетариата, своими руками одевающего и кормящего всю страну, шла лишь еще большая система выжимания пота; разница в том, что под влиянием кризиса она принимала еще более уродливые формы, чем прежде. Мы видели, как капитал, в погоне за дешевым трудом, заменял русских рабочих китайцами, персами, татарами, в какие формы эта эксплоатация вылилась... То же самое стали требовать от тех рабочих, которые, так или иначе, еще оставались на фабриках. Г. Скальковский, находя, что неурожайные местности, где «даром кормят», отвлекают рабочих с рудников, требовал буквально «прикрепления» их к месту, хотя бы на другой день после того, как рабочий получил в копях «хату», он был расчитан. Но особенно уродливые формы приняли тогда, когда, казалось бы, так важно было укорочение рабочего дня, сверхурочные работы. Одних жалоб на «принуждение» к сверхурочным работам принесено было в 1901 году 186 единоличных и 2.064 коллективных, а в 1902 г.—248 единоличных и 3.025 коллективных. Но ведь это только жалобы, а в большинстве случаев до жалобы не доходит. Дело об'ясняется просто: именно те заводы, которые одной рукой расчитывали рабочих, другой—вводили сверхурочные работы, при этом так удешевляя труд под угрозой расчета, что выходили те же китайцы и персы...

[1]) «Пром. Мир», за 1900 г.

IX.

Официальные сферы, конечно, не считаться с безработицей не могли уже в силу чисто полицейских интересов, интересов порядка, прямым нарушением которого являются всякие скопища: тем более же скопища безработных. И мера была выдумана: высылка безработных из мест их фабричной оседлости в места приписки.

Даже эта «мера» была предпринята не сразу и не потому, чтобы она была так убыточна для казны, а просто потому, что, по мнению сфер, некого было еще высылать. «Наша биржа,—говорила бюрократия в конце 1899 г.,—сама ухитряется чуть не создавать биржевые кризисы, для которых нет ни места, ни серьезных причин». Если же и самый кризис отрицался, то могли ли ей мерещиться эти тунеядцы, оставшиеся без работы... Только в 1901 г. министерство финансов признало хоть биржевой кризис. Но безработица не циркуляр, а факт, и притом факт, идущий нередко в разрез с делом общественной тишины и безопасности. И все же та мера, которая имелась в распоряжении правящих сфер, вступила в свои права во всей ее широте, как вступали в свои права... синдикаты из главных петербургских банков, закон о поощрении торгового мореплавания, сокращение покупки казенными учреждениями предметов за границей, казенные заказы, новый тариф—меры воспособления пострадавшему купечеству российскому.

Из Баку с мая 1901 г. до закрытия навигации было, как мы уже видели, отправлено водою до 6.000 человек, а за последовавшие полтора месяца по железной дороге—2.000 чел.; 500 человек отправлены в Ташкент [1]). Из Бахмутского и Славяносербского уездов отправлено за 9 дней 8.000 человек [2]). Из Екатеринослава было отправлено 1.500 [3]). Из других промышленных центров потянулись ускоренные товарные поезда, битком набитые безработными и их семьями. Для облегчения такого массового передвижения рабочих вводятся даже специальные вагоны четвертого класса на казенных железных дорогах, при чем для едущих по доброй воле устанавли-

[1]) «Спб. Вед.», 22 февр. 1902 г.
[2]) «Промышленный Мир», 1901 г., № 16.
[3]) Ibid. № 14.

вается льготный тариф. Летят циркуляры начальникам и управляющим железных дорог, словом, распорядительности хоть отбавляй. Так, в то время, как одни голодающие мчались из деревни в промышленные центры, другие, наоборот, пересылались из этих центров в деревню.

И позднее применялась эта система по отношению к безработному люду. Прямо вызывали в участок и выдавали проходные свидетельства. Но теперь высылка не имела такого характера, так как высылались лишь те круги безработных, которые и без того были бы высланы в разное время. Так, когда петербургский голова обратился к градоначальнику с просьбой приостановить высылку из столицы безработных на «родину», то градоначальник ответил, что высылаются, собственно, не безработные, как таковые, а те, чья высылка решена была еще месяцы назад, «нежелательные элементы», по отношению к коим всегда существует в участках такой обычай. В 1899—902 же годах безработные политической окраски не носили, и, если они высылались, то именно, как таковые. Казалось непонятным, что преследуется этой мерой, так как нельзя же было не знать, что огромное большинство высылаемых людей уже ничего общего с местом приписки, т.-е. с деревней, не имеет.

Однако, в этом была «соль». Дело в том, что, как в 1899, так и в 1901—02 г.г. правительством был организован ряд общественных работ по укреплению оврагов, водоснабжению, устройству дорожных сооружений, поддержанию кустарных промыслов в области лесоводства, и оно рассчитывало известную часть безработных пристроить на этих работах. И, действительно, хотя эти работы предназначались для пострадавших от неурожая крестьян, но все же на них было пригнано немало и рабочих из городов. Некоторые же работы производились и вблизи от промышленных центров, и в этом случае исполнялись почти исключительно безработными.

Итак, общественные работы—вот в чем соль. Знакомо звучит это слово после того, что пережито, благодаря движению безработных; оно ведь выставило эти работы своим лозунгом и добилось их осуществления нередко в такой широте (напр., в Петербурге), что большего в условиях русской общественности и требовать нельзя было. И вот, оказывается, еще в начале десятилетия, при переходе безработных масс в го-

лодные губернии, добровольно было организовано то, чего сейчас приходилось добиваться с такими усилиями. Казалось, буржуазные классы, с их городскими думами во главе, промолчали безработицу; зато правительство осуществляло то, что является обязанностью органов местного управления во время безработицы—предприняло ряд общественных работ. Однако, стоит присмотреться как к истории их возникновения, так и к организации и целям, которые они ставили себе, чтобы оценить по достоинству то, что на официальном языке нашем именовалось «общественными работами», т.-е. чем благодетельствовались безработные.

Прежде всего почему, в самом деле, хоть земства не взялись за организацию дела? Ведь здесь чисто технически необходима местная инициатива, и нецелесообразно центральное руководство. Очень просто. Нельзя сказать, что земства не пытались приложить сюда руку. Такова, напр., была попытка саратовского земства. Но что же из нее выходит? Земство, ходатайствующее о безвозвратном пособии на работы в 300-тысячную сумму, получает отказ в то же время, как передается 203 т. р. саратовскому губернатору на организацию правительственных работ. Это было в 1901 г. Проходит год, и вновь отпускается значительная сумма на организацию общественных работ не земству, а губернскому присутствию, которое эти работы открывает при посредстве... предводителей дворянства и земских начальников. Дело говорило само за себя. Удивительно ли, что когда земства получили предложение высказаться по поводу общественных работ принципиально, то высказывались мнения, аналогичные мнению тверского губернского земства: они, мол, «являются такой же продовольственной помощью, как и все другие виды ее, а потому должны быть в ведении правительства, взявшего в свои руки продовольственное дело». Ведь именно в годы кризиса правительство и из'яло продовольственное дело из рук земств, возложив его на губернские продовольственные органы. Правда, затем оно в целом ряде циркуляров пыталось, повидимому, смягчить этот акт, об'ясняя, что «устройство общественных работ» остается на «обязанности» земств, как прежде, что деятельность администрации должна носить лишь характер подсобный, главным образом, там, где земских работ не окажется, но какое значение имели эти слова на деле, показал опыт саратовского зем-

ства, хотя впоследствии работы, организованные губернатором, и перешли в руки земства. Даже и этот финал характерен. Он показал, как, в конце-концов, само правительство оценило свою «общественную» работу...

Теперь судите, много ли эти работы были в состоянии помочь безработным, почти насильно свозившимся сюда. Во главе их в Поволжье, Бессарабии, Сибири и пр. стояло попечительство о домах трудолюбия, во главе лесных работ в южных, центральных, восточных и тоже сибирских и поволжских — лесное ведомство. Район столь же большой, как ничтожны результаты самой деятельности. Все делалось через высших и низших чинов администрации; хищения достигали громадных размеров. Об «общественной» атмосфере и не говорю. Рабочие получали такую низкую плату, что взрослому человеку и просуществовать было трудно. И, несмотря на то, г.г. попечители всеми силами стремились еще понизить и этот предел, так как, видите ли, не обошлось «и без выражения некоторыми отдельными лицами неудовольствия» против распространения работ не только «из опасения, что крестьяне будут отвлечены возвышенной платой от работ во владельческих усадьбах на время сенокоса и уборки хлебов», но, «что самое предоставление заработка может оказать влияние на возвышение рабочей платы» [1]). Распоряжались здесь так, как в работных домах. Но все это было бы чем-нибудь, если бы хоть сами работы налаживались. Но и работы, в большинстве случаев, ничего не стоили, и рабочие оказывались скоро в еще худшем положении, чем в каком они обретались в Баку, Бахмуте, Екатеринославле и пр.

Каков же вывод из нашего очерка? Он очень краток.

Безработица 1899—902 г.г. не носила еще политической окраски. В нее она начинает окрашиваться с конца 1904 года. Это были безработные, «страдающие от промышленного кризиса», судьба которых якобы привлекает сочувствие. И тем не менее в 1899—902 г.г. и правительство, и буржуазия с ее органами самоуправления сделали не то, что меньше того, что ими

---

[1]) «Трудовая помощь в губерниях: Казанской, Вятской и Симбирской». Отчет уполномоченного комитета попечительства о домах трудолюбия и работных домах.

было сделано в 1906—07 г.г., когда безработица так обострилась политическими причинами, но ровно ничего не сделали. Ясно: помощи не было до тех пор, пока дело безработных не стало их собственным делом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Безработица и „дни свободы“ (1906 г.).— Движение безработных[1]).

---

[1]) Настоящая глава, написанная в 1907 г., в том же году и увидела свет. Этим об'ясняется тон и стиль ее.

Грязные лохмотья, сырая стена, покрытая плесенью, землистое выражение лиц, молчание губ, то, которое страшнее стонов... Тысяч рабочих выброшены на улицу. Они толпятся у ворот фабрик, дрожат на бульварах, площадях, скрываются на барках, на постройках...

Бедствие не только не слабеет, но получает все большую и большую интенсивность, оставляя горькое пессимистическое чувство. Там, куда так трудно проникнуть сытому взгляду, где на пространстве нескольких квадратных саженей ютятся по четыре семейства, уже смерть идет грузным, тихим шагом, уже смерть косит десятки жизней, и нет, кажется, силы, которая вырвала бы из ее рук рабочего. Вчера умер ребенок, завтра—жена... Начались самоубийства отчаявшихся людей... Да, мы умираем с голоду: «я, моя жена, мои дети»—это уже не слова «катехизиса» Лафарга, а русская действительность 1905—07 г.г.

Конечно, это момент, когда хозяйственная «дезорганизация» есть существо вещей. Но... есть предел всякой «дезорганизации». Сосчитайте эти вереницы протянувших руку на улицах. Взгляните на эти губы бескровные, веки упавшие, язвы на тощих руках—трудно указать минуту, когда демократ, к какому бы он лагерю ни принадлежал, более обязан был бы толкнуться в самое пекло страданий и лишений пролетариата, увидеть собственными глазами, какой ценой достается рабочему его освобождение.

Каковы же причины, каковы последствия вырисовавшегося явления? Чем реагируют на него там, где горят бриллианты, где шелестят кружева? Во что оно выливается, может вылиться? Вот вопросы, которыми я задаюсь в этом очерке.

Прежде, чем ответить на эти вопросы, познакомимся с положением вещей. Ведь лишь основываясь на положении вещей, можно открыть и те пружины, которые создают явление, и те выводы, которые из него вытекают.

I.

Как ни заняты газеты политикой, нельзя все же сказать, чтобы они не уделяли внимания безработице. По тем известиям, которые они приносят, можно составить себе, может быть, неполное, но тем не менее реальное представление и о безработной армии, и о болезнях, и смертях, постигающих ее...

Начнем с провинции. Вот те факты, которые раскрывают перед нами ежедневные столбцы газет. Это 1906-й год.

В Харькове, при самой примитивной форме регистрации, зарегистрировано около 2.500 безработных. Вопрос обостряется все более и более. Уже летом 1905 г. намечались первые признаки надвигающегося бедствия, заводы сокращали производство, переходили с 6 дней к 5; кто случайно оставался без работы, не мог уже ее найти. К дням свободы кризис уже ворвался во все уголки, грозил везде произвести опустошения. Заводчики в массе переходили на три дня работы в неделю, и работы все-таки не хватало. Число безработных росло непрерывно. Теперь размеры кризиса ясны. Самые крупные заводы принуждены расчитать сотни рабочих. Одна фабрика Кузнецова уволила 2.000 рабочих, паровозостроительный завод—50, завод земледельческих машин—144. А сколько рабочих расчитывается по мелочам, а сколько их было уже безработными?.. [1]).

В Одессе число безработных в период от 25 марта до 25 апреля было 12.376 человек. Закрываются маслобойные заводы вследствие неимения семян [2]). В Варшаве безработных «несколько тысяч человек, сотни семейств сидят без куска хлеба» [3]). В Казани администрация алафузовых фабрик об'явила об их закрытии: число работающих 3.050 человек. Рабочие, в виду новых расчетов, требуют, чтобы управа учредила комиссию для выяснения числа безработных, ибо «общество», живущее их трудом, должно обеспечить их существование». Ряды безработных растут в Киеве [4]).

В Лодзи закрылись фабрики Тейбзера и Познанского с 15.000 рабочих; общее число безработных свыше 18.000 человек.

---

[1]) «Вперед», 2 июня.
[2]) Ibid, от 20 мая.
[3]) «Торгово-Промышленная Газета», № 61.
[4]) «Вперед», № 1.

В Туле патронный завод расчитал 10.000 рабочих. Брянский Бетецкий завод в Орле уволил 1.000 человек. В Саратове закрыта фабрика Харитонова с 35 рабочими, Тихомирова—с 200 рабочими. Сократили работы заводы: машиностроительный «Сотрудник»—из 330 работает только 80 человек; болторезный «Гардион и Вилас»—со 130 до 70. В Иваново-Вознесенске приостановили работу фабрики Новикова с 546 рабочими, Бакулина—с 241, расчитано 650 рабочих фабрик Бурылина. По анкете Владимирского губернского земства о состоянии промышленности в губернии из 140 ответов 41% говорит о расчетах. В Твери вагоно-строительный завод сократил штат рабочих с 2.500 до 1.000.

В Воронеже—наплыв рабочих с шахт и заводов придонецкого района. Несчастным труженикам осталось проесть на месте все, что они заработали, и многие из них возвращаются по шпалам, износивши последнее платье, без копейки в кармане [1]). В Полтавской губернии закрылись и сократили производство 12 мукомольных мельниц; «неблагополучие мельниц пагубно отзывается на положении рабочего класса». В Полтаве—1.000 безработных [2]).

В Ростове-на-Дону, по самому приблизительному подсчету, до пяти тысяч безработных [3]). Вообще, в Донской области закрылись заводы: котельный Дебальцевского общества с 350 рабочими, томасо-фосфатный, механический Пастухова с 35 рабочими. Сокращено число рабочих на заводах: машиностроительном Дутикова—с 120 до 25 рабочих, механическом «Дон» —с 200 на 50, на металлургическом—с 5.000 до 1.043. Результаты разорения чувствуются все сильнее и сильнее в Таганроге. «Город,—читаем мы в «Южном Крае»,—проживает последние сбережения». Торговая жизнь в нем замерла. Магазины пустуют. Ремесленники сидят без дела. Число безработных, голодающих растет, и «благотворительный совет», учрежденный при общественном управлении, тщетно взывает о помощи. Денег нет. Даже жалованье учителям городская управа не выдает. То же в Бердичеве. Комитет безработных, который в продолжении всей зимы выдавал безработным по несколько десятков копеек еженедельно каждому, перестал су-

[1]) «Призыв», № 72.
[2]) «Призыв», № 75.
[3]) «Вперед», 31 мая.

ществовать за неимением средств. И безработные пустились, группами и в отдельности, по состоятельным обывателям, требуя у них поддержки. Очень часто между требующими и нежелающими давать происходят скандалы. В Екатеринославе, где безработица все больше и больше усиливается, особенно страдают от безработицы городские ремесленники, значительную часть которых составляют евреи. Много семейств просто голодает. Голод царит по всем уголкам, где живут преимущественно рабочие. Здесь образовался комитет помощи безработным, но у него так мало средств, что он не может оказать хоть мало-мальски значительную помощь безработным [1]). В Белостоке на двух фабриках расчитано около 3.000 человек. Поднялась безработица в Батуме [2]). Бакинские рабочие прислали в Петербург депутацию с ходатайством о субсидии для оказания помощи безработным [3]). Тихомирский союз рабочих печатного дела прислал письмо о помощи.

Волна безработицы докатилась до Урала, до Сибири. Доходят известия о бедственном положении на многих заводах. «Так, на-ряду с прочими заводами Урала,—пишут оттуда,—крайне тяжелый момент переживает Богословский уезд. Заводские рабочие недавно получили деньги еще за сентябрь месяц прошлого года, а когда будет следующая выдача—трудно сказать». Начальник Среднеазиатской дороги Ульянов закрыл железнодорожные мастерские, и 800 человек, почти все семейные, оказались на улице. Масса инженеров и техников осталась не у дел.

Словом, нет промышленного центра, где бы кризис не давал себя чувствовать, нет предприятия, которое бы не сократилось или не стояло накануне сокращений. Безработная армия растет, и не предвидится конца расчетам, увольнениям, сокращениям...

Она переходит из города в город, проедает последние гроши. Прсесть их недолго: углы, даже не углы, а помещения под кровлей, с'естные припасы—все очень дорого. Приходится пробиваться без всего, проводить дни и ночи под открытым небом. Положение обостряется тем, что наш рабочий ничем, кроме города, уже не связан: жизнь рассчитана по часам,

---

[1]) «Призыв», 9 апреля.
[2]) «Биржевые Ведомости», 31 мая.
[3]) «Торгово-Промышл. Газ.», № 61.

по свисткам, и не вылезть ему из этой шахты, не уйти от этого станка.

Рабочий старой формации, как мы знаем, легче переносил безработицу. Он уходил еще в деревню. У него был «свой» дом, «свой» надел, на котором, худо ли, хорошо ли, его семья прокормится в критический момент, не дойдя, может быть, до голодной смерти. Он без сожаления покидал город. Не то его собрат по несчастью, родившийся и выросший при машине. Он не только порвал все связи с землей, не имеет понятия о полевых работах. Он едва ли взялся бы за косу, если бы представился случай. Он не пойдет, не может пойти и во все другие отрасли, кроме той, к которой он приспособился годами труда...

Сама деревня, как мы уже видели, является уже фактором не притупления, а обострения противоречия...

Достаточно выяснились виды на урожай. Даже по официальным сведениям центрального статистического комитета и министерства финансов, полученным со всей России, эти виды были крайне печальны. Чуть ли не в 26 губерниях предстоял плохой или ниже среднего урожай как озимых, так и яровых хлебов, особенно в Смоленской, Калужской, Воронежской, Харьковской, Черниговской... «Полное бездождие весны вызвало страшный неурожай,—читали мы в «Руси». — Хлеба отчаянные. Редкие колосья, низкорослые, несчастные... Уезду грозит настоящий голод. Говорят, ничего подобного не было и в 1891 г. Крестьяне уже теперь распродают лошадей, коров и прочий скот. Гонит нужда, да и сена полный неурожай».

Так было летом, а то, что делается зимой, и описанию не поддается. По имеющимся в продовольственном отделе министерства внутренних дел данным, в одной только Европейской России голодает 212 уездов, т.-е. в 91—92 г.г. и в 98—99 г.г. не было хуже...

В Саратовской губернии крестьяне дошли до того, что употребили на корм скоту даже крыши с домов. В одном Саратовском уезде насчитывается до 3.000 голодающих. В других уездах их еще больше. В Воронежской губернии были примеры, что семьи в пять-семь человек спасались от голодной смерти, собирая по одной или по две картофелины у «богатых» и дня по три питаясь этим картофелем. Есть семьи,

которые за день собирают несколько корочек, разваривают их в воде на обед и ложатся спать в холодных избах без ужина. В Казанской губернии местами почти в каждом доме лежат больные, где 2, где 3, а в одной семье из 5 человек лежат 4. У многих уже болят десны —значит, цынга.

Вот письмо члена комитета, поехавшего открывать столовую в Спасском уезде: «То, что я увидала в Новых Балыкулах, превзошло все ожидания: почти в каждом доме лежат больные, где два, где три, а в одной семье из пяти лежит четверо. У многих уже болят десны — значит, цынга. На этой неделе умерли две девочки прямо от голода. Всюду видишь какие-то лохмотья. А про жилища и говорить нечего—иной раз входишь словно в какое-то стойло полутемное, так как окна из экономии топлива заткнуты тряпьем, а чаще завалены снаружи навозом. Воздух прямо невозможный—задохнешься в несколько минут. Многие продают лошадей и коров, чтобы заткнуть нужду в топливе, в хлебе»... В Казанском уезде, в селе Александровке, сыпной тиф: из 120 дворов в 80-ти лежат больные. То же в Рязанской, Тульской, Симбирской губерниях и пр.

Тиф, цынга, злая корча от опорыньи—обычные зловещие последствия голодовки—развиваются во многих местах. Нечего более продавать, убогий живой инвентарь распродан. Списки нуждающихся красноречиво свидетельствуют об этом. Иссяк и последний источник для покупки хлеба; «продовольственного» хлеба, как называют его крестьяне, хватает лишь дней на 25, пять, шесть дней в месяц приходится голодать в буквальном и страшном смысле этого слова. Особенно тяжело отзывается голодовка на стариках и детях. Тихо и незаметно умирают дети, и только ряд маленьких холмиков на кладбищах свидетельствует все о новых жертвах голода. В прошлый голодный год все обращали внимание на смертность детей, но только через шесть, семь лет очевиден стал размер этой смертности...

Так навстречу безработным опять поднялись партии крестьян. Куда? Бог весть... Кидаются на всякую работу, обещающую рублик, и за этот рублик готовы платить трудом в десять раз большим, чем следует. Глядя на эти мытарства, ясно видишь, что успеха они не имеют, но какое обострение

вносит эта пустота полей и жилищ, эта безысходная картина новых тысяч существ в городские подвалы и чердаки! Дальше итти некуда, в буквальном смысле слова.

Однако, едва ли где-либо безработица достигла такой остроты, как в Петербурге и Москве. Сотни фабрик, заводов и мастерских закрылись — одни надолго, другие навсегда; не тысячи, а десятки тысяч выброшены на улицу. Голод захватывает все новые и новые кадры...

«Число безработных в Москве,—читаем мы,—увеличивается» [1]). Если судить только по количеству лиц, пользовавшихся ночлегом на Хитровом рынке, то количество их составляет 10.000 местных и 10.000 безработных. Конечно, это лишь значительная часть всего числа безработных Москвы. По профессиям безработные распределяются так: слесарей до 3 тыс., железнодорожных, не технических служащих, — более 600, водопроводных и по отоплению—более 500—это местных. Приезжие большей частью строительного цеха: землекопы, порядовщики, кирпичники и др.; булочников и кондитеров—около 200, ткачей—200, приказчиков—200, официантов и поваров—до 2.000; рабочих печатного дела (переплетчиков, типографов, литографов)—до 600 [2]).

Положение не поддается описанию. Развивается нищенство, с протянутыми руками, всюду видны истощенные и измученные дети и женщины. Московские городские врачи обратились в думу с заявлением, в котором прямо указывают, как на причину огромного развития эпидемии тифа в Москве, на возрастающее с каждым днем количество безработных, переполняющих городские и частные ночлежные дома...

Еще острее обстоит дело в Петербурге. Буквально не проходит дня, чтобы не слышно было все о новых и новых жертвах, выброшенных на улицу. Вот образчики.

Рабочим жгутовой фабрики Лебедева—на Выборгской стороне—об'явлен поголовный расчет. Рабочие столярно-мебельной мастерской фабрики Ю. Н. Берс расчитаны, расчитаны рабочие Путиловского завода.

---

[1]) «Призыв», № 82.
[2]) «Светоч», № 7.

На заводе Посселя расчитано группами около 250 человек. Растет число безработных извозчиков: большинство — возчики фабрик, заводов и складов, служащих у частных извозопромышленников. На патронном и трубочном заводе сокращается штат рабочих. В декабре сократили третью смену рабочих, а теперь принялись за вторую смену вследствие того, что артиллерийское ведомство стало производить заказы за границей. На снаряжательном заводе Выборгской стороны об'явлено к расчету 100 женщин. На Невском судостроительном заводе, в мастерской сборки минных лодок, об'явлен новый расчет. На механическом заводе Глебова из 300 рабочих, работавших на заводе один-два месяца назад, в настоящее время осталось не более половины. Увольняя рабочих «за неимением работ», администрация, однако, одновременно пригласила на завод нового директора, должность которого была вакантной. Правда, директор уже показал, насколько его приглашение было важно...

Не лучше в пригородах. Несмотря на то, что с наступлением весны часть рабочих раз'ехалась из Колпина по деревням, количество не имеющих никакого заработка доходит здесь до 6.000 чел. Сестрорецкий ружейный завод не избег участи всех казенных заводов—начался постепенный расчет рабочих и сокращение производства: расчитано уже около 500 человек. Безработица в Кронштадте...

Конечно, нет статистики явления. Регистрация, как известно, ведется в Петербурге. Но добытые уже данные отметили всего 7.742 безработных: 1.488 — в Василеостровском районе; 1.500—в Городском, 950—в Выборгском, 1.554—в Московском, 824—в Александро-Невском, 626—в Петербургском и 800—в Нарвском районе. Во-первых, это только часть зарегистрированных и притом незначительная. Во-вторых, регистрация производится в условиях, уменьшающих ее результаты. При таких условиях, может быть, большее значение имеют те данные, которые еще раньше приводила комиссия. Вот они: в Нарвском районе—Путиловский завод—2.500 чел., Тильманс—500 чел., Московский район—заводы Крейтона и Эриксона—900 чел., Московский район—Староречкинский и вагоностроительный заводы—2.700 чел., Городской район — Ново-адмиралтейский завод—2.700 чел., Коломенский район—

1.100 чел., Невский район—Семянниковский завод—700 чел., Василеостровкий район—Балтийский завод—от 800 до 1.000 чел., патронный—500 чел., гребной порт—150 чел., Петербургская сторона—завод Лангензипена—700 чел. Кроме того, 2.000 безработных в текстильном производстве и 300 чернорабочих.

На деле, впрочем, и те, и другие данные далеки от истины: в Петербурге и его окрестностях не меньше 55.000 безработных.

Мало того, в ряде предприятий, то там, то здесь, вывешивается об'явление, что будут расчитаны все рабочие. Число таких рабочих нередко доходит до тысячи. Все это мало-помалу переводится из области предположений в действительность.

Словом, голодают не только рабочие, не имеющие работы, не только семьи, стоящие за ними, голодает 100, может быть, 200 тысяч жителей Петербурга, седьмая часть населения столицы,—верного куска хлеба не имеет ни один рабочий.

Работающий сегодня, завтра, может быть, выброшен будет на мостовую. Не успеет он поступить на место, как вновь несутся слухи о расчетах и увольнениях, тяжким бремнем ложащихся на плечи всего пролетариата.

Захватывая все новые жертвы, безработица стирает всякую линию, которая отделяет работающего от безработного. И в обычное время рабочий может лишиться куска хлеба. Но в обычное время—это случайность. В безработицу же случайность становится правилом, от которого ни в какое укромное местечко не спрячешься.

«Каждый из вас, кто работает сегодня,—так говорят безработные,—завтра же может оказаться выброшенным на мостовую. Никто из вас не может сказать, что дело безработных только их и касается, а его не интересует, так как у него есть верный кусок хлеба. Верного куска хлеба не имеет ни один рабочий, так как каждому грозит безработица. И помогая нам, товарищи, вы себе же самим и своим семьям облегчаете перенести безработицу, когда она захватит вас».

В Петербурге и Москве образовалась особая категория интеллигентных безработных: техников, фармацевтов, железнодорожных, почтово-телеграфных, земских служащих и др.

По данным самих фармацевтов, свыше ста «впало в нужду, граничащую с голодом». Почтово-телеграфных служащих в Петербурге выброшено за борт более 130 человек. Все перезаложено, многие голодают, а один из них, Розанов, служивший в С.-Петербургском почтамте на выдаче денег, «не имея сил перенести все ужасы голодовки, лишил себя жизни». Уволенных почтово-телеграфных служащих в Москве—64 человека.

И эта категория безработных для улучшения своего положения, для защиты своих прав решила соединиться. «Безработица,—читаем мы в их воззвании,—достигла в Петербурге необычайных размеров и постигла также тружеников интеллигентных профессий. В то время, когда нашей родине так необходимы интеллигентные силы, тысячи интеллигентов нуждаются хоть в каком нибудь заработке и не могут найти его. Общество, которое ответственно за такую аномалию нашей жизни, должно оказать посильную помощь нуждающимся в виде предоставления интеллигентам того, на что они имеют право, неоспоримое право всех людей—возможность трудиться». Они постановили слиться с безработными рабочими, войти в общую организацию.

II.

В Петербурге и Москве, как мы сказали, предпринята регистрация безработных, для которой в городских комиссиях образованы особые подкомиссии. Что же мы видим? Перед нами данные петербургских районов—Городского, Выборгского, Московского. Лица, бледные, измученные, разговор тихий, сдержанный, ждут...

— Если дума работы не даст,—заявляет рабочий, указывая на веревку, которой опоясана его рубашка, вместо пояса,—то придется на этой веревке повеситься.

— А я,—отвечает ему товарищ,—раньше задушу десяток буржуев, и потом сам повешусь [1]).

В сверкающих глазах столько безысходного горя, столько безумного отчаяния... Что всего замечательнее, это все на-

[1]) Регистрация безработных (Выборгский район). «Волна», № 3.

род еще молодой. Вот как распределяются по возрасту безработные Выборгского района:

моложе 17 лет	10 чел.
от 17 до 22 лет	72 »
» 22 » 45 »	244 »
старше 45 лет	4 »

Это все профессиональные рабочие, рабочие почти всех имеющихся в районах более или менее крупных фабрик и заводов. В Городском районе главная масса принадлежит к рабочим металлического производства (около 77% общего числа зарегистрированных); из них одни слесаря составляют около 40%. Большая часть грамотные. Рабочие механических заводов преобладают и в Выборгском и Васильеостровском районах. В Московском районе главную часть зарегистрированных составляют рабочие вагоностроительных заводов, затем бывшие рабочие арматурного завода, фабр. механической обуви и др. Размеры месячного заработка распределялись так. В Городском районе число зарабатывавших менее 20 руб. незначительно (5%); зарабатывавших от 20 до 30 рублей—11%; зарабатывавших от 30 до 40 р.—около 20%; огромное же большинство зарабатывало свыше 40 руб. в месяц (больше 60%), из них свыше 50 руб.—около 27%, свыше 60 р.—около 13%, а несколько человек зарабатывало даже 100 руб. и больше [1]). В Выборгском районе меньше 30 руб. получало 102 чел., от 30 до 50 руб.—170 чел., более 50 руб. получало 58 чел. Очевидно, безработица поражает рабочих не только в полном расцвете сил, но после того, как они потратили массу времени на обучение своей специальности... Женатых из числа записавшихся около 40%, но даже у холостых—почти у всех—имеются или в деревне, или в городе близкие родные—старуха - мать, стрик - отец, больной брат и т. д., которых им приходится поддерживать и которые теперь вместе с ними переживают все ужасы хронической голодовки [2]).

Нужда неописуемая.

Нет почти ни одного, у которого бы не было заложено что-нибудь из предметов первой необходимости. Ломбарды пере-

---

[1]) Регистрация безработных (Городской район). Ibid № 13.
[2]) К регистрации безработных (Московский район). Ibid № 22.

полнены добром бедняков. Вместо платья у всех одни рубища. Многие проводят целые дни под открытым небом, за отсутствием всяких средств не могут пользоваться даже дешевыми обедами в столовых для безработных. Если лишенных или почти уже лишенных крова зарегистрировано уже 6.200 чел., и эта цифра еще возрастает, то немногим лучше у тех, кто еще пользуется им.

Вот картинка с натуры. «Захожу я в одну из квартир. Вся квартира перегорожена, точно птичник, на небольшие комнаты. Вхожу в одну из клеток. Деревянный стол грубой работы, два табурета, кровать, а на ней вместо матраца куча какого то тряпья.

Воздух тяжелый, спертый до невозможности. Навстречу выходит тетушка с испитым лицом, похожим на восковую маску, так оно бескровно.

Спрашиваю, сколько платите за комнату?

— Семь рублей, батюшка.

— Сколько же вас в этой комнате?

— Да, вот—детей трое да самих двое.

— Сколько времени не платили за квартиру?

— Да раньше было кое-что—носили в ломбард, а теперь нечего нести, и вот уж три месяца, как не платим.

Кормимся в столовой. Квартирная хозяйка говорит: «платите, как хотите, а не то выгоню». А куда пустят с детьми, да и денег нет, хотя бы на задаток [1]).

То и дело слышишь разговор в роде следующего: «мальченка совсем помирает, а меньшая девочка—одни кости да кожа остались. Хлеба нет, совсем не едим».

Таковы же сообщения московских, одесских, варшавских газет, газет других промышленных центров. Но каковы бы ни были эти лишения, они еще бледнеют перед тем, что делается там, где бедствия безработицы соединяются с бедствиями голода. В этом отношении характерные факты мы находим в «Нашей Жизни».

Корреспондент изображает, как бесчисленная армия безработных, потерпевшая крушение в Астрахани, в Баку, вообще в низовьях Волги и на Дону, загорелая, исхудалая, полураздетая, возвращается «домой», и как навстречу им—

[1]) «Из записной книжки рабочего». «Курьер», № 10.

«низовым»—бегут «верховые», только вышедшие «из дому», такие же изголодавшиеся, в таких же нищенских костюмах, с тем же стоном: «ложись и подыхай!»

Но предоставим слово самому автору.

«Как-то трудно даже представить, не хочется верить, чтобы десятки, сотни тысяч рабочих—да еще каких: артистов, художников своего дела—остались без работы, без средств... «Ложись и подыхай!». Все эти кузнецы, слесаря, каменщики, плотники, плугали, рыбники и пр.—может ли это быть? Но это было именно так: вся эта масса людей обрекалась прямо на голодную смерть. О них никто не думал, никто не заботился... У многих смерть уже вырвала земляков, родных, товарищей, или погубила болезнь, тюрьма, порок, а если кто из них и уцелел, то, в большинстве случаев, смотрит кандидатом в ту или другую категорию, особенно если не сумел во-время сделать «оборот»...

Такой спасительный «оборот» сделали симбирцы.

Партия, живя в Астрахани и дожидаясь парохода, «прохарчилась» и была вынуждена пойти в «стрелки». «Не знаешь, как руку протянуть, как «христа ради» молвить... Совестно... Ведь только посмотреть на мой образ-то,—говорил мужик,—12-пудовые кипы таскаю... Этакий здоровый бык, скажут, а просит»... Симбирцы утешались тем, что в Астрахани их «ни одна собака не знает»... «Не так стыдно»... Но вот побежали вверх первые пароходы. Безработные хлынули на пристани. «Пожалуйте бесплатные билеты. Народу—тьма. Испугались приказчики—и за казаками». Полиция разбила безработных на мелкие партии и решила «выдворять» их на родину... «через час по ложке»... Если б голодный люд согласился на полицейскую программу выдворения, ему пришлось бы «лечь костьми» в Астрахани, в лучшем случае—попасть домой только к осени. Пришлось поэтому «оборачиваться»...

Погромили немного одну пристань. Это, кажется, произвело впечатление, потому что отправку партий увеличили, но отправляли все же медленно; мест на пароходах не хватало, так как с Каспия плыли все новые и новые эшелоны безработных из Баку, и палубы были переполнены... Чтобы выбраться из «проклятой Астрахани», симбирцы, порешили «заложить» своих баб... в дом терпимости. «Армяшке заложили...

по двадцать целковых на-круг за бабу... И чтобы к Петрову дню, к покосу, нам их обратить... Так и расписались. С неустойкой».

На пароходах нет ни медицинской помощи, ни продовольствия для безработных. «Чем уж они и живут!—удивлялся лоцман,—господь их, видно, поддерживает»... На глазах этого лоцмана несколько семейств оставались без пищи в течение суток, да до смены лоцманом своего товарища под Саратовым эти же семьи голодали побольше суток. «Что подадут им на пристанях или в «классе» (классные пассажиры), тем и держатся»...

Навстречу «низовым» бегут «верховые»—свежие, только-что вышедшие из деревень рабочие кадры. Бегут они вниз в полной неизвестности, что ожидает их впереди, но все «полетошнему», рассчитывают на заработки.

На самарских пристанях встречаются оба горюшка: рыцари бабьей ипотеки и мужицкая «целина», еще не искусившаяся в «оборотах». Часто происходят раздирающие душу сцены... Низовые земляки-безработные уверяют верховых, что плыть «туда» по-пусту, «ничего там нету»... «Поколеть можно там, только и есть»... Куда же? Обратно? Но весь драматизм верховых рабочих именно в том и заключается, что «вернуться домой не к чему»: дома голод... У других уж и земля сдана «на года», и скот продан, а избы заколочены...

«Верховые» рабочие частью застревают в Самаре, пополняя ряды босяков, проституции, нищих... Им, этой стихийной силе, ищущей и не находящей себе другого выхода, приписываются участившиеся в последнее время в городе грабежи и кражи...

III.

Бедствие грандиозное... Народ волнуется, доискивается причин...

«Пятый месяц сидим мы без работы,—говорится в листке «Ко всем безработным г. Петербурга»,—пробиваясь кое-как, и напрасно ищем себе заработка. Нигде нет нам работы. Напрасно мы ждали долгие месяцы, что снова примут нас на старые места. Напрасно целые дни проводили мы перед кон-

торой и у фабричных ворот, ожидая, что нам предложат работу. Наш труд никому не нужен. На нашу нужду никто не смотрит.

Товарищи, довольно мы ждали, довольно сносили мы нищету и унижения милостыни. Мы не хотим больше голодать, мы не хотим кормиться подаянием. Дальше ждать мы не можем».

Итак, мы у начала нового социального конфликта...

Что же делают правительство, фабриканты, все те, кто отожествляет благо свое с благом народа? Чтобы дать понятие о том, что они делают, что они могут делать, посмотрим, опять-таки, откуда самое бедствие, в чем его причины.

Безработица, как мы видели, не есть нечто новое для России, как не ново для нее то чередование оживления и застоя, которое так же свойственно нашему пореформенному хозяйству, как и другим капиталистическим хозяйствам.

Наибольший под'ем у нас был под'ем девяностых годов. Заводы росли небывало, и акции этих заводов, сулившие такие дивиденды, каких давно уже не видит иностранный капиталист, стояли так высоко на заграничных рынках, что стоило только добавить к названию фирмы слово «донецкий» или «днепровский», чтобы акции моментально находили сбыт. Начинаются погони за рынками. Россия овладевает Манчжурией.

Но не надолго. Под'ем кончился, и начался один из самых затяжных кризисов, какой когда-либо переживала Россия. Одно время индустрия как-будто начала оправляться, но без сколько-нибудь серьезных результатов...

Опять безработица.

Прежде всего, таким образом, российская безработица есть следствие кризиса, именно того, который вот уже 6 лет—с большими или меньшими колебаниями—потрясает русский капитализм. Однако, повторяем, к этой постоянной причине бедствия присоединяются вторичные, которые, конечно, создать безработицы не могут, но обострить ее могут в высокой степени.

Безработица 1905—1907 г.г. имеет даже свои отличительные черты, которых предыдущие не имели.

В то время, как крестьянство стонало от налогов, которые в десять раз превосходили по своим размерам обложение помещичьей земли; в то время, как «сберегательные кассы» стягивали все сбережения мелкой бедноты,—из этих самых налогов строились подачки капиталистам, на эти самые сбережения покупались сомнительные бумаги заведомо дутых предприятий. Стоило только сократить наличные запасы, чтобы целым производствам стали не нужны рабочие. Может ли при таких условиях воспитаться что-либо, кроме попрошайничества?

Хищническое хозяйничанье самодержавия—вот причина, обострявшая всегда нашу безработицу. Ее уже западноевропейский капитализм не знает.

Спрос остановился и стал регрессировать. Это сокращение сводят к недородам. Без сомнения, неурожаи, повторяющиеся из года в год, достаточно понизили покупательную способность населения, но есть причины более общие, более близкие... Еще недавно казалось возможным говорить о «крупных результатах» политики С. Ю. Витте, но... эти легко доставшиеся барыши, эта горячка со всеми ее неотразимыми спутниками, создали такое хищничество в тесном смысле слова, что даже слепые поняли, что такое экономическая политика гр. Витте в ее наисовершеннейшем виде...

Пришла война. Строительство кончилось, значит,—и заказы... Война кончилась—еще хуже.

Таково течение, характерное для всей пореформенной эпохи. Но, как я уже заметил, безработица 1905—1907 г.г. отличается чертой, которой не имели все предыдущие. Особенность безработицы на этот раз состоит именно в том, что она явно поддерживается не только финансовой политикой, но и ясно выраженной политикой провокаторской...

Каждая революция подтверждала одно и то же: армия пролетариата боролась за свободу, требуя хлеба и счастья, а взамен получала пули и штыки. Чего не смогли сделать штыки, пулеметы, карательные отряды, то должна доделать голодная смерть—таков заговор русского самодержавия с русской буржуазией против гигантски поднявшихся масс, последний акт той краткой трагедии, которая разыгралась на наших глазах.

Дело в том, что даже в девяностые годы рабочее движение носило у нас еще исключительно экономический характер, характер союзов борьбы за экономическое улучшение рабочего класса. Таков был петербургский «Союз Борьбы» [1]) целый ряд провинциальных организаций, такова была «Рабочая Мысль», «Рабочее Дело», в котором появилось знаменитое «Credo», в котором теория экономизма доводится до ее геркулесовых столбов. Не то мы видим уже на рубеже переживаемого десятилетия. Движение сразу принимает ярко политический характер, и из первых его выступлений уже ясно, что «теория стадий» погибла вместе с экономическим под'емом 90-х годов. Безработица, охватившая, по преимуществу, юг, вообще же с страшной силой потрясшая в первые 3—4 года кризиса весь пролетарский мир России, все резче направляет движение в совершенно определенную сторону, и не проходит нескольких месяцев, как «Искра» торжествует победу в самых, казалось бы, безнадежных укреплениях старого типа. Движение неудержимо растет вширь и вглубь, поднимаясь все на высшую ступень—до тех пор, пока оно не выливается в грандиозное русло всеобщих политических стачек.

Вот это-то и подсказало сильным мира сего воспользоваться безработицей, как средством борьбы с революцией. В то время, как правительство отправляет карательные экспедиции разорять города и села, фабрики и заводы оставляют без крова, без работы рабочих, побежденных в неравной борьбе, сложивших на время оружие. Круче пришлось сначала рабочим казенных заводов—адмиралтейско-ижорского, нового адмиралтейства, завода военно-хирургических заготовлений, с.-петербургского арсенала, Александровского, Галерного островка, с.-петербургского снаряжательного отдела и пр.,— где правительство распоряжается и экономически, и политически. Закрытие казенных заводов служило прежде всего мерой устрашения. Начальник Обуховского завода прямо заявил непринятым рабочим, что заказов у завода так много, что приходится отдавать на сторону, но высшее начальство

[1]) **От ред.** «Экономизм» этого «Союза Борьбы» проявился только после ареста Н. Ленина и Мартова, приблизительно с середины 1896 года до появления в нем искровского течения в 1901—1902 г.

не велит принимать рабочих. Но от казенных заводов не отстали и частные, верные себе до конца. Обратимся к фактам.

IV.

«Мы—жертвы великой борьбы, которую ведет народ с правительством за права и свободу». (Из заявления безработных московской городской думе). «Многие из нас лишены работы за то, что мы добивались свободы всему народу». (Из воззвания «безработных г. Петербурга»). «100 наших товарищей выброшены за борт. Это—по большей части наши лучшие борцы. Они первые сделались жертвами в борьбе за лучшее будущее». (Из воззвания фармацевтов). «Товарищи почтово-телеграфные служащие! В одном только Петербурге в настоящее время находится выброшенных **за борт** более 130 наших бывших товарищей. Никто из вас не станет отрицать, что это, по большей части, лучшие борцы за улучшение вашего же тяжелого положения» (из воззвания бюро безработных почтово-телеграфных служащих)—вот показания самих голодающих. Может быть, эти показания пристрастны? В таком случае не угодно ли, например, такую иллюстрацию:

«Тукова стояла по целым часам у ворот фабрик и контор; напрасно она говорила о своем ужасном положении... Работы не было.

Целые сотни таких же несчастных, как она, толкались у ворот фабрики. «Старшие» по одному подпускали их к себе, осматривали, расспрашивали и брали или отсылали обратно.

— Нет у нас работы для тебя. Руки больно чисты.

— Нет, нет. Забастовщикам мы работы не даем,—такие фразы раздавались вслед уходящим рабочим.

— А, ты от пристава! Ладно, принять.

— Запишите его,—он по рекомендации охранного отделения, от околоточного Зубовича.

— Взять этого, он из «союза русского народа».

Такие фразы раздавались вслед тем, кого принимали на работу и кто скрывался в воротах фабрики. С женщинами шел другой разговор. Все эти Гримэры, Эверты или их приспешники позволяли себе шутить и острить над бедными жертвами голода.

— Очень толста. Не годишься...

— Помирать пора, а ты на работу просишься.

И если несчастные, убитые горем женщины имели еще силу воли заставить себя улыбнуться, то сытое начальство милостиво нанимало их на работу»...[1]).

Не угодно ли заглянуть в данные регистрации безработных.

Довольно часто приходилось слышать от рабочего,—читаем мы в отчете о выборгском районе,—что уволен за «сочувствие и убежденность к освободительному движению», «за сознание» и т. д. Собранный за первый день материал ясно показывает, что безработица в Петербурге вызвана не столько причинами экономического характера, сколько причинами характера политического. Из 330 опрошенных безработных только 99, т.-е. около 29%, указали, что они уволены вследствие прекращения или сокращения производства, 110 человек, т.-е. около 34%—за участие в политической забастовке, 52 человека, т.-е. около 15%—за политические убеждения (агитация среди рабочих, сочувствие рабочему движению, арест, ношение оружия, выдача шпиона, принадлежность к совету рабочих депутатов), 25 человек, т.-е. около 7,5%—за столкновение с фабричной администрацией, в том числе 3 за суд с хозяином и 2 за катанье мастера на тачке. Остальные 14,5% об'яснили свое увольнение различными другими причинами (болезнью, несчастными случаями во время работы, от'ездом на призыв, неявкой на работу, нетрезвым поведением и т. д.):

В графе о причине увольнения имеется один такой ответ: «уволен за сокращением штата; служил в сыскном за шпиона». То же самое—в городском районе. «При беглом просмотре,—читаем мы,—замечаются три главных рубрики: сокращение производства, забастовка и причины специально политического характера; в тесной связи с двумя последними рубриками находится и «столкновение с администрацией». Уволено вследствие сокращения производства около 27%, за забастовку—около 40%, за «политику»—около 23%. Если принять во внимание, что забастовки последнего времени всегда носят политический характер, то на «политику» придется

[1]) «Из рабочих предместий». «Вперед», № 9.

значительное большинство (63%). Весьма интересны также и сами мотивы по двум последним рубрикам: в записи сохранены такие характерные выражения: «требовал денег за увечье», «вывозка на тачке нехорошего мастера», «за непочтение к высшему начальству», «за самовольное введение восьмичасового рабочего дня», «за политические убеждения», «за политику», «за агитацию», «за экономические и политические требования», «арестован 2½ месяца», «забастовщик—социал-демократ», «самовольным увольнением избежал ареста» и т. д. В московском районе многие из записавшихся, опасаясь, что их политическая неблагонадежность исключит их из числа тех, кто может надеяться получить работу, не давали точных указаний об истинных причинах их увольнения, но все же опросные карточки пестрят ответами: «за забастовку», «за агитацию», «непокорство», «за участие в союзе», «за то, что просвещал народ» и т. д., и лишь изредка встречаются ответы: «за недостатком работы», «за ликвидацией дел» и пр.

Но, может быть, и эти показания так или иначе исходят из уст одной стороны? Либералы всегда так недоверяют узости, односторонности. Обратимся же к тем фактам, которые каждый день опубликовываются во всеуслышание, но которые сами г.г. предприниматели, казенные и частные, даже не пытаются опровергать. Мы считаем тем более важными именно эти данные, что точка зрения капитала столь же «широка», сколько и лицемерна, и всякие даже самые страшные беды пролетариата умеет истолковать так, что он, капитал, в конце концов, тут ни при чем...

Начнем с Москвы.

«Здесь после октябрьской забастовки положение улучшилось. Либеральная администрация, видя перед собою организованную, сплоченную массу рабочих, считалась с ними, даже давала помещение для устройства собраний. Но как только реакция вступила в свои права, как только рабочий класс был временно подавлен, буржуазия со свойственной ей наглостью показала себя». Часть рабочих завода Перлова брошена в тюрьму. На заводе Кузнецова об'явлен расчет всем 500 рабочим; «если кто не возьмет расчет добровольно, то тому придется иметь дело с участком». Через неделю рабочих начали принимать вновь, но после фильтровки, с обязательством

ни в каких организациях участия не принимать. За чтение невинной газеты «Правда божия» рабочий выкидывался вон после декабря [1]). Владелец фабрики аптекарских весов Штейман уволил своих рабочих после 1 мая. Рабочие были ему верны и работали 11 часов в день до тех пор, пока на фабрику не проникло с.-д. учение. О, ужас!—1 мая рабочие г. Штеймана праздновали на ряду со всем пролетариатом, даже не спросясь хозяина. Теперь он принимает самых покорных [2])...

В Киеве в рядах безработных оказалось много приказчиков торговых заведений. Оправившись после октябрьских потрясений, почтенное купечество решило отомстить «бунтовщикам», и потому наиболее «беспокойные» из приказчиков оказались на улице без средств и возможности найти работу [3]).

В Екатеринославе в железнодорожных мастерских был арестован наиболее нежелательный элемент. Обвинения им не предъявили и через две недели выпустили, но все переговоры о принятии на завод не привели ни к чему. «Рабочие поняли, что все это было проделано по уговору железнодорожного начальства с жандармерией, чтобы найти повод к их увольнению» [4]).

В Иваново-Вознесенске рабочие выбрали в свое время для переговоров с администрацией 50 человек. Все до одного были уволены [5]). «После декабрьских событий тверские фабриканты решили проучить своих рабочих и с корнем вырвать крамолу. С этой целью они закрыли свои фабрики на неопределенное время и занялись основательной чисткой нежелательных элементов [6]). В депо Либаво-Роменской железной дороги отказано от места рабочим за участие в декабрьской забастовке.

Но все это еще бледнеет перед тем, что дают нам петербургские газеты. Смотрите же, в самом деле, кого расчитывают казенные и частные администраторы, из кого состоит безработный пролетариат.

---

[1]) «Светоч», № 15.
[2]) Ibid, № 9.
[3]) «Вперед», № 1.
[4]) Ibid, № 2.
[5]) Ibid, № 8.
[6]) «Наша Жизнь», 12 февраля.

Безработные лафетно-снарядной мастерской Путиловского завода лишены заработка за участие в декабрьской политической забастовке. Желая иметь на заводе только благонадежных, Путиловский завод распорядился отобрать из разных мастерских около сотни рабочих, представляющих собой, по отзывам высшего и низшего начальства, верх благонамеренности. Руководствуясь им ведомыми признаками «невредного направления мылей», эти новые агенты охранного отделения взяли на себя смелость выбросить «крамольных» рабочих за борт, дав кусок хлеба только тем, в ком они «вполне уверены». Рабочие завода порта уволены за декабрьскую забастовку. Невский судостроительный завод не удовлетворяется даже прямым просеиванием крамольников: он прибегает к многостепенным. «Несмотря на то,—писал рабочий,—что при последнем открытии завода несколько сот человек осталось за воротами, черносотенцы все же не успокоились, и недавно у них было собрание в котельной мастерской». Здесь присутствовали все черные главари нарвской заставы, даже те, которые не работают на этом заводе, вопреки, разумеется, приказу директора о том, чтобы посторонних не только не допускать в завод, но даже выдавать их в руки полиции. В своем заседании черная сотня постановила составить список всех крамольников котельной мастерской и просить мастера Матюшенко об увольнении их. Список, разумеется, был составлен, и результаты оказались быстро: в первый же день было уволено 24 человека, а на второй—32. Когда же уволенные обратились к мастеру с просьбой указать причину расчета, тот ответил: «Вы—бунтовщики и не хотите работать, а другие рабочие из-за вас голодают». На столярной фабрике Платонова уволены самые передовые, самые сознательные рабочие. На Балтийском судостроительном заводе, где рабочим вновь предлагается подавать прошения о приеме, в виду полного несоответствия между количеством имеющихся работ и имеющихся рабочих, исключение сделано для бывших членов комиссии Шидловского, не говоря об обще-унизительной подписке.

Извозчики увольняются за такие проступки, как, например, принадлежность к союзу; на винном складе уволено двое за чтение журнала «Голос Извозчика». То же относится к легковым извозчикам, к которым хозяева применяют различного

рода репрессии только за принадлежность к союзу. На заводе Вилькенса, после празднования 1 мая, начались репрессии по отношению к тем из рабочих, кого администрация почему-либо считает подстрекателями к первомайской забастовке. Уволены Мишура и Васильев, и характерен самый способ, к которому прибег управляющий: явившись в мастерскую, он схватил Мишуру за пиджак и вытолкал его, затем призвал дворников и проделал то же самое и с Васильевым. Не довольствуясь увольнением в течение двух месяцев свыше 150 рабочих, администрация мебельно-столярной фабрики Мельцера прибегает к новому способу: рабочим даются отпуски, т.-е. посылают «гулять». Так отправлена «гулять» одна партия; затем количество гуляющих еще увеличено. Эти вынужденные отпуски на целые недели без жалованья ложатся тяжелым бременем на «отдыхающих» по воле администрации рабочих, которые во время отпуска, не имея в запасе никаких, конечно, средств, положительно обречены на голодовку, и не одни, а с семьями, часто многочисленными. Некоторые из рабочих обращались с просьбой выдать им аванс на время отпуска, но администрация в этом отказала. Инициатива этого нововведения принадлежит мастеру Семену Спиридонову. Всегда грубый в обращении с рабочими, которые давно за это грозят ему тачкой, Спиридонов при малейшем столкновении с рабочими тотчас грозит: «молчи, а то на неделю гулять пойдешь». На трубочном заводе после забастовки в день первого мая, в которой принимали участие только некоторые рабочие, составлен проскрипционный список. На заводе товарищества российско-американской резиновой мануфактуры после 1 мая многие из бастовавших рабочих, как члены заводской пожарной дружины, пользовавшиеся заводской квартирой, немедленно должны были вместе с женами и детьми покинуть эти квартиры. Рабочие, работавшие больше 15 лет на заводе, лишены наградных; работавшие меньше 15 лет оштрафованы. Завод Сименса и Гальске закрыт до июня потому, что будто бы «рабочие нарушили внутренний порядок». Нарушение порядка состояло в том, что рабочие не могли перенести издевательства мастеров Фогеля и Буша и потребовали их удаления. Это настолько не пришлось по вкусу члену союза инженеров Эфрону, что он приказал расчитать всех рабочих, а управляю-

щего заводом послал в полицейское управление с просьбой убрать «вредный элемент» вовсе [1]). На фабрике с.-петербургского товарищества механического производства обуви, где в последние дни производится небольшой прием рабочих, администрация неукоснительно проводит дубасовскую политику, зорко следя, чтобы на фабрику не прошел кто-нибудь из работавших прежде. В числе уволенных зарегистрирована, например., раб. Наталия Ларионова, уволенная из названной фабрики за то, что она «выбрана депутаткой в комиссию Шидловского». За год безработицы Ларионова не раз пробовала попасть на фабрику, но каждый раз получала один ответ: «депутатка»... За московской заставой на механическом заводе акционерного общества «Юлиус Пиншт», когда рабочие собрались в кузнице для производства выборов, явился инженер завода и потребовал, чтобы они разошлись, хотя выборы в совет безработных легальны и уже произведены в большинстве заводов Петербурга. Не добившись ничего, он, как передают рабочие, оставался все время сходки и всматривался в лица. Результаты, конечно, не замедлили сказаться: спустя 3 дня рабочие, ходатайствовавшие об устройстве сходки, были уволены, при чем им даже не было разрешено проработать обычных двух недель и не было за них уплачено.

На ткацкой фабрике Ауха рабочий был расчитан за чтение «Волны». Администрацией Балтийского завода 26 мая уволено за искоренение черной сотни 26 человек. На заводе Тильманса, по указанию администрации, было арестовано 32 человека за то, что вывезли на тачке черносотенцев. Директор заявил всем рабочим, чтобы они больше не являлись на завод. То же на фабрике механического производства обуви за Московской заставой, в типографии А. Ф. Маркса, на столярно-мебельной фабрике Ю. И. Берс («хозяева не хотят взять старых рабочих, а хотят заменить новыми, черносотенными»).

---

[1]) Воззвание, выпущенное рабочими этого завода: «Вследствие дерзкого обращения мастеров Фогеля и Буша с рабочими и явного поощрения высшей администрацией и вследствие несправедливого и неправильного расчета 700 чел. рабочих. мы, рабочие завода Сименса и Гальске, единогласно об'являем фирме бойкот, и ни один из нас не встанет на работу до тех пор, покуда не об'явит администрация завода о принятии всех до единого на работу. Мы уверены в том, что наши товарищи, как безработные, так и работающие на других заводах, не займут наших мест. Но кто нарушит наше постановление, тот будет отвечать не только перед рабочими Сименс и Гальске, а и перед рабочими всего Петербурга».

«Не стану брать революционеров—их мне не надо»,—говорит заведующий сталелитейной мастерской М. С. Паутов уволенным.

Так увольняют капиталисты рабочих. Удивительно ли, что главные месяцы массовой безработицы были октябрь, особенно декабрь 1905 г. Подробное распределение безработных по месяцам таково: число безработных до сентября вообще—16%, в сентябре—7%, в октябре—15%, в ноябре—11%, в декабре—27%, в январе—7%, в феврале—5%, в марте—7%, в апреле—6%.

Организация черносотенных штрейкбрехеров, взявших на себя роль добровольных шпионов, усиленный контроль, вследствие которого сознательный рабочий должен выносить бесцеремонное хозяйничанье в своем углу, подписка в том, что нижеподписавшийся такой-то мастерской «добровольно» предоставляет администрации немедленно, без всякого предупреждения за две недели, без выдачи вознаграждения уволить его с завода в случае «неподчинения» и «распущенности», — да, железным кольцом сдавившим экономическую жизнь России кризис прежде всего обрушился своей тяжестью на пролетариат, производя в нем страшные опустошения, но бедствие резко в то же время обострено «политикой».

Выбрасывание рабочих—акт не чисто экономический. Он является местью и правительства, и буржуазии за революционные выступления пролетариата, за ряд забастовок, заставивших их пойти на уступки, за «явочное» введение восьмичасового рабочего дня. И обострилось бедствие именно с первых дней контр-революции, когда администрация стала закрывать казенные заводы...

Пролетариат, поднявшийся в знаменитые «дни» до такой высоты, напугал даже тех, кто первое время молчал. Ведь первое время—в момент кронштадтских и севастопольских событий—только единичные голоса крупных фабрикантов-металлургов нерешительно вторили бюрократии. Даже либеральные буржуа изменили делу освобождения раньше, чем сами добрались до власти, воспользовались бедствием в интересах борьбы с пролетариатом, победы над его партией.

V.

Контр-революция—акт не «чисто-бюрократический», как это думают мягкотелые. Редактор «Полярной Звезды» совершенно правильно считал действия правительства именно ответом не на действия вообще, а только на действия «крайних партий». Мы разойдемся с почтенным «демократом» в одном отношении: он склонен думать что «бесчинства» революции вызвали бесчинства реакции, между тем, как мы убеждены, что бесчинства реакции явились бы и без всяких вооруженных восстаний. Вооруженные вспышки, конечно, явились клапаном, который дал возможность сразу вылиться всей желчи, накипевшей на душе Дубасовых и Минов после манифеста 17 октября. Однако, мы вместе с тем читали в газетах, как то один, то другой биржевой комитет выражал «доверие» тем же Дубасовым и Курловым. Не одна московская дума рукоплескала Дубасову... Открывшийся всероссийский с'езд землевладельцев вынес следующую резолюцию: 1) необходимо ясное и недвусмысленное оповещение населения в виде манифеста или высочайшего указа о том, что права собственности неприкосновенны, и что никакая земля не может быть отчуждаемой без согласия владельца; 2) желательно во всех случаях противогосударственной агитации, подстрекательства к бунту и насилию, покушения на жизнь частных слуг и агитации среди войск, поджогов и грабежей применение к виновным полевого суда... «Творцом реакции являются не одни дубасовские дубинки, но и то «расчленение освободительного движения», о котором так любили говорить, —правда, с особым пониманием явления,—авторы официозных передовиц и правительственных сообщений. Смысл реакции не в одних Дубасовых. Смысл ее в том, что революционные массы заговорили в октябре слишком громко, слишком решительно.

Конечно, русская буржуазия ничего не имела против того, чтобы рабочий класс проливал кровь за свободу, лишь бы плоды победы достались ей. Одно время, стоя между представителями отживающего режима, с одной стороны, и творцами революции—с другой, она склонялась то в одну, то в другую сторону, нередко сама содействовала той работе раз-

рушения, которая производилась в полуразрушенном уже здании. Выносила протесты, собирала явочным порядком с'езды, кому-то грозили пальцем, кивая в сторону «народа». Словом, фрондировала. Но вот оказалось, что массы не совсем того хотят, чего бы хотела она. Манифест 17 октября, амнистия, свободная печать... Поскольку все это завоевано—прекрасно. Но русский рабочий, в противоположность западноевропейскому пролетариату первых революций, оказывалось, не «просто» борец за свободу,—он и последовательный борец. Он тем и отличался от представителя либерального блока, что не желал мириться с полумерами, заключать союз с филистерством, каким бы флагом филистерство ни прикрывалось; он в своих требованиях шел до конца. Он требовал, оказывается, не только созыва учредительного собрания на основе всеобщей подачи голосов, но и вводил восьмичасовой рабочий день революционным путем, говорил о революции, которая должна снести и представителей капитала, как она сносила сейчас пулеметчиков. Мало того, он организуется в партию, которая всегда об'яснит ему достигнутые им победы, всегда укажет путь к новым. Его влияние идет вверх. Никогда еще оно в такой степени не определяло судьбы нашего освободительного движения, как в октябрьские дни. Забастовка союза союзов в свое время явилась лишь откликом на забастовку московских и петербургских типографщиков. В «братцам-рабочим» подходил Витте с таким видом, как-будто это были не братцы, а европейские банкиры. Русский пролетариат, русское крестьянство стали в октябре инстанциями, с которыми вынуждены были считаться та или иная партия, тот или иной лагерь отживающего бюрократического механизма, чуть ли не как с равными. Могли ли не дрогнуть сердца? Могли ли «цензовики» не переменить фронт, не выкрикнуть старый боевой клич против революции—«к порядку». тот клич, который так трогательно вернул их в об'ятия реакции, с которым и буржуазия Франции, и буржуазия Германии, и буржуазия Англии проливали кровь рабочих?.. Заговор высших классов с самодержавием против гигантски поднявшихся масс—вот как мы определили бы происходящую реакцию. «Цензовики»—против абсолютизма, против чужого хозяйничанья; они совершенно искренно желают так же само-

стоятельно распоряжаться политическими судьбами страны, как они распоряжаются у себя на бирже. Но революционный народ, встав перед ними во весь рост, убедил их, насколько он далеко ушел от них, резко отбросил их назад, и они сообща с самодержавием противопоставили себя этой силе, грозящей и самодержавию, и цензу.

Правительство, об'являющее своей задачей упрочение «свободы», и собственники, спешащие использовать эту «свободу» в своих интересах, соединились для общей цели—выманить отдельные отряды пролетарской армии и в их крови утопить революцию.

Перед нами война—гражданская война. Перед нами—«заговор». Вот что опаснее и солдатских штыков, и папирос г.г. Ждановых и Курловых, всех укреплений, в которых забаррикадировались жалкие остатки отжившего режима. Вот что и придает происходящим событиям тот именно оттенок, который не разрушить ни партизанскими схватками, ни иностранными долгами.

VI.

Так против пролетариата стоят две силы... Надо ли об'яснять, как борется с бедствием бюрократия, что делает сознавшая свои интересы буржуазия! Положение вещей говорит за себя...

Творцы системы только с успехом пожинают то, что с таким успехом сеялось, во всей неприкосновенности восстановляют то, что было поколеблено революционным движением, сводят к нулю все уступки, сделанные рабочим в период октябрьских и ноябрьских забастовок.

Сознав свои интересы, буржуазия прежде всего мстит пролетариату за те раны, которые он нанес ей в период революционных выступлений. Видя, что рабочий класс ослабел вследствие нескольких грандиозных опытов, которые, как всегда, конечно, предшествуют решительной схватке, буржуазия пользуется этим для того, чтобы усилить эксплоатацию труда, уменьшить плату, увеличить рабочий день, штрафы и пр. Она прямо организуется с этой целью в «союз борьбы с забастовочным движением среди рабочих», синдикат эксплоататоров для совместной борьбы с эксплоатируемыми

массами. Лицемерная, сытая, она все еще недовольна своими победами, все еще ломает голову над тем, как бы половчее скрутить голодающий пролетариат и его партию.

Голословно? Обратимся опять к фактам...

В Москве на парфюмерной фабрике Остроумова после забастовки 1905 г. был установлен девятичасовой рабочий день. В 1906 г. в таких размерах практикуются сверхурочные работы, что ежедневно мужчины работают сверх срока 6—7 час., а женщины—8—9 час., при чем за сверхурочные работы платят не вдвое против обыкновенного, а в обычном размере [1]). На фабрике Савельева во время октябрьских волнений по требованию рабочих были удалены два мастера, которые шпионили за рабочими на каждом шагу. На некоторое время рабочие освободились от этих тиранов. «Но наступило время реакции»... и Савельев взял их опять на фабрику для того, чтобы они же всех «неблагонадежных», т.-е. содействовавших их удалению, расчитали [2]). На кондитерской фабрике Григорьева «во время забастовки 17 октября рабочие добились кое-каких улучшений»: прибавки жалованья, сокращения рабочего дня, отмены обысков, отмены переноски мешков с сахаром, так что чернорабочих пришлось увеличить. Обещаны были улучшения. Но вот наступили новые дни. «После пасхи было разочтено 25 человек самых сознательных, которе были очень неприятны администрации, «бунтовщиков», которые «не хотят жить, как следует, и сами не знают, чего требуют». Избавившись, таким образом, от скандального элемента, завели старые условия. Теперь подмастерья опять таскают мешки с сахаром, патоку и исполняют другие работы, которые они, в сущности, не обязаны исполнять. Обращение заведующего фабрикой г. Х. прямо-таки возмутительно, в особенности с женщинами» [3]). Перед пасхой рабочим парфюмерной фабрики Чепелевецкого были об'явлены новые условия труда, на которых они должны были работать после пасхи. Эти новые условия фактически уничтожали все те завоевания декабря, которые были добыты упорной борьбой рабочих за лучшее существование. Для того, чтобы ослабить силу сопротивления, администрация расчитала самых сознатель-

[1]) «Светоч», № 9.
[2]) Ibid. № 3.
[3]) Ibid. № 6.

ных и влиятельных рабочих и, лишь обезвредив фабрику от этих ядовитых элементов, принялась за дело. Прежде всего была сбавлена расценка, потом было уничтожено время, которое шло раньше на чай, и пр. [1]). То же на заводах Кузнецова и К°, Перлова, В. Высоцкого, Боткина, К. и С. Попова и др. После октябрьской забастовки рабочие фабрики Динга, в числе других требований, отвоевали себе повышение заработной платы на 2%. Но вот передовые рабочие выброшены, и начались притеснения: за каждый пустяк штрафуют, сильно развилось шпионство и пр. [2]).

Так в Москве. Еще резче опять-таки то, что делается в Петербурге.

Рабочие фабрики Отто Кирхнера рассказывают в своем воззвании: «В ноябре г. Кирхнер, не признававший рабочих организаций, не признававший их права на улучшение труда помимо хозяйской милости, должен был признать это право, право рабочего заботиться о себе. Но это было в ноябре, а память г. Кирхнера притупилась за месяцы реакции, он решил, что все по-старому, и на самом деле сделал все по-старому. Штрафы, уничтоженные в ноябре, теперь свирепствуют попрежнему; любимцы конторы и мастеров хозяйничают не хуже их самих; швейцар расчитывал не только рабочих, но и подмастерьев, которые почестнее» [3]). На Невско-Пригородной железной дороге с каждым днем «вновь изданными правилами у рабочих (машинистов и кочегаров) отнимается почти все, что ими завоевано в период стачек: уменьшено жалованье, увеличен рабочий день. Очевидно, для того, чтобы успешнее эксплоатировать рабочих, расчитаны многие сознательные рабочие [4]). То же в экспедиции заготовления государственных бумаг. «Во время октябрьской забастовки рабочие добились, между прочим, уничтожения пенсионной кассы и выдачи всех денег кассы на руки рабочим... Все эти суммы и подлежали выдаче рабочим». В 1906 году администрация распорядилась по-своему: кому хотела—выдала, кому не хочет—не выдает [5]). На орудийном заводе «еще в октябрьские дни «свободы» отменили сверхурочные работы и доби-

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid, № 15.
[3]) «Волна», № 20.
[4]) «Вперед», № 3.
[5]) «Курьер», № 9.

лись кое-каких улучшений». В 1906 г. там работают все вечера, все праздники. На заводе Коппеля управляющий Кучеро теперь собственноручно бьет рабочих кулаками... После декабря и рабочим завода Пульмана понизили заработную плату. У Нобеля вычеты производятся еще проще: «ты, мол, слишком много зарабатываешь». Рабочим некоторых мастерских трубочно-инструментального завода выдают только половину заработка, остальное удерживается. Директор бумагопрядильной фабрики на Обводном канале требует, чтобы все его рабочие вступили в «союз активной обороны». На фабрике Шрейдера старательно вылавливаются сознательные рабочие и старательно передаются в руки полиции.

Пользуясь поражением рабочих, лесопильный завод и паркетная фабрика Беляева об'явили новые правила внутреннего распорядка с того самого месяца, когда реакция расправила свои черные крылья. До этого времени заводская администрация даже заигрывала с пролетариатом... Какие порядки водворились на центральной электрической станции Бельгийского Акционерного Общества с момента реакции, показывает следующее. Во время октябрьской забастовки рабочие станции заявили своей администрации требование, чтобы для разбора недоразумений между рабочими и ею была учреждена комиссия. Требование было удовлетворено. И вот, в феврале уже, комиссия собирается уволить машиниста, особенно отличавшегося притеснениями рабочих. Но что же? Директор фабрики вместо машиниста увольняет... четырех «крамольников». Были вытребованы 40 городовых, вооруженных винтовками, два околоточных, пристав [1]). То же осталось от прежнего величия на Обуховском заводе. Жалованье, уже пониженное на 20—25%, делается все меньше. Буквально малейшее запоздание, малейший пробел—плати полтинники. Если «взыскание», имеющее целью «исправить непокорных», повторяется несколько раз,—нечего получать. Владелец столярно-паркетной фабрики Захаров вовсе не доплатил причитающейся рабочим суммы. На Путиловском заводе в целях «экономии» «свободные» вакансии не замещаются, а работа, приходящаяся на долю непринятых, возложена на принятых, при чем вся сверхурочная работа падает на ночное время и

[1]) «Светоч», № 9.

праздники. Таким образом, теперь рабочие зачастую работают по 18—20 часов, а нередко и круглые сутки с отдыхом в 3 часа. Все воскресенья, все праздники заняты работой. Отказаться от нее—значит получить расчет. Нанимая как можно меньше рабочих и заставляя их работать как можно больше, ввели такие же сверхурочные работы на заводах: Леснера, Семяниковском, в мастерских Варшавской железной дороги, где 14-часовой рабочий день стал чуть не нормальным.

То же пишут из провинции. Капиталисты верны себе до конца. «Начиная с весны 1905 г., правление «Тверской мануфактуры» (В. А. Морозовой с сыновьями), насчитывающей около 12.000 рабочих, сделало рабочим целый ряд уступок на их требования: были увеличены расценки, укорочен рабочий день, стали выдавать квартирные деньги тем из рабочих, которые живут на «вольных» квартирах. Но, как все резко изменилось после декабрьских дней! Правление решило дать реванш рабочим по всей линии. Фабрика закрыта вот уже два месяца; те же, кому некуда или далеко итти, остаются в Твери и подвержены всем ужасам голодовки, ходят и просят милостыню» [1]). В Воронеже заработная плата понижена в два раза, в селе Всехсвятском на механическом заводе Кертинга осенью рабочие получали от 2 руб. до 2 руб. 50 к. в день, и условия труда были сносны. «Теперь же, когда начальствующие лица почувствовали, что им можно безнаказанно творить, что угодно, теперь они начинают сбавлять расценки на 30 и 40%. На протесты рабочих мастер обыкновенно отвечает: «хотите работать, так работайте, а нет, так берите расчет» [2]). Фабрикант Хуторев в Серпуховском уезде после декабрьской забастовки прямо образовал дружину из «покорных» рабочих. Произвол на фабрике не имеет границ: газеты со станции не привозятся под угрозой увольнения. То же на писчебумажной фабрике Кучкеришской в Ново-Вилейске, в Коломне и др. «Колпинские приказчики,—читаем мы,—подверглись общей участи с остальным пролетариатом. Капитал, где только можно, пользуется временным расстройством рядов противника. Хозяева, сбавившие-было в период октябрьских свобод рабочее время, теперь опять подняли головы, стараются взять уступки обратно [3]).

[1]) «Наша Жизнь», от 12 февр.
[2]) Ibid, № 7.
[3]) «Вперед», № 1.

Кто не пытается толкнуть ногой голодного труженика?

Лавочники перестали давать в кредит обессиленным голодом. Число дел о выселении из мелких квартир в фабричных районах растет у мировых судей с каждым днем. Даже судьи склоняют истцов дать отсрочки в виду безработицы и нужды квартиронанимателей.

Так отнимаются одно за другим приобретения, завоеванные в славные дни. Угрозой голодной смерти, шаг за шагом фабриканты и заводчики ухудшили положение рабочих даже по сравнению с тем, что было год назад. Они идут дальше, оскорбляя и унижая их на каждом шагу. В дни свободы ни один завод не смел расчитать выборного отдельно от остальных рабочих. До самого последнего времени фабриканты и заводчики церемонились хоть сколько-нибудь. В 1906—07 г.г. же, когда злой рок связал рабочих по ногам и рукам, как отстаивать это право? Безработица, знаменуя новый социальный конфликт, пока-что дала сильнейшее орудие капиталу, и капитал не заснул. Он сделал все, чтобы использовать свое орудие в своих интересах, чтобы вместо хлеба поднести голодному возможно более острых камней.

Так использовали положение пролетариата те, кто называет себя работодателями, следовательно, так или иначе, заинтересованные в том, чтобы рабочая сила, которую они покупают, более или менее «скрипела». Не даром они проявляют такую энергию в деле всевозможных соглашений. Состоялось «соглашение» пяти волжских пароходных обществ. Фабрикантами и заводчиками Московского и Иваново-Вознесенского районов учреждается союз «для борьбы с ненормальностями рабочего движения», который ставит своей главнейшей задачей «обеспечение взаимной поддержкой членов в борьбе с требованиями рабочих о повышении заработной платы и сокращении рабочего дня», «принятие против забастовок рабочих общеобязательных для членов союза мер до закрытия хозяевами фабрик и заводов включительно» и пр. Владельцы петербургских типографий организуются с целью борьбы с требованиями рабочих. В Риге, в Одессе образовались уже союзы предпринимателей для выработки мер, помощью которых они могли бы «оградить свои интересы от по-

сятельств рабочих». Наконец, состоялся с'езд фабрикантов 10 губерний, входящих в московский фабричный район, по вопросу «об устройстве союза фабрикантов для борьбы со стачками», как сообщают газеты. Дело в том, что, как признается глава организации московских капиталистов, нет никакого основания предполагать, что начавшееся рабочее движение может замереть; напротив, есть все данные за то, что, если промышленники будут являть из себя ту же разрозненную, лишенную всякого взаимодействия массу, то движение это будет расти вглябь и вширь» [1]).

Да, вот о чем мечтала наша буржуазия: пресечь рабочее движение не только в настоящем, но и в будущем. С такими мечтами можно еще кое-что натворить под той «охраной наружной и тайной полиции», которая оберегала ее с'езд.

VII.

Как же пользуются бедствием другие «виновники торжества»—правящие сферы.

Было бы ошибкой думать, что г.г. Кирхнеры и Эфроны пролили уже столько пролетарской крови, что Дубасовым нечего уже делать. Наоборот, все говорит за то, что Дубасовы являются главными виновниками торжества.

«На поддержку бесплатных обедов,—читали мы в свое время, где следует,—министерство внутренних дел ассигновало 80.000 рублей». Подумаешь, нужно ли более попечительное министерство! Начальник гильзово-патронного завода так и уверял рабочих, что правительство на них разорилось. Точно перед нами не голодные пролетарии, а бакинские миллионеры, которым выбросить 15 милл. сущие пустяки, те самые банкиры, из которых правительство недавно составляло «консорциум»... Так—на бумаге. Смотрите же, как г.г. Дурново и Столыпин кормят голодающих на практике.

В городах.

Городской район: бюро комиссии безработных подверглось однажды полицейскому разгрому со взломом замка. Поломана мебель, порвана одежда, взяты некоторые вещи. В столовую Синего Креста нагрянула полиция и арестовала всех

[1]) Интервью с г. Четвериковым (помещено в «Торг.-Пром. Газете»).

обедающих. Петербургский район: закрыты ординарная и новоладожская столовые, обе без об'яснения причин. Выборгский район: закрыты нейшлотская столовая. Васильевский район: закрыта столовая г-жи Мелитаковой, столовая черноречинская, пункт самой безысходной нужды. Закрыты столовые: ушаковская и петергофская (в Нарвском районе), столовые Московского района. Мы уже писали об этом. В чем же дело? Дело в том, что министерству внутренних дел не угодны столовые, вообще, хотя бы они и не пользовались ни копейкой из 80.000 руб., ассигнованных «на безработных». Ему угодны столовые, но известного типа. Такая, например, устроена на Путиловском заводе. Устроена столовая с целью «активной борьбы». Между посетителями видны дамы-благотворительницы, жандармы, полиция. Агитируя при помощи черносотенных прокламаций обычного типа, они пользуются от заводской администрации бесплатным помещением, освещением и отоплением. Здесь уже обысков не бывает...

В деревнях.

В Петербурге при вольно-экономическом обществе есть особый комитет помощи голодающим, который устраивает по деревням столовые, хлебопекарни, помогает голодающим. В его руках было сосредоточено несколько десятков тысяч,— конечно, капля в море для того специфически русского явления, которое именуется «голодом». Но полюбуйтесь...

«Деятельность комитета,—читаем мы,—попрежнему встречает непредвиденные препятствия и затруднения со стороны администрации. История закрытия губернатором казанского отделения комитета и устроенных многих столовых изложена в особо посланном в газеты заявлении. От лиц, посланных в Хвалынский уезд, получены две телеграммы, что уездная земская управа не находит возможным без губернаторского разрешения устроить врачебно-продовольственную помощь населению за счет комитета, а губернатор не отвечает на посланную ему управой телеграмму о разрешении. Были также недоразумения с администрацией в Уманском уезде, и столовые временно закрылись. В Казани арестовано лицо, заведывавшее столовой. Курганская железнодорожная станция не принимает от курганского отдела общества сельского хозяйства пожертвованную пшеницу для отправки в голодающие губернии, не-

смотря на то, что имеются свободные вагоны, и отделом представлены свидетельства о льготной и внеочередной перевозке зерна. Наконец, повторные попытки комитета устроить свои отделения и продовольственную помощь в других губерниях, кроме вышеуказанных, встречают постоянно один и тот же ответ: «Многочисленные аресты и произвол администрации являются непреодолимыми препятствиями притти на помощь голодающей деревне».

Вот ответ симбирского губернатора вольно-экономическому обществу, просившему не противодействовать оказанию им помощи голодающему населению губернии: «Вольное экономическое общество,—гласил он,—может оказывать помощь через местных людей, уполномоченных общеземской организации или через председателей уездных управ. Посылка неизвестных лиц вызывает для общества ненужные расходы и заставляет меня учредить в такое тревожное время докучливый надзор».

Из Тамбовской губ. писали, что приезжающие кормить голодных высылаются оттуда административным порядком; в Спасском уезде исправник потребовал, чтобы медицинский отряд, приехавший лечить и кормить голодных и больных, в 24 часа выехал, если он не желает быть арестованным; из Пензенской губ. сообщали, что уполномоченная пироговского общества г-жа Богоявленская арестована вместе со своим племянником и отправлена в Пензу, где и помещена в арестантское помещение при полиции. В селе Клешни, Тульской губ., устроили хлебопекарню и начали-было раздавать хлеб, как вдруг 18 марта является урядник и приказывает добровольно покинуть Тульскую губ., а то будет поступлено... по закону.

Так кормит попечительное министерство на свои 80.000 р. Оно не только закрывает столовые, оно конфискует деньги, собираемые в пользу безработных. Что было возвращено из 53.729 руб. 67 коп., задержанных по распоряжению московского генерал-губернатора в «Русских Ведомостях»? Не возвращены, по сообщению газеты, именно суммы, предназначавшиеся в стачечный фонд (904 руб. 50 коп.), для пострадавших от забастовок фабричных рабочих и их семейств в Москве (470 руб. 80 к.), в пользу рабочих и их семейств в Петербурге (386 руб. 75 коп.), в распоряжение стачечного комитета (296 р.),

на столовые для рабочих (209 руб. 20 к.), для семей почтово-телеграфных служащих (75 руб.), для рабочих Иваново-Вознесенска (68 руб.), опять для телеграфных служащих (55 р.), на фонд для рабочих печатного дела (15 руб.) и пр. [1]).

Кажется, комментарий не требуется...

Пролетариату брошен вызов. Началась массовая высылка безработных из Петербурга. Прямо вызывают в участок безработных и выдают им проходные свидетельства. Семейным—три дня сроку, холостым—сутки. Те же, у кого не оказывается паспортов, задерживаются... Как видно из доклада в комиссию о безработных депутата Петербургского района, особую энергию в деле этой высылки проявляют отдельные пристава. Высылки настолько встревожили безработных, что петербургский городской голова обратился к градоначальнику с просьбой приостановить высылку из столицы рабочих «на родину», с которой отправляемый ничего общего не имеет, кроме паспортного наименования. Но градоначальник ответил, что из рабочих высылаются только те, высылка которых решена была раньше, что «в полицейской практике» установлен обычай высылать нежелательные элементы в течение шести недель. В самом деле, прежде всего, высылаются депутаты безработных (Урываев, Павлов, Зайцев, Ширяев, Сеситский, Лаукман, Вильне, Янсон).

Глухое к стонам умирающего от голодного тифа трудового люда, правительство ставит все препятствия тому, чтобы безработные даже не подумали о себе. Так, несмотря на разрешение, данное губернатором члену государственной думы Кедрину на устройство в посаде Колпине собрания безработных, собрание не могло состояться, так как пристав заявил, что никаких инструкций насчет собрания он из Петербурга не получил. Затем предполагалось собрание безработных Московского района в доме Паниной. У здания собралось до 100 человек, но, хотя градоначальник был извещен о собрании за 3 дня, во дворе против народного дома стоял наготове отряд конных и пеших городовых. С каким чувством читаешь, например, такого рода жалобы: «Мы, безработные, рабочие Выборгского района, собравшись на общее собрание 14 апреля для обсуждения своего положения и дальнейшей организации

[1]) «Русь», от 14 февраля.

в народном доме Нобеля, были разогнаны приставом второго участка Выборгской части. Несмотря на наше заявление, что городская дума исходатайствовала у градоначальника разрешение на устройство собраний безработных, пристав все-таки собраться нам не разрешил и угрожал казаками. Мы вынуждены были собраться в поле, рискуя каждую минуту подвергнуться избиению казаками»... Начались прямые розыски представителей безработных. Рабочего, у которого производится обыск, полиция спрашивает: «Ты представитель от безработных или нет? Скажи, все равно узнаем». Даже ставятся все препятствия регистрации.

— Чего угодно?

— Да вот регистрацию бы, наконец, начать бы...

— Глупости! Не надо никакой регистрации. Мы не разрешаем.

— Но нас послали сюда безработные. Они целой толпой стоят у ворот, настоятельно ждут ответа...

— Ах, безработные! Ну, этому горю мы поможем. Вышлем сейчас полицейских и разгоним.

Так изображает дело регистратор Московского района. Но если здесь после долгих разговоров работа все же была разрешена—не иначе, как под усиленной охраной казаков и городовых, которым дан был приказ, как только число посетителей перевалит за двенадцать, немедленно принять меры,— то это еще из счастливейших исходов. В дом, на углу Политехнического проспекта и Чугунной ул., в помещение комиссии о безработных, явился пристав и прямо потребовал, чтобы находящиеся там лица для регистрации безработных разошлись. Когда же последовал отказ подчиняться явно незаконному требованию, полицейский чин начал угрожать нарядом городовых. После непродолжительных пререканий с приставом пришлось удалиться из помещения. То же произошло на Выборгской стороне. Полицейский надзиратель заявил, что он прибегнет к силе, если регистраторы не прекратят работу. Пришлось приостановить регистрацию до тех пор, пока полиция не будет формально извещена об утверждении комиссии о безработных градоначальником. В третьем месте пристав заявил заведующему, что регистрация—вообще дело лишнее и ненужное...

А в Москве! Градоначальник издал распоряжение, которым рекомендуются полиции и казакам самые решительные действия. Если прежде полиция, явившись «на месте» просила безработных расходиться, то потом положение резко изменилось. Без всякого предупреждения налетают казаки и драгуны и избивают до бесчувствия всех, даже не участников собрания. «Бей, не щади, тащи их»—таковы распоряжения приставов, когда разгоняют армию голодных. Мудрено ли, если депутаты этой армии, когда они явились к московскому генерал-губернатору—тому самому Дубасову, который в свое время так браво послужил отечеству,—если депутаты эти были арестованы.

Вот ответ правительственного чиновника на просьбу о хлебе.

Гнаться с сыщиком за голодным, убегающим от обеда, переломать вещи, которыми имеющие пытаются обставить убогое помещение столовой,—да, такие тонкости и достойны вполне распоряжений завода Беккера или нового арсенала распоряжений, запрещающих сборы в пользу безработных. Как только начинается сбор, моментально донос... Даже попытки содействия со стороны общественных учреждений опротестовываются Столыпиным, в совершенстве усвоившим всю тактику своего предшественника.

Так пролетариату приходится вести борьбу на два фронта в своем стремлении организоваться и сплотиться—с крупной промышленной буржуазией и доживающей свои дни полицейской бюрократией. Так буржуазия занимается своим делом—выбрасыванием рабочих, понижением заработной платы, повышением штрафов и пр., а правительство—своим: штыками, тюрьмами, высылками... Человек голодный, мол, менее всего способен протестовать. Он более всего пригоден для угнетения, покорнее выносит эксплоатацию, штыки, тюрьмы, пытки...

VIII.

Мы подошли к милосердию «отцов города», тех «органов самоуправления», о которых с таким пафосом любил говорить русский либерал. От кого можно было бы ожидать содействия пролетариату, как не от них? Ведь почти вся тяжесть их бюджетов взвалена была на плечи трудящихся классов.

В самом деле, одним из весьма важных источников петербургской думы являлись больничный, адресный и паспортный сборы, составляющие вместе 2 милл. 200 тыс. руб. Но более или менее зажиточные люди освобождены были от этих налогов. Не богатые, а чернорабочие вносили в городскую кассу по 1 р. в год больничного сбора. Дума даже высказалась за двухрублевый сбор—постановление, которое еще не вошло в силу. Не богатые, а «лица, служащие по вольному найму или занимавшиеся каким-либо ремеслом», платили адресный налог, как и сбор за прописку паспортов, который всецело ложился на плечи рабочего класса. Даже часть доходов, получаемых путем сборов с недвижимых имуществ, перелагалась на беднейшее население. Во-первых, оценка была произведена в Петербурге в 1874 г. и с тех пор больше не производилась, значит, оценочный сбор взимался в 1906—07 г.г., согласно оценке, сделанной 28 лет тому назад, когда стоимость имущества была втрое ниже, чем теперь. Но дело еще не в этом, а в том, что налоги за домовладельцев уплачивались, в сущности, квартирантами, а наиболее прибыльными квартирами являлись именно те, где ютится беднота. Рабочий класс по численности являлся самым крупным квартиронанимателем. И двухкопеечный кулевой сбор с хлеба и с семян, привозимых на пристань, этот налог на предмет первейшей необходимости, ложился на тех, главным образом, кто существует изо дня в день куском хлеба. Словом, куда ни кинь, «ен достанет»...

Кажется, причина, достаточная, для того, чтобы раскошелиться. Но логика имеет свою нить, жизнь—свою. Они редко совпадают.

Кто прежде всего эти «отцы города»? Домовладельцы, купцы, фабриканты, заводчики, те самые, которые и расчитывают рабочих. Они сами и выбирали себя. Число избирателей в городах составляло меньше 1%—в Петербурге, где населения полтора миллиона, число это не достигало тысяч: Москва на миллион жителей насчитывала 7.370 избирателей, Екатеринослав—на 120 т. населения—560, Харьков—на 200 тыс. жит.—200. Словом, беднейшие слои населения, которые оплачивали больничный, адресный, паспортный и пр. сборы, избирательными правами не пользовались, никакого влияния на ведение городского хозяйства иметь не могли. Все управление сосредоточено было в руках небольшой кучки представи-

телей домовладельческой и промышленной буржуазии, которой и отдано во власть население. В 1892 году были исключены из состава избирателей даже мелкие торговцы и домовладельцы, и заправилами города остались исключительно крупные собственники.

Ну, могут ли быть настолько близки этому учреждению интересы рабочего класса, мозолистыми руками которого созидаются все его доходы, чтобы оно «без борьбы, без думы роковой» отозвалось на бедствие?

Посмотрим.

Еще в начале 1905 года были попытки обратить внимание петербургского городского управления на возрастающую смертность среди рабочего населения, но никто из гласных палец о палец не ударил, пока рабочие молча сносили свое положение. Наиболее влиятельные из гласных так и заявляли, что им нет никакого дела до народного бедствия. Кто не помнит заявления гласных Кабата и др., что им нет дела до того, что делается на Путиловском заводе, выбросившем на улицу 13 тыс. рабочих в июле, так как, во-первых, Путиловский завод вне городской черты; во-вторых, что им до эксплоатации капиталом пролетариата! Когда же несколько месяцев спустя смертность на городских окраинах поднялась до небывалой высоты, председатель санитарной комиссии Оппенгейм не нашел ничего более подходящего, как поднести думе несколько фальшивых данных. Дума успокоилась. До чего велико презрение «отцов города» к интересам населения, видно из того, что комиссия о безработных не собиралась за первые два-три месяца ни разу, ни разу за все голодные 2—3 месяца. Комиссия, вообще, ничем не обнаруживала своей деятельности. Когда же к председателю думы графу Бобринскому в первый раз обратилась депутация от безработных, в которую вошли представители от всех частей города, с просьбой разрешить им в заседании думы изложить свои ходатайства и указать им меры, которыми городское самоуправление могло бы оказать помощь голодающему населению, то граф Бобринский, как и городской голова, ответил им, что они против исполнения просьбы депутации ничего не имеют... Только само заседание не могло тогда состояться за... «неприбытием гласных», как писали хроникеры.

Безработный пролетариат обращался и в московскую думу. Что же она ответила? Вот первый «обмен мыслей».

— Я прошу слова, — раздается голос депутата от безработных.

— А я прошу вас не мешать нам работать,—отвечает городской голова.

— Неужели вы не огласите заявления, поданного советом от нуждающихся и голодных людей?

— Предупреждаю вас,—повторяет Гучков,—что я вынужден буду закрыть заседание, так как по существующим законам посторонние думе лица не в праве принимать участие в заседании и не могут произносить речей.

В публике заметно волнение. Многие вслух высказывают свое негодование думе.

— Стыдно вам, гласные, и вам, голова, так холодно, так невнимательно относиться к нужде ближних, к нужде ищущих, но не имеющих работы. Голодные подают заявление, вы же не считаете нужным ознакомиться с его содержанием и внимательно обсудить его.

Гучков об'являет перерыв... [1]).

Так сначала ответила московская дума, которая подносила иконы и складни Куропаткину и Скрыдлову, кубок кн. Долгорукову (ген. губ.), чествовала моряков «Варяга» и «Корейца», которая посылала сочувственную телеграмму вдове Плеве, ассигновала на войну миллион рублей, собранный с населения; та самая, которая, поблагодарив Дубасова после декабрьского усмирения: «всякий из нас готов положить на это дело все свое разумение, все свои силы», ассигновала 5.000 рублей в пользу воинских и полицейских чинов.

И в Харькове, где при прежних условиях давление на думу сломило бы ее, победа реакции сразу дала отпор [2]).

Обращались безработные в самарскую думу, ту, где купцы, отказываясь от должности городского головы, говорили: «Ну уж нет, покорно благодарим, каждый день в газетах кастелянят, мораль наводят... Всякого аппетита лишишься... А я человек сырой, мне спокой нужен... И потом я этих театров не люблю и... одним словом,—не желаю». Дело в том,

---

[1]) «Курьер», № 2.
[2]) «Волна», № 22.

что какой-то благотворительный комитет, решивши в свое время употребить на народные развлечения около 1.000.000 рублей, вошел вдуму с ходатайством об отводе ему безвозмездно места для постройки «народного дома», где можно было бы устраивать чтения, спектакли и пр. Вот это-то, можно сказать, двинуло думцев с места. Как!

— Город так много теряет от винной монополии, а тут еще место даром терять! Трактиров столько позакрыли, а ведь это денежки...

— Знаем мы эти театры да спектакли.

— Религиозность ослабляется...

— Нравственность притупляется...

Можно себе представить, какая встреча ожидала здесь безработных.

Роль ростовской городской думы обнаружилась в еще более ярком свете. Пока не была разгромлена комиссия о безработных местными самодержцами, дума еще проявляла склонность заняться вопросом. Городской голова внес поданное ему заявление об организации общественных работ на частное совещание гласных, удалив из залы заседаний репортеров местных газет. На собрании было решено отпустить на бесплатные столовые 5.000 руб. Если же ассигнованная сумма иссякнет, совещание решило обратиться к местным фабрикантам и заводчикам с просьбой о денежной помощи, а также и о возможном принятии к себе на заводы и фабрики безработных. Конечно, дальше этих благих пожеланий дать милостыню безработным дело не пошло. Но после ареста комиссии и разгона митинга финансовая комиссия думы решила, что заявление безработных не следует даже вносить на общее собрание думы, так как это заявление есть, собственно говоря, анонимное, ибо безработных в Ростове почти нет.

Решила и успокоилась [1]).

То же в киевской, тифлисской, батумской, полтавской думах. Являясь, с одной стороны, придатком бюрократического механизма со всей его мертвящей рутиной и формализмом, с другой—небольшой кучкой тех же агентов контр-революции, которые и лишают пролетариат куска хлеба, думы сразу даже не поняли, чего хочет от них безработный пролетариат. Живу-

[1]) «Вперед», № 8.

щие его трудом, сами не знающие труда, они сразу не поняли даже языка, которым с ними заговорил безработный труженик. В лучшем случае, они попытались завести речь о какой-то милости, о каком-то благоразумии, о всем том, о чем говорят благодетели всех стран, когда дело доходит до их карманов, но от чего так далек пролетариат, борющийся за права человека.

Чувство бессилия охватывает вас: кажется, нет той силы, которая в состоянии положить конец этому произволу. Ведь русская революция тем и отличается от предыдущих, что ей предшествовал период, до чрезвычайности усиливший государственный аппарат с его исполнительными центрами — полицией и войском. Он с неизменной последовательностью душил даже те начинания, из которых развивалась революция Европы.

IX.

Такое чувство не могло, не должно было иметь место при вдумчивом отношении к событиям. Уже то, что самые пароксизмы, потрясающие организм России, становились все острее и острее, было залогом скорого обновления. Не политика правительства определяет ход революции, а наоборот. Напрасно некоторые государственные деятели пытались уверить себя, что если бы Людовик XVI проявил большую смелость и большую лихость, то ему удалось бы избежать много из того, что случилось. Кто бы ни оказался на высоте, какие они планы ни создают, революция, этот творец, не знающий себе равного в истории, даже в хаосе переходного времени вносящий элемент порядка, даже в судорогах умирающего режима находящий себе точку опоры, сметет все, что против нее... Черпая свои вечно юные силы из того самого материала, которыми так не умеют пользоваться ни официальные и официозные астрологи, ни сами вершители судеб,—она расстраивает их энергию; взамен каждой снятой вождями реакции головы получаются сотни новых, еще более молодых, еще более свежих....

Старый режим еще не добили. Он еще жил, еще шевелился. Еще оставался весь механизм самодержавно-полицейского государства, которому не противопоставлена новая орга-

низация. Но в процессе лихорадочно бурного развития уже каждый камень, на котором держался этот режим, вопиял: долой колебание, долой трусов и лицемеров! Чем хуже, тем лучше! Чем безвыходнее и безвыходнее положение, тем ближе и ближе торжество народа...

Жизнь, сама жизнь учит, всегда учила пролетариат одному, что никто, как он, кузнец его судьбы, что освобождение его в его собственных руках... Даже на взносах, которые делали разные слои на безработных, сказался характер жертвующих. Рабочие, приказчики, служащие, даже дворники—кто из них может жертвовать из своих последних грошей—жертвуют от души. Именно из взносов своего же брата-пролетария составлялись крохи, которые еще оказывают кое-где поддержку.

А «отцы города», отдающие за границу заказы, отнятые у пролетариата,—посмотрите на ужимки, с которыми они «благодетельствуют» его!..

Как известно, как ни скрывались «отцы» в укромных кабинетах своих пышных домов, как ни отворачивались от хода событий, они, в конце-концов, должны были принять безработных и в Петербурге, и в Москве, и в Харькове, и пр. И не только принять, но и ответить самыми решительными обещаниями. Не скажу, чтобы депутаты и во второй раз были встречены приветливо в Петербурге: гл. Красовский прямо заявил, что он протестует против предоставления делегатам от рабочих, участвующих в комиссии, права решающего голоса. Нельзя допустить,—говорил Красовский,—чтобы городскими деньгами распоряжались «посторонние лица». То же Говорили гласные Никитин, Тарасов и т. п. Тем не менее, в конце-концов, безработные добились и довольно значительных ассигновок на столовые, и довольно значительных квартирных сумм, и возможности, одно время, собраний и регистрации безработицы. Все это реальные результаты.

Петербургские гласные, «прибыв», наконец, и «обсудив», чем накормить 40.000 голодающих «братцев рабочих», решили купить себе «успокоение» на этот раз уже не фальшивыми цифрами гл. Оппенгейма, а несколькими стами тысяч рублей. Так же было и в Москве. Конечно, и здесь, получив, наконец, через думского пристава приглашение в комиссию о «пользах

и нуждах общественных», делегация от безработных увидела, что никакой, в сущности, комиссии нет, что перед нею все тот же Гучков, предлагающий ей не употреблять «разных» социал-демократических терминов, в роде «эксплоататоры», «зубы заговаривайте», «чудаки» и пр. Тем не менее, проходит несколько дней, и московская дума делает ассигновки на столовые, на помещение, «постановляет» немедленно организовать помощь населению. Оказывается, думцы говорят уже, что прежде всего нужно «не итти по дорожке благотворительности, нежелательной для рабочих» [1]).

В чем же дело?

Дело в том, что рабочие знали наперед, с кем они имеют дело. Не «просить» шли они с самого начала в столь успевшее зарекомендовать себя учреждение. Они с самого начала «сами решили себе помочь».

— Мы ничего не просим от вас,—говорили петербужцы,— мы требуем своего права: нам принадлежат те средства, которыми вы распоряжаетесь... Нам поручено настаивать на выполнении нашего требования. На меньшем масса, пославшая нас, не согласна мириться. Если вы не исполните наших требований, мы передадим ваш ответ безработным, и вам придется тогда говорить уже не с нами, но со всей пославшей нас массой... Мы дольше ждать не можем и готовы на все [2]).

Не менее сознательно выступил московский пролетариат.

— Мы не просим милости, не к доброму сердцу взываем. Мы пришли к вам не как к благотворителям,—звучало в думе.

— Господа гласные, голодный не может ждать. А за нами многотысячная толпа московских рабочих, каждый из которых может завтра же очутиться в нашем положении. Ни в каком случае не откладывайте дела в долгий ящик, не думайте стать на путь двусмысленных обещаний и проволочек [3]).

Дело в том, что это движение является даже не движением просто безработных, а сигналом общепролетарского движения, началом нового под'ема: за депутациями стояли уже не разрозненные массы, а учреждения, которым предстояло сыграть крупную роль в возникающем конфликте.

---

[1]) «Светоч», № 7.
[2]) «Речь», от 12 апреля.
[3]) «Светоч», № 6.

Да, безработные организовались, и организация крепла настолько быстро, стихийно, что постороннему глазу оставалось только следить за результатом роста. Не усилиями какой-либо партийной группы, не частной инициативой, зародившись в голове некоторых рабочих, она выросла силой обстоятельств, скрытой силой народного брожения. При невеселых обстоятельствах началось это движение. После декабря месяца одна организация уже была разгромлена. Депутаты либо рассажены по тюрьмам, либо выброшены на улицу. «Исполнительный Комитет» перешел в подполье. Но так—во всех революциях. Как тяжесть борьбы ни падает на плечи пролетариата, как голод и безработица ни являются ему наградой, все же, оглядываясь назад, видишь одно, что, каковы бы ни были все бедствия, они ни разу не были в силах потушить тот священный огонь, которому приносятся все эти жертвы. Хищный ветер только разносил искры, которые лишь, повидимому, пропадали, а на самом деле, еще более распространялись по краю. Вот это-то заставляло чувствовать ту связь, какая существует между движением и пролетариатом, всегда живой, всегда побеждающей жизнью народной, быть уверенным, что то, к чему так страстно тянутся руки измученных и истерзанных людей, дает неистребимый плод.

Перед нами новые советы рабочих депутатов. Совет безработных существует не только в Петербурге и Москве. Он образовался в целом ряде городов: Харькове, Киеве, Полтаве, Баку, Батуме, Екатеринославе, Ростове даже Кронштадте и т. д. Вот сведения о числе организованных в петербургский совет и о его распределении по районам. Первоначально в нем было до 30 депутатов. Затем, уже спустя несколько недель, мы видим такую картину:

Городской	район . . .	2.500 организов. безработных.
Нарвский	» . . .	4.796 » »
Московский	» . . .	3.496 » »
Невский	» . . .	2.000 » »
Выборгский	» . . .	1.800 » »
Петербургск.	» . . .	1.067 » »

Т.-е. из общего числа 42.000 безработных почти половина—19.659 человек—уже об'единена и заявляет, как организация, о том праве, без удовлетворения которого ее член обречен на голодную смерть, готова бороться до последней капли крови... Затем уже мы видим представительство от 90—100 тысяч человек. Конечно, благодаря полицейским условиям, выборы производились в крайне ненормальных условиях, преимущественно в тех столовых, которые кое-где уцелели от разгрома; выборы были не полны, так как в этих столовых кормится только часть рабочих. Агитации мешали и черносотенные организации, терроризирующие население. Но, тем не менее, работа шла. Если не все предприятия представлены в совете, то районные советы уже сформировались везде. Во всяком случае, организация росла не с меньшей быстротой, чем количество расчитанных, уволенных, выброшенных на улицу.

Она пыталась всякую связь использовать в интересах своего упрочения. Так, она добилась от думской комиссии, во-первых, чтобы были устроены во всех районах собрания безработных для более правильных выборов, во-вторых, чтобы от имени ее были разосланы по всем фабрикам и заводам особые листы с приглашением к заводской администрации не препятствовать рабочим в выборах представителей. Таким путем совет думал превратиться в легальную массовую организацию. Естественно, дума очень быстро хватилась, тем более полиция, которая произвела обыск и арестовала всех присутствующих в помещении, где, по ее сведениям, должна была собраться депутация от безработных. Градоначальник даже разослал по всем фабрикам и заводам распоряжение, чтобы никакие выборы безработных не допускались. Но давно сказано, что никакие декреты не в состоянии отменить того, что подготовила сама жизнь. Во-первых, приглашения по заводам уже были разосланы, во-вторых, совет держал настолько ухо востро, что придраться было прямо невозможно.

Мы только что сказали, что это не просто движение безработных. Да, безработные поняли, что, как ни важна такая организация, она не будет достаточно сильной, если будет изолирована от работающих, ибо интересы работающих в революционный момент более тождественны, чем когда-либо, с интересами безработных: каждый работающий в каждый

данный момент может превратиться в безработного. Что, в сущности, отстаивают рабочие, требуя восьмичасового рабочего дня, как не интересы безработного? Единство интересов и делало необходимым введение в совет тех представителей от рабочих, которых мы и видим в нем, тот обмен мыслей, который мы и находим в воззваниях тех и других.

Вот, что говорит воззвание к фабрикам и заводам, выпущенное при посредстве Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П.: «У нас одних недостаточно сил. Вы все должны помочь нам, товарищи! Вас больше, вы не так истощены, как мы. Неужели же вы не поддержите нас! Неужели исчезла та солидарность, которая связывала до сих пор всех нас? Нет, товарищи! Наверное, не много найдется среди петербургских рабочих таких, которые могли бы в это страшно тяжелое для нас время спокойно проводить праздники, не думая о голодающих безработных товарищах. Без вашей готовности поддержать нас, товарищи, без вашей помощи, нам не выйти из нынешнего невыносимого положения. Но если мы все заявим наше общее требование так же дружно, как дружно действовали мы до сих пор, то наше требование будет исполнено. Ваш долг, товарищи, помочь нам. Соединяйтесь же с нами»... [1]). А вот, что ответили совету рабочие Петербурга: «Мы, рабочие, выражаем свою полную солидарность с общими требованиями рабочих, пред'явленными безработными товарищами к городской думе. Мы считаем, что эти требования выражают насущные интересы всех рабочих, как тех, которые страдают теперь от безработицы, так и тех, которые живут под постоянным гнетом опасности вылететь на мостовую. Мы будем бороться за общие требования рабочих со всей энергией, со всей солидарностью, которая всегда составляла нашу главную силу» [2]). Рабочие Москвы, в свою очередь, подтвердили, что безработный пролетариат составляет лишь часть российского пролетариата, что движение их—часть общепролетарского движения, а поэтому только тогда безработные добьются удовлетворения своих требований, когда деятельность их организаций будет тесно связана с деятельностью организации работающих. Они клянутся, что «в борьбе безработных за их требования они будут

[1]) «Речь», от 10 апреля.
[2]) «Двадцатый Век», № 14

поддерживать безработных до конца»[1]). Так в свет безработных вошли представители как безработных, так и работающих. Все заводы, все фабрики выбрали представителей. От безработных; выборы производились порайонно, по одному выборному на 150 безработных, предположенных в каждом районе. От работающих выборы производились по заводам, при расчете одного представителя на 500 человек, при чем право представительства сохранено и за предприятиями, имеющими меньше 500 рабочих. Все выборные каждого района составляют районный совет, совершенно самостоятельно ведущий дела своего района, конечно, при руководстве указаниями общего совета, который состоит из всех районных советов, вместе взятых, собирается раз в неделю и решает все вопросы тактики и организации. Он же выбирает исполнительный комитет—24 чел., по 3 от каждого района (район профессиональных союзов имеет в нем особое представительство), который приводит в исполнение резолюции совета, подготовляя общие собрания, об'единяя работу в отдельных районах и руководя сношениями с думской комиссией.

Совет переносит центр тяжести, с одной стороны, в районы, с другой—в исполнительный комитет.

«Пролетариат для борьбы за все свои классовые цели,—читаем мы,—нуждается в массовой открытой организации. Всякая организация пролетариата, на почве какого бы лозунга она ни складывалась, всегда послужит в руках рабочих оружием для борьбы за все его цели. И петербургский пролетариат, стоя пред лицом великих событий, особенно настоятельно нуждается в массовой организации».

X.

Совет не является «Комиссией о безработных». Мелкая помощь, как ни остро дело,—не главная задача совета. Да если бы он и хотел оказать ее, то как бы он мог это сделать? Бесспорно, упорядочение продовольственного дела поглощало массу внимания в районах. Вслед за вопросом о столовых, выступил вопрос о квартирах, ломбардах, о денежной помо-

[1]) «Светоч», № 4.

щи,—но укажите ту резолюцию, которая бы не указывала на крайнюю мизерность думских ассигновок!

Частных пожертвований мало; за весь март, например, в комитет безработных поступило всего 5.512 руб. 67 коп.; а между тем, месяц обходится в 20.000 руб., даже, принимая во внимание, что оказывается поддержка только рабочим, уволенным за последние забастовки; о тех же, у которых нет работы год или больше, не может быть и речи. Вследствие сокращения пожертвований закрылась столовая за Нарвской заставой; другая столовая по Петергофскому шоссе хотя и не прекратила еще отпуск обедов, но уже сдает помещение. На Выборгской стороне прекращена деятельность столовых вследствие того же. Словом, несомненно, сделано большое дело: путем этой мелкой экономической помощи предотвращена одна из самых крупных стихийных вспышек, какая когда-либо подготовлялась в Петербурге. Но все же, в общем, нет средств. Поневоле внимание руководителей все более и более направляется в ту сторону, куда так неотразимо влечет...

Поневоле в совете все более получает преобладание политический момент, стремление выйти из экономических рамок. Образуется трудовая группа в гос. думе—совет безработных передает ей следующее заявление: «Не являясь партийной организацией,—читаем мы,— совет безработных представляет собой выборный совет петербургского пролетариата, готовый по первому призыву массы принять на себя руководство борьбой петербургского рабочего класса за все выставленные им требования. Так как эти требования общие у рабочих и крестьян, так как в борьбе за них рабочие нуждаются в поддержке со стороны деревни, а крестьяне—в помощи со стороны рабочей армии, армии фабрик и заводов, то совет безработных считает необходимым установить связь с выборными представителями от крестьян в государственной думе. Совет безработных просит у крестьянских депутатов поддержки требованиям рабочих, поддержки, которой рабочие не могут ожидать от трусливой буржуазной партии конституционалистов-демократов. С своей же стороны совет, как организация петербургских рабочих, предлагает крестьянским депутатам свою поддержку на случай их резкого революционного конфликта с противонародным правительством».

Рабочие-депутаты в государственной думе выступают с манифестом—опять видим горячий отклик:

«Петербургский с. б.,—читаем мы,— горячо приветствует товарищей-рабочих, защищающих в буржуазной думе права и интересы пролетариата; приветствует их попытку стать на единственный правильный путь, ведущий к учредительному собранию, на революционный путь обращения к народу, без поддержки которого дума не имеет и не может иметь никакой силы. Стойте твердо, товарищи, на этом пути. Не давайте совлечь себя с него либералам, боящимся народа и старающимся увлечь думу на скользкий путь переговоров с правительством.

Стойте твердо на своем пути и употребите все усилия, чтобы и крестьянские депутаты шли с вами. Знайте, что каждый революционный шаг, сделанный вами в госуд. думе под знаменем великих народных требований: полная амнистия для всех борцов за свободу, учредительное собрание, земля для крестьян, 8-час. раб. день пролетариата и воля для всего народа, каждый ваш революционный шаг будет радостно встречен всем пролетариатом и поддержан им.

«Петербургский с. б. вместе с вами предостерегает рабочих от провокации со стороны правительства. Провокация окружает нас со всех сторон, но она не заставит нас забыть о той цели, для которой должен беречь свои силы пролетариат.

Смело боритесь, товарищи-депутаты, за эту цель, и тогда в решительный момент весь пролетариат, весь народ будет с вами».

Требуя амнистии борцам, протестуя против смертной казни, белостокского погрома, постановляя, что высылка безработных есть новое издевательство над рабочим классом, совет увольняет из своих столовых всех лиц, замеченных в черносотенстве, как служителей темной силы, гнетущей весь русский народ, а в особенности рабочих и крестьян.

Едва ли мы ошибаемся, если скажем, что одной из главных задач совета безработных является именно агитация, под'ем общей волны политической жизни фабрик и заводов. На заседании 22 мая, когда из речей ораторов выяснилось, что совет чересчур много сил уделяет мелочам, он прямо постановил организовывать возможно чаще совместные собрания без-

работных с работающими, устраивать от имени совета митинги, приглашать на них депутатов государственной думы и пр. Действительно, в самых разнообразных кварталах, даже там, где до сих пор еще не раздавалось агитационное слово, устраиваются митинги по инициативе совета, которому митинги тем более на-руку, что они являются лучшим способом выбрать представителей. Агитация ведется энергично, чувствуется, как с каждым днем пролетариат просыпается, поднимается на новую работу, то отказываясь от сверхурочных часов и праздничных работ до тех пор, пока не будут приняты выброшенные товарищи (такое требование выставлено сперва в сборной и пригоночной, потом под'емной и обойной мастерских Варшавской железной дороги, на Петербургском металлическом заводе, на Обуховском заводе и пр.) [1]), то обращаясь к администрации с прямым требованием принять обратно товарищей, уволенных за октябрьскую забастовку (на ситценабивной фабрике Воронина).

Чтобы получить представление о том, как совет добивается того права, без осуществления которого невозможно и самое дело его, посмотрите только на эти митинги, происходящие вопреки всем рогаткам, расставленным полицией, почти каждый день. По окончании работ рабочие останавливаются у ворот, а в это время выступает какой-нибудь оратор. После двух-трех речей читается доклад по истории возникновения безработных, прочитывается воззвание безработных «к работающим рабочим в настоящее время», резолюция о поддержании их в борьбе с думой... Опять начинаются речи и т. д.

Во время проводов безработных, высылаемых административным порядком, подносятся цветы, на которых красуется красный флаг с революционными надписями, поются революционные песни и пр.

---

[1]) Воззвание, с которым обратились рабочие Путиловского завода: «Товарищи рабочие! Положение безработных становится с каждым днем все безвыходнее, нужда усиливается, а помощи ждать неоткуда. Поможем же мы нашим братьям, поддержим их, чем можем. У нас нет ничего, кроме рабочих рук. Покажем, что эти рабочие руки умеют добывать не только прибавочную стоимость для капиталистов, но и насущный хлеб для своих нуждающихся товарищей. Хозяева заставляют нас работать сверхурочные часы, будем бороться против этого и настаивать, чтобы безработные, выброшенные на улицу, исполняли эту сверхурочную работу. Если мы этого не сможем добиться, мы должны повести широкую агитацию среди своих товарищей за то, чтобы вся плата или хотя бы большая часть платы за сверхурочные работы отчислялась в пользу безработных».

Вот образчик. Балтийский завод. Митинг безработных. Вся улица запружена рабочими. Извозчики, моторы, прохожие останавливаются, ждут конца... Никто не решается нарушить этой стройной и грозной картины. Даже казачий раз'езд, подскакавший к собравшимся, тотчас же уехал обратно. «Товарищи-безработные голодают!» — вот общее выражение настроения всех собравшихся. Оратор говорил немного и недолго. Но не в речи оратора была главная суть: она заключалась в настроении пятитысячной массы, в ее желании «помочь», «не оставить», «поддержать». «Словно из мертвых воскресли»,—заявляли рабочие, видя в этом митинге начало новых дней свободы. Вся масса двинулась с пением марсельезы по улице. До самой гавани рабочие шли с песней, заявляя твердое желание поддержать безработных. И таковы все митинги.

1-го июня безработные, подойдя к вагонным мастерским, выбросили красный флаг и запели марсельезу. 26 апреля на заводе Линфих рабочие, выходя из завода, устроили у ворот митинг. Ораторы - рабочие об'яснили цель и значение совета безработных; выслушав речи, рабочие единогласно решили выбрать депутатов в него. Во время митинга хозяин завода звонил по телефону и звал городовых, чтобы разогнать митинг, но все его мольбы остались тщетными. В тот же день на Выборгской стороне по окончании работ рабочие трех заводов—Мальцева, Лебедева и Шау—устроили митинг. Выступали ораторы с.-д., говорившие о совете безработных. На митинге присутствовало свыше 500 человек. 4-го мая рабочие около дома Нобеля устроили демонстрацию. Митинг был не разрешен. Тогда оскорбленные в своем человеческом достоинстве, изголодавшиеся от безработицы, изнуренные люди, видя, что масса все-таки значительно редеет, и зная о казаках, несущихся уже по Московскому шоссе, решили устроить митинг на поле по Лиговке, близ полотна железной дороги. В митинге приняли участие человек 400—500. В кратких речах ораторы-безработные выяснили товарищам наиболее важные из очередных задач, произвели необходимые выборы и решили перенести несостоявшееся общее собрание на другой день. Затем в горячих речах воздали, кому следует, должное, и общей дружной массой с красным флагом, сорванным с тендера проходившего товарного паровоза, и с пением революционных песен прошли по Лиговке вплоть до Московской заставы... 11 мая

состоялся митинг безработных в доме Нобеля. 8-го мая за Невской заставой в каменном театре состоялся митинг безработных. Целый ряд ораторов выяснял настоящее положение безработных в Петербурге, значение безработицы вообще. Во время речей ораторов «бдительный» помощник пристава несколько раз останавливал их, указывая на то, что говорящий уклоняется от темы; таких предостережений было два, после третьего собрание должно было быть закрыто. Но полиция запоздала: собрание все-таки успело вынести резолюцию о «созыве учредительного собрания на основе четырех-членной формулы». Пристав попытался - было арестовать предложившего эту резолюцию, но, в виду протестов публики, вынужден был удовлетвориться одним лишь арестом оратора.

Голод об'единил... Люди долго молчали... И вот они сбрасывают с своих плеч гнет давящих их уз; раздается властный голос по всей стране: «Довольно! Пролетариату не нужно подачки. Пролетариат требует того, на что он имеет право, что создано его собственными руками».

То же на Александровском заводе, на заводах Гейслера, Сименса-Гальске, на фабрике «Прогресс», на фабриках Хаймовича, Посселя, Винклера и др.,—вопреки пехоте и коннице, расставленной в районе Черной речки, вопреки усиленным патрулям, раз'езжающим на Выборгской стороне прямо с походными кухнями, так что слухам о военном положении невольно верится, молодцам-казакам, осматривающим каждого «подозрительного» прохожего за Невской заставой, и пр. То же на московских фабриках и заводах, среди наборщиков, брошюровщиков, переплетчиков. И московский совет не дремлет. То же в провинции. Так, связь безработных и работающих крепнет.

Так совет пытался организовать пролетариат, как класс. Митинги организовываются прямо при участии районных комитетов с.-д. партии, и совет все время следует ее директивам. Рабочие возбуждены. Готовые выступить на защиту безработных, они мужают, крепнут на этих митингах, выдвигают новых вожаков. Чувствуется, что организация выступает не во имя, а во главе пролетариата, что движение становится массовым не в смысле простого количества охваченных им сил, а в том, что оно всей массой, как класс, опять готово следовать за своим авангардом, участвуя в каждом крупном акте

политической жизни, сталкиваясь на практике с самыми различными общественными течениями; что закладывается шаг за шагом фундамент нового социального конфликта; что каковы бы ни были тучи, собравшиеся на горизонте, эти небывалые репрессии, которые предприняты по отношению к друзьям народа, самое движение не потушить. Движение, как всегда—как это мы видим в других странах аналогичного типа развития—выходит из борьбы лишь еще более об'единенным, еще более искушенным опытом... Одно из двух—или неизбежная смерть—и тогда остается лишь прямо смотреть в глаза надвигающейся судьбе—или жизнь, та жизнь, которой живет все культурное общество, кроме Китая и Турции. Другого исхода нет и не может быть.

И если эти тысячи лишенных куска хлеба, доведенных до отчаяния, тысячи, у которых там, на задворках фабрик, на окраинах квартала города «с голода плачут дети, и голодные, оборванные жены не знают, как унять ненасытный голод», уже вызвали конницу, пехоту, походные кухни, то могли ли гг. Красовские и Гучковы, когда рабочие явились второй раз, держать себя так, как если бы перед ними стоял тот же гл. Оппенгейм со своей комиссией и своими цифрами...

— Мы требуем не подаяния, а своего права,—повторяли петербуржцы,—и не удовлетворимся какой-нибудь подачкой... [1]).

— Мы ничего не просим у вас, мы требуем. Мы считаем, что нам принадлежат по праву все те деньги, которыми вы распоряжаетесь.

— Их много у вас, но вы тратите их непроизводительно, часто не на пользу, а во вред населению: не далее, как несколько дней тому назад,—звучало в московской думе,—вы ассигновали полтораста тысяч рублей на квартиры городовым и об'явили неотложным делом вопрос о квартирах для околоточных. И это в ту пору, когда вся городская беднота терпела такую острую нужду... [2]).

Да, петербургский градоначальник, заявивший, что постановление думы об отчислении 500.000 на нужды безработ-

---

[1]) «Речь», от 12 апреля.
[2]) «Светоч», № 6.

ных состоялось под прямым давлением рабочих, которые, мол, захватили места гласных, вели себя вызывающе и пр., был прав: слова рабочих звучали, как удар молота, и в Петербурге, и Москве. Это было завоевание безработных, ибо никакого иного ответа «отцы города» дать не могли, если бы и хотели. Пусть совет безработных опровергал с неизменной настойчивостью все провокационные слухи о том, будто он приглашает массы к выступлениям. Он совершенно верно указывал, что безработица тесно связана с общим политическим положением страны, что поэтому самостоятельное выступление нецелесообразно. Ничего подобного не происходило ни в общем совете, ни в районных комитетах. Но давно известно, что при той стихийности, с которой бродящие недовольством массы воспринимают агитационные идеи, движение, сплошь-и-рядом, не выдерживает характера, превращаясь в ряд вспышек, нисколько не вытекающих из этой агитации. Так увильнуть можно раз, можно два, но третий раз... Как бы не пришлось худо в третий раз...

XI.

Думы устроили столовые, выдали квартирные ссуды, облегчили ломбардную нужду—неужели таковы главные требования безработного пролетариата? Нет, думы этими подачками хотели только заткнуть глотку безработным, заставить забыть главное общественное требование—общественные работы. Организация общественных работ—вот требование, которое, в противоположность частным мерам, тем ярче вскрывает перед нами контр-революционные замыслы домовладельцев и фабрикантов, чем с большим сознанием пролетариат его выставляет.

Но посмотрим сперва, как самое требование обставляется советами, как должно его обставлять.

В Москве еще с февраля 1906 г. зародилась мысль об общественных работах. Сначала эта мысль не нашла широкого отклика здесь благодаря тому, что у массы безработных все еще была надежда на то, что после пасхи спрос на рабочие руки повысится. Пасха прошла. Нужда не только не уменьшилась, но обострилась, и вот, когда в апреле месяце московские партийные организации обратились к безработным с воз-

званием организоваться на почве требования общественных работ, это обращение встретило самый горячий отклик. Везде и всюду стал обсуждаться этот вопрос—на массовках, в столовых, на фабриках и заводах. Еще раньше был подхвачен этот лозунг в Петербурге, где он был брошен в январе с.-д. партией. Здесь вопрос даже сразу принял конкретную форму: послать депутацию в думу, а затем всем вместе итти [1]).

«Мы отчаялись уже дожидаться,—читаем мы,—пока хозяева надумают открыть заводы или расширить производство. Мы решили сами помочь себе. Мы решили требовать от города устройства общественных работ для всех безработных. Другого выхода из нашего положения нет, а дальше оставаться в нынешнем положении мы не можем».

Дело в том, что проникшие слухи о городских заказах, отдаваемых думой за границу, сразу взволновали массу.

Была составлена петиция, которую читали вслух во всех столовых, которая, как известно, и повела к избранию комиссии из 12 гласных для организации работ после кратких, но крайне резких пререканий, даже принявшей на равных правах 12 представителей от рабочих и 5—от центрального бюро профессиональных союзов.

Совет, как-будто одержав победу не только в частностях, так формулировал свое основное требование:

1) Все городские заказы останутся в городе и будут переданы петербургским безработным.

2) Всем безработным будет доставлена работа.

3) Немедленно учреждается комиссия из равного числа гласных думы и представителей от безработных, которая и должна разработать в недельный срок вопрос об организации работ и передачи их безработным.

Кроме того: 1) земляные работы должны быть переданы артелям безработных; 2) технические работы должны быть переданы на петербургские заводы на условиях, обеспечивающих интересы безработных; 3) условия могут быть установле-

[1]) Текст листов, пущенных по столовым для подписей:

«В виду того, что в настоящем промышленном кризисе виноваты правящие классы, в виду того, что многие из нас лишены работы за то, что мы добивались свободы всему народу, мы требуем от думы и Петербурга немедленно работы; мы требуем, чтобы те миллионы общественных денег, которые находятся в распоряжении думы, были употреблены на организацию общественных работ. Безработные г. Петербурга».

ны включением в контракты, заключаемые между заводчиком и городом, следующих пунктов: а) для выполнения таких-то заказов заводчик обязан принять на работу всех расчитанных за такой-то срок рабочих; б) до окончательного выполнения этих заказов заводчик обязуется не сокращать числа рабочих, и т. д.

Таковы требования, выставленные и безработными Киева, и безработными Полтавы, и в Екатеринославе, и в Ростове—всюду, где лишь успели образоваться советы безработных...

Товарищи,—несется и из Ростова, и из Киева, и из Екатеринослава,—пятый месяц мы сидим без работы!

Довольно мы ждали, довольно сносили нищету и унижения, довольно целые дни проводили перед конторой и у фабричных ворот в ожидании, что нам предложат работу. В руках думы миллионы общественных денег. Что же она делает на них? На эти деньги дума предпринимает работы, но достаются они не нам, а идут за границу. Довольно! Мы считаем такое распоряжение общественными деньгами со стороны гласных недопустимым. Общественные деньги должны итти на общественные нужды, а наша нужда теперь—работа. Мы требуем, чтобы городская дума устроила общественные работы для всех нуждающихся: в настоящий момент организация пролетариата на почве революционного лозунга невозможна. Наоборот, лозунг общественных работ настолько доступен самой широкой массе, что на почве его легко об'единить всех рабочих в общем стремлении...

Правильна ли была такая постановка дела?

Без сомнения, как интерес дня, это было лучшее, что можно было выставить. Правительство обязалось, по условиям внешнего займа, дать Австрии и Франции ряд заказов. Если же для Австрии и Франции нашлась работа, то она должна найтись и для русского рабочего. Тем более общественные работы. Как ни ничтожно значение так называемых буржуазных паллиативов, как ни невозможно существенное улучшение рабочего существования в рамках капиталистического общества, рабочие все же имели не меньшее право на городские средства, чем Красовские и Гучковы. Нужно было только, чтобы организуемые работы не носили того характера, который, напр., реакция придала им в 48 г., когда заводчики

и оптовые торговцы спускали свои произведения по баснословно низким ценам только для того, чтобы продукты национальных мастерских не находили покупателей, и потом кричали о тех высоких приплатах, которые приходится делать государству для поддержания мастерских, а в самом управлении мастерскими денежные средства, сами по себе ничтожные, тратились с такой расточительностью, что рабочим ничего не оставалось, как... выйти на улицу... Во всех странах Европы предпринимаются как государством, так и органами местного управления специальные работы для борьбы с безработицей. Но не всюду работы одинаково организованы. Только там, где рабочее движение достигло известной высоты, где рабочий окружил себя рядом учреждений, пользующихся авторитетом, эти работы поставлены более или менее целесообразно. Там же, где полицейское государство дает себя еще знать на каждом шагу, где всякое представительство есть прежде всего представительство буржуазии, где движение пролетариата носит еще на себе все следы первых шагов,—там общественные работы являются простым актом благотворительности, не более. Вот почему, напр., лучшая часть германских рабочих, даже несмотря на крайнюю нужду, отказывалась в свое время принимать участие в организованных муниципалитетом работах. Деятельная борьба требуется, большая настойчивость, чтобы работы не приняли характер крайне ограниченный, отражающий все эксплоататорские замашки буржуазии, чтобы эти работы не выродились в провокацию, как это было в 48 г., или в простую эксплоатацию рабочей силы, как это сплошь и рядом бывает там, где городское управление находится в руках крупной буржуазии. Пролетариат должен помнить, что общественные и государственные учреждения являются ничем иным, как отражением того соотношения сил, какое имеется вообще в стране. Поэтому влияние свое он может увеличить только через организацию, только через контроль, добившись, чтобы работы были организованы на демократических началах, при участии в заведывании представителей безработных; чтобы все средства, которые будут отпущены городом в помощь безработным, находились под его непосредственным контролем; чтобы постройка биржи труда, столь необходимой для организации посредничества между спросом и предложением, была включена в число работ первой очереди; чтобы

наконец, работы были посвящены не украшению «главных улиц», и без того украшенных, а оздоровлению и улучшению кварталов, менее всего привлекающих в обычное время внимание «органов самоуправления».

Общественные работы являются одним из важнейших паллиативов. Тем больше значение их для Петербурга. Посмотрите, в самом деле, что делалось петербургской думой? Только половина всех петербургских квартир снабжена была водопроводами, другая же половина, населенная именно трудящимся людом, получала воду так, как она получалась сто лет назад. «Мне как-то не случалось встретить рабочего, — пишет один наблюдатель, — какой-либо петербургской окраины, который мог бы похвастать проведенным к нему водопроводом. Вода привозится водовозами или прямо из Невы, или из водокачалок, вливается в стоящий на дворе бак, в котором и без того вредная невская вода еще более загрязняется, и за эту воду квартирант платит домохозяину известную помесячную плату, которая не входит в размер квартирной платы» [1]). А очистка и поливка улиц—что уж говорить о канализации! Еще на богатых улицах город кое-как справляется, но на окраинах — в рабочих кварталах — можно смело сказать, уличная пыль, проникшая в легкие, довершает очень быстро тот процесс, который начинается в дымных мастерских. А скученность жилых помещений этих кварталов! Прямо поразителен процент смертности и в различных участках Петербурга. Оказывается, в кварталах с более зажиточным населением число смертей в 2—3 раза меньше, чем смертность кварталов, населенных по преимуществу пролетариатом,—вопрос, так или иначе, интересующий самоуправление всех стран. Но мало того.

У петербургской думы нашлись бы и другие работы, которыми можно доставить безработным заработок. Так, могли быть предприняты работы по сооружению двух больших мостов—Охтенского и Дворцового. Необходимы были обширные земляные насыпи в Галерной гавани. Решена была постройка Смоленского рынка, засыпка Екатерининского канала, проведение телефонной сети—все то, что гласные так любят «решать», когда чем-нибудь нужно показать свое попечение о

[1]) А. Б. «Городское самоуправление в России». Москва, 1905 г.

населении. Правда, в то время газеты сообщали, что такая, напр., крупная работа, как постройка электрического трамвая, в котором так нуждаются именно те кварталы, которые наименее благоустроены, откладывается. Градоначальник, мол, не разрешал приступить к работам по капитальному переустройству Полицейского моста через Мойку на том основании, что «всякие ямы, канавы и вообще обширные земляные работы, каковых будет довольно много при переустройстве полотна, могут оказаться опасными при народных беспорядках и способствовать устройству всяких баррикад и заграждений». Но не все же работы мог прекратить петербургский градоначальник...

Однако, хотя все это так, это требование отнюдь не выдвигалось на первый план.

В чем была специфическая сторона, характеризующая безработицу 1905—06 г.г.? Безработица обострялась именно провокаторской политикой буржуазии и правительства—тем, чему мы так много места уже посвятили. Чего не смогли сделать штыки, пулеметы, карательные отряды, должна доделать голодная смерть—такова система. Вот почему какова бы ни была ценность мероприятий, аналогичных приостановке заказов за границу, общественным работам, с точки зрения интереса дня, требование, которое пред'явил пролетариат буржуазии и правительству принципиально прежде всего, это уничтожение политики искусственного голода. Открыть все те казенные и частные заводы, в закрытии которых фабриканты шли рука-об-руку с бюрократией, вернуть всех тех сознательных борцов, которые, главным образом, и были выброшены с тем, чтобы наполнить кадры организации безработных,—вот лозунг, который был менее достижим, чем общественные работы, но имел среди рабочих больше всего сторонников. Так, выбранные от безработных Невского района на совещании 22 апреля отстаивали, что необходимо притти на помощь безработным не только устройством их на общественных работах, организуемых думой, но и путем давления работающих товарищей на заводскую и фабричную администрацию в целях обратного приема расчитанных. «Настоящий голод, так страшно бичующий рабочих,—говорил рабочий Куролович на собрании Колпинских безработных,—есть следствие двух враждебных рабочему сил. Самодержавно-бюрократический строй,

распатанный могучими ударами пролетариата, решил зло мстить ему за это. Он измором хочет обессилить пролетариат, и потому закрыл завод, сократил производство. Наша задача—сплотиться и выставить определенные требования. Пусть всех обратно примут на завод, распределив работу на каждого по 3—4 дня в неделю». Движение безработных ставило себе целью заставить буржуазию отдать то, что она взяла в дни поражения пролетариата. Тысячи рабочих не могут получить работу на общественных работах. Они должны ее получить там, где они работали раньше... Это, конечно, один из лозунгов, так как дело в общей политической кон'юнктуре момента, лозунг этот неотделим от того, что говорили своей резолюцией рабочие трубочного завода: «Обязуясь поддерживать безработных в их требованиях, группа рабочих заявляет, что долг гражданина, стремящегося к улучшению жизни родины, обязывает сказать стране: всеобщее избирательное право и да здравствует право, правда и свобода». В связи с ним стоит и восьмичасовой рабочий день — одно из важнейших средств борьбы с безработицей,—и уничтожение сверхурочных работ, и обязательность воскресного отдыха, и запрещение ночного труда—все то, за что так борются сейчас сами рабочие.

Кроме того:

1) государственное страхование рабочих;
2) полное право коалиций;
3) законодательная охрана труда и пр.

XII.

Вот основное требование совета. Вот детали, которыми необходимо его пополнить. В чем же сказалась природа думы, которая не только ассигновала 500.000 руб. на безработных, но, как мы видели, обещала выполнить и это основное требование? В том, что она не шла дальше частных ассигновок, не могла итти.

Не могла та же контр-революция, те же ее агенты, которые создают «искусственный» голод, заняться уничтожением его. О безработных говорят в 1906 г. в городской думе не более, чем в государственной. Прошло первое впечатление испуга, и вот что пришлось постановить совету безработных по отноше-

нию к либеральнейшему гласному: «Констатируя некорректное отношение г. Е. И. Кедрина к представителям безработных и профессиональных союзов в думской комиссии о безработных, совет безработных находит, что дальнейшее присутствие Кедрина в названной комиссии будет безусловно вредить деятельности и правильному ходу занятий по организации общественных работ».

Если так обстояло дело с либералами, то можно себе представить поведение петербургской думы вообще. Уже в то время, когда она одной рукой давала обещания безработным, она другой на городских водокачках об'являла расчет сотням рабочих за то, что они начали уходить на час раньше, требуя немедленного ответа на их требования; небезызвестный своими «цифрами» гласный Оппенгейм уже прямо уверял членов комиссии депутатов-рабочих, что немедленного устройства общественных работ нечего и ждать.

Дума признала, наконец, «безусловно затруднительным, почти невозможным скорое осуществление и оборудование предполагаемых мастерских». Она рвет и мечет по поводу того, что в проектируемом перечне имеется «много» таких, которые еще не подготовлены городским управлением. Она против взятия в аренду бездействующих частных заводов. Она полагает, что единственным родом работ, которые город мог бы предоставить безработным без значительного нарушения хозяйственных интересов города, являются земляные работы, требующие для своего осуществления преимущественно физического труда, «к которому в той или иной мере способны всякие профессиональные рабочие». Из них управа выдвигает на первый план поднятие Галерной гавани. Эти работы, мол, вместе с отпущенными уже крупными ассигнованиями на прокормление рабочих являются крайними ресурсами, которые город, при современном его положении, может употребить на дело помощи безработным. Дальнейшую заботу о положении рабочих, лишившихся заработка, вследствие весьма сложных причин государственного характера, «должно принять правительство».

Так заявляла управа, ассигнуя в то же время разные суммы на то, чтобы заткнуть рот рабочим.

Предоставим же слово безработным. Как относились к этой благотворительности они? Могли ли они не понимать, чего дума этими подачками хочет достигнуть? Нельзя не сказать в заключение: они не только понимали это, но и совершенно верную тактическую линию проводили. Заставить их забыть о требовании общественных работ! Нет, они отвергают бросамые думой подачки, они подчеркивают, что, кроме квартир, им нужен все-таки хлеб, т.-е. немедленная организация общественных работ. Если уж говорить о ломбардных долгах, о возврате заложенных в ломбардах вещей, всего скарба рабочих, часто и тех орудий труда, без которых они не могут найти заработка, всего, что долголетним трудом заводили они себе, то... пусть городские ломбарды вернут голодающим все заложенные им вещи. Ведь имущество их, главным образом, заложено в городских ломбардах.

«Нет, безработица у нас, — говорили они, — обостряется причинами, не только глубоко коренящимися в существующем экономическом строе, но и теми общественно-политическими условиями нашей страны, которые довели ее до полного разорения; положение наше с каждым днем все больше ухудшается, и необходима радикальная помощь, между тем, деятельность думской комиссии не дала реальных результатов».

Так говорили безработные петербургского района. Безработные городского района, выслушав отчет представителей в совете безработных, обсудив вопросы: продовольственный, квартирный, ломбардный, больничный и др., приняли еще более яркую резолюцию: «Выражая доверие избранным представителям,—читаем мы,—поручаем им с большей энергией отстаивать наши интересы по организации общественных работ, чтобы скорее выйти из настоящего положения, когда на наши требования работ городская дума бросает нам милостыню и жалкие подачки. Мы, пролетарии, создатели всех богатств, не хотим жить благотворительностью, от кого бы она ни исходила, дабы никто не имел право бросить в наше честное пролетарское лицо упрека, что мы тунеядцы и паразиты. Мы, доставляющие нашим эксплоататорам всю роскошь, собственными руками хотим добывать черствый кусок хлеба. Работы безработным! Вот наш боевой клич, который собрал и сплотил в единую дружную армию всех безработных братьев. Этот клич будет раздаваться до тех пор, пока обещания обще-

ственных работ из слов не воплотятся в дело. Считая основной причиной безработицы капиталистический буржуазный строй, а современную остроту ее—следствием грабительской, насильнической политики современного бюрократического режима, разорившего крестьянство и обесправившего всю страну, мы рядом с лозунгом «общественных работ безработным» выставляем лозунги: всю власть и волю—народу и всю землю—крестьянам без выкупа; и вместе со всеми товарищами рабочими под общим знаменем будем бороться за наши требования: учредительного собрания, народной милиции, восьмичасового рабочего дня, полной амнистии для всех так называемых политических, аграрных и религиозных преступников. Что же касается наших ближайших требований, как безработных, мы настаиваем перед городской думой через своих представителей, чтобы были немедленно выданы заложенные вещи в ломбардах за счет города, которые крайне необходимы, чтобы усилена была квартирная, вещевая и больничная помощь, а также настаиваем на разрешении регулярных еженедельных собраний». То же в Василеостровском районе: «необходимо поспешить с организацией общественных работ, так как безработные хотят не милостыни, а работы». То же в Московском районе (где гл. Кедрин заявлял, что «общественные работы—утопия»), то же и в Выборгском.

Не менее категорична резолюция самого совета. Признавая, что задача его представителей в думской комиссии сводится к отстаиванию интересов рабочих в их требовании общественных работ и в выработке условий производства этих работ, но считая деятельность думы «несоответствующей ни данным ею обещаниям, ни пред'явленным рабочими требований», исполнительный комитет совета принял следующую резолюцию: «В случае резкого столкновения с городской думой, которое неизбежно при отказе осуществления намеченных требований, представители от безработных в думской комиссии, слагая с себя ответственность за последствия, могущие со стихийной силой вылиться, как результат безработицы и ее последствий—жгучей нужды, горя и слез,—порывают с городской думой лишь после того, как на то будет выражена воля совета безработных. В интересах организации пролетарских масс и для об'единения общего пролетарского движения, исполнительный комитет предлагает немедленно произвести

выборы депутатов в совет безработных на тех фабриках и заводах, которые еще не имеют своих представителей. Далее, признавая сословно-цензовый характер городской думы, являющейся сколком самодержавно-бюрократического строя, главной причиной замедления дел, организации общественных работ, так как в ней нет места представителям широких рабочих масс и городской бедноты—защитников их интересов,—и исходя из невозможности перестройки городского самоуправления на широких демократических началах без коренной ломки самодержавно-бюрократического аппарата,—исполнительный комитет указывает всей безработной массе на необходимость присоединения к борьбе за учредительное собрание, созванное на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права».

Надо ли что-либо добавлять? Движение безработных 1906—07 г.г. слилось с общепролетарским движением, руководилось его директивами: мы стояли накануне одного из крупнейших социальных конфликтов.

Правда, на этой почве стали прививаться разные опасные настроения. Так, в Москве,—как сообщал «Голос Труда», № 3,—развивались «анархистские тенденции». Под влиянием ужасной безработицы, чувства угнетения и отчаяния, началось увлечение новыми приемами борьбы. Говорилось об «экспроприациях», об ограблениях не только правительственных предприятий и банков, но частных контор и магазинов, даже частных лиц. Советы безработных боролись с такими настроениями, как только могли, и рабочие поняли всю опасность таких выступлений. «Только организация в состоянии предотвратить эксцессы всякого рода,—говорили и сами безработные.—Пусть плутократия, заседающая в наших думах, не хочет понять, что лучшая защита ее интересов—это культурная защита, что она сама превращает культурные приемы борьбы в дикие и некультурные, отказываясь признать все серьезное значение массовой безработицы,—подождем». Рабочий уже не стоял беззащитным, умирая от безработицы. Если промышленный расцвет укреплял его экономически, то годы кризиса укрепляли политически.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Государственная дума и безработица.

I.

Рядом с вопросом о голоде, наследии старой крепостнической России, перед думой стоял вопрос, критический и для буржуазных отношений—вопрос о безработице. Клич, раздавшийся в пролетарской среде, обращенный к народным избранникам, раздался так громко в пролетарских массах, в такой степени стал группировать их около себя, что отсрочка самой постановки вопроса имела бы не менее смысла, чем отсрочка вопроса о голоде.

Совет безработных, не входивший в партию в качестве ее составной части, но тесно с нею связанный, пытался связать себя еще с первой думой. Констатируя страшные бедствия безработицы, он обращался еще к ней: «доводя обо всем этом до сведения рабочих-депутатов государственной думы,— читаем мы в заявлении, поданном в социал-демократическую фракцию,—Петербургский совет безработных поручает им с высоты парламентской трибуны протестовать против отношения правительства и призывает их словом и делом помочь возникающим во всех городах России советам безработных в предпринятой ими борьбе с безработицей, столь тяжко гнетущей в настоящее время российский рабочий класс». Такое же заявление было передано трудовой группе. Но пролетарская фракция просуществовала 22 дня. Правда, трудовая группа образовалась несколько раньше социал-демократической, но заявления так и заглохли, не успев даже пробиться наружу потому, что были интересы, более близкие трудовикам, чем интересы безработного пролетариата.

Тем резче вопрос, наконец, стал. Среди множества наказов, обращенных к новой думе, требования безработных еще до ее открытия занимали солидное место. Так, в Петербурге готовилась особая петиция о выработке мер для борьбы с без-

работицей, под которой имелась масса подписей, не говоря о целом ряде наказов отдельных заводов в роде Путиловского, рабочих типографии Яблонского и пр. С такой же петицией обращались к своим избранникам 500 уволенных с патронного завода в Туле рабочих, готовилась петиция от профессиональных союзов. Если же так было уже тогда, то к тому времени, когда деп. Церетелли вынужден был заявить государственной думе, что, «если бы даже и были формальные основания отложить обсуждение вопроса, то откладывать все-равно не следует, ибо есть действительные, существенные основания его обсуждать немедленно [1]), обращение к думе вылилось в один могучий клич.

Конечно, безработные не имели своих голосов в думе. Как лишенные работы, они, по старому избирательному праву, не имели никаких избирательных прав. В рабочей курии они не могли участвовать. Что же касается квартирного ценза, то о нем еще менее могла быть речь, чем об участии в рабочей курии, так как редко-редко безработный в состоянии оплачивать угол—не то что комнату. Огромное большинство ютилось где-нибудь по ночлежкам. Между тем, ни комната, ни угол избирательного ценза не давали... Но дело безработных есть дело всего пролетариата. Не успеет рабочий поступить на место, как уже носятся слухи о новых расчетах, новых увольнениях, стирающих, наконец, всякую линию, отделяющую работающего от безработного. Естественно, безработные знали, что их заменят те депутаты, которых послал в думу работающий пролетариат, которые там и говорили не о безработных, в частности, а о рабочих вообще. «У нас голодает сейчас тот класс [2]),—говорил деп. Петров,—работой которого питается все государство». То же звучало в словах рабочего Белановского, начавшего свою речь с того, что он сам—рабочий и потому не может говорить так крепко, как о. Платон: «я скажу: голод не терпит, обратите великое внимание на рабочих,—предостерегал он,—они—сила большая, в их руках находится застой и расцвет всего производства, и если вы этого не сделаете, то поведете к кровопролитию...»

Дело безработных есть дело всего способного к политической деятельности пролетариата, и безработные, обращаясь с

[1]) «Речь», от 16 марта. «Госуд. дума», 1907 г.
[2]) Ibid.

своими наказами, рассчитывали на то давление, которое окажет на думу вся пролетарская фракция.

Далеки были они и от иллюзий в роде тех, что дума уничтожит причины безработицы; от той веры, которая еще недавно была так характерна для рабочего человека...

Едва ли хоть один рабочий задавался необычными надеждами, подписывая наказ депутатам, не знал, что государственная дума не более способна положить конец действиям голода, чем те городские думы, к которым он шел до тех пор. Но он понимал и то, какую огромную роль в его бедствии играли крепостнические аппетиты Столыпиных, те самые борьба с которыми в такой степени была в интересах всех оппозиционных партий вообще; насколько с этой точки зрения борьба с безработицей, без сомнения, была общим делом, делом всех, кому был ненавистен старый режим, кому, наоборот, дорого было развитие всех сил страны...

И если агитация и организация, как и во всех других случаях, являлись главным орудием думы, то, разумеется, рабочий не мог не ждать прежде всего от думы толчка к целому ряду практических попыток облегчить его нужду, но, вместе с тем, цель его была показать, «перед лицом всей России, всего мира, кто истинный виновник народного бедствия», показать, как говорил Джапаридзе в своей речи, «что правительство хочет, чтоб люди умирали с голоду, и что поэтому толкает их на эту дорогу...» [1]). Таков был смысл большинства наказов безработных...

Так подошел к думе безработный, наученный горьким опытом, истощенный холодом и голодом... Что же ответила, в свою очередь дума безработному?

Прежде чем перейти к вопросу, я должен сказать: настроение, царившее во время думских прений, было минорно.

Газета «Речь», развивавшая в своих передовицах ту мысль, что все партии, кроме партии к.-д., занимаются одними разговорами, недостойными государственной думы, об'ясняла это тем, что нить была брошена кадетами и, «брошенная ими, волочилась, не поднятая никем» [2]). Так ли было

---

[1]) Ibid.
[2]) «Речь», от 16 марта.

в самом деле? Не была ли она левыми не только поднята, но передана в твердые прямые руки?

Перейдем к самым прениям...

II.

В вопросе о безработице дума с самого начала раскололась на два лагеря, из которых правый мы должны назвать его настоящим именем—черносотенно-кадетским. Конечно, кадеты не стали срывать вопроса прямо, подобно Стаховичу, по мнению которого вопрос о безработных надо было снять с очереди «ради успеха работы государственной думы», но принципиальная близость кадета Кутлера и министра Философова в вопросе о безработице была ясна [1]). Что же собственно разделяло в думе кадетов, поддерживаемых правыми, от социал-демократов и народников?

Вопрос, выдвинутый левыми, был поставлен социал-демократической фракцией. «Мы, социал-демократы,—сказал Джапаридзе,—хорошо знаем, что безработица есть неизбежная спутница капиталистического производства». Анализируя причины безработицы, он и не думал отрицать тех экономических корней, которыми обусловлена она у нас. Но тем резче подчеркивал Джапаридзе, насколько безработица, угнетающая русский пролетариат, не есть всецело результат обстоятельств капиталистического производства. «Дело в том, что невозможное положение, созданное авантюристской политикой внутри и вне страны, заставило население России, как одного человека, восстать против своих вымогателей и стремиться пересоздать Россию на новых началах, более соответствующих интересам народа. Но правительство, защищая интересы бюрократии, землевладельцев и дворян, об'явило самую жесточайшую войну новым силам и всему русскому народу. После единодушного натиска 17 октября, когда правительство должно было уступить, чтобы не быть раздавленным,—констатировал оратор,—оно, пользуясь временным затишьем, временным отливом революции, старалось всеми си-

[1]) Недаром на страницах кадетского органа по этому вопросу было так мало единства.

лами раздавить и раз'единить народ: тут начинается кровавая месть за сделанные правительством по необходимости уступки». Удары правительства были, главным образом, направлены на рабочих и крестьян, идущих в первых рядах. Правительство стремилось специально создать такие условия, которые дезорганизовали бы рабочих, «искусственно вызвать голод, чтобы при помощи голода выбить из голов рабочих все социалистические увлечения» [1]).

Очевидно, что было нужно в интересах борьбы с безработицей с точки зрения социал-демократии. Необходимо расследование на местах, самым фактом которого уже «до некоторой степени будет положен предел наиболее диким направлениям преследования рабочих со стороны государства, общественных самоуправлений и частных предпринимателей, которые теперь, пользуясь мраком, окутывающим их действия, не знают удержу, не знают стеснения». Затем ряд мер для непосредственной помощи безработным, вынесшим на своих плечах всю страшную тяжесть освободительной борьбы.

Так стоял вопрос у социал-демократов. Теперь сопоставим с этим то, что отвечал им, с одной стороны, Философов, с другой—Кутлер и Струве.

Философов взглянул не «отвлеченно», а «с точки зрения целесообразности», находя, что гораздо легче «высокому собранию» докладывать «непроверенные» цифры, чем оценить всю ту готовность, с которой правительство идет навстречу безработным. Что касается расследования на местах, то он даже не стал тратить «лишних слов» для доказательства «незаконности» этого предложения, заметив лишь, что правительство убеждено, что государственная дума, сумевшая доказать своим голосованием по вопросу о продовольственной помощи, что она не идет на такого рода вызовы, и этот раз останется на высоте. Еще откровеннее то различие, которое министр провел между одними, страдающими от промышленного кризиса, и потому достойными его внимания, и другими, голодающими «по собственной воле», и потому внимания не заслуживающими. «Господа,—звучал голос министра,— правительство может итти на помощь безработным, когда идет вопрос о помощи безработным, не имеющим работы вслед-

[1]) «Речь», от 16 марта.

ствие промышленного кризиса или стихийных причин. Но когда поднимается вопрос о том, чтобы правительство, чтобы государство приходило на помощь безработным, страдающим от безработицы не вследствие неопреодолимых условий, а по собственной воле—от забастовок, то я должен заявить, что правительство на такого рода ассигновки не пойдет никогда»...

Кажется, достаточно и откровенности, и твердости, и определенности после... речи деп. Джапаридзе... Какую же позицию заняли кадеты, которые, как известно, обычно старались занять среднюю позицию, третью. Даже в бюджетном вопросе, каково бы ни было самое решение, к которому они склонялись, постановку, какую они дали вопросу, отнюдь нельзя назвать черносотенной. Совершенно иное здесь—в вопросе о борьбе с безработицей.

Как и министр, Н. Н. Кутлер с самого начала заявил, что партия народной свободы отказывается от фантазий, стремясь избегнуть «длинных и неопределенных прений, вроде происходивших по однородному вопросу о продовольственной помощи». Партия оправдала ожидание министра в вопросе о расследовании на местах. И Кутлер, и Струве «сомневались» в том, имеет ли государственная дума право производить анкету, посылая членов думы на места: дума, мол, не может ни одному своему члену «сообщить тех прав, которые ей самой не принадлежат, или принадлежность которых более, чем сомнительна». Если мнение кадетов отличалось от мнения правительства в этом отношении, то разве тем, что министр аргументировал, основываясь на мерах пресечения; Кутлер же это право считал «практически бесполезным»... Но суть дела, побудившая министра признаться, что правительство также не возражает против предложения, внесенного «партией народной свободы», по вопросу о безработице, как не возражала она против Ф. И. Родичева в вопросе о продовольственной помощи,—не здесь. Она в том делении, которое провели кадеты вслед за министром... Предостерегши тех, кто высказывал опасения, как бы, оказывая помощь безработным, дума не стала на путь политики; что «вопрос об ассигновании денег на помощь безработным совершенно не имеет в их глазах какой-либо политической окраски»; что он «не-

радикален, не либерален, не консервативен», Кутлер заявил, что для того, чтобы поставить комиссию на «практическую» почву, нужно «сузить» ее задачу. Надо точно, мол, указать группы лиц, пострадавших от безработицы, точнее говоря, «если иметь в виду помощь безработным, то мы будем иметь перед собой задачу необ'ятную». Чтобы этого не случилось, государство должно иметь в виду лишь «помощь безработным, пострадавшим от промышленного кризиса» [1]).

Итак, с одной стороны, безработные, пострадавшие от промышленного кризиса, с другой—рабочие, голодающие «по собственной воле» — партия «народной свободы» так же прямо отказывала в помощи пролетариям, завоевавшим манифест 17 октября, как министры. В вопросе о безработице дума раскололась не на три части, а на две—черносотенно-кадетскую и левую...

III.

Точка зрения Струве и Кутлера в какой-либо европейской стране не была бы черносотенной. Поднимать вопрос об облегчении резервной армии, того запаса, который то падает, то поднимается, смотря по тому, растет или падает производство; о том, что рабочий, продающий свою рабочую силу капиталисту, имеет такие же физические и духовные потребности, как и всякий другой человек, в Германии или Англии—что может быть либеральнее для немецкого или английского либерала?..

Но одно означали «рабочие, пострадавшие от промышленного кризиса» в Германии или Англии, другое—у нас в годы контр-революции. Мы едва ли ошибемся, если скажем, что при такой постановке Струве и Кутлер были бы последовательны до конца, если бы стали отказывать в помощи безработным вообще... Для того, чтобы показать, насколько позиция, занятая партией к.-д., была приблизительно такова, бросим взгляд на самый промышленный кризис, который так трогательно об'единил ее с правыми. Насколько он являлся причиной безработицы раньше, насколько являлся ею в

[1]) «Речь», от 16 марта.

1907—08 г.г.? Какая часть рабочего класса страдала по «собственной воле»?

В 1907 году появились признаки того, будто кризис, вот уже 7—8 лет потрясавший молодую русскую индустрию, начинает уже проходить; что вместе с тем замечается в ней уже то оживление, каким сопровождается всякий промышленный переход от кризиса к под'ему. Этот взгляд, без сомнения, был лишен основания. Не подлежало сомнению существование острого денежного кризиса—недаром учетный процент, поднявшийся в 1905 г. с 5,38 до 5,63, теперь составлял 7,27. Вне сомнения, был ряд сокращений в производстве, вызывавшийся чисто экономическими причинами. Одно лишь невозможно было отрицать, именно—некоторый под'ем тех отраслей производства, в которых число безработных составляло самый значительный процент. Факт этот был так очевиден, что бросался в глаза с первого взгляда.

В самом деле, как известно, процент безработных особенно велик был в предприятиях металлической и текстильной промышленности. Что же мы видим?

В какой степени начала «процветать» текстильная промышленность, мы видели еще в 1906 году. Так, в Москве «цены на товары повысились на 1—2 коп. на аршин, при чем кон'юнктура рынка в смысле спроса и предложения имела свое значение. Несмотря на усиленное производство и на сверхурочные работы, фабрики, очевидно, не могли догнать упущенного забастовками времени»[1]). То же писали из Белостока, где сделки в сумме оборота были ниже, чем в предыдущем году, но тем не менее имели для здешней промышленности «более серьезное значение». Это подняло настроение фабрикантов. «Судя по спросу, фабриканты, мол, держатся того убеждения, что, явись уверенность в прочности наступающего успокоения, на долю белостокского рынка, выпали бы блестящие по цифре обороты» [2]). Если же так было в 1906 г., то в 1907 г. эта тенденция еще более заметна. Она засвидетельствована во 2-№ «Вестника рабочих и работниц волокнистых производств», особенно в центральном районе, в производстве хлопчато-бумажных тканей. Можно даже указать

[1]) «Торгово-Промышленная Газета», апрель, 1906 г.
[2]) Ibid. Февраль, 1906 г.

причину оживления: ожидание урожая, так как едва ли можно отрицать, что хлопчато-бумажная промышленность в России стоит в самой тесной связи со сбором хлеба...

Еще заметнее были признаки металлического благополучия. Еще в 1905 году чувствовалась не столько «гибель» этой промышленности, сколько простая задержка. Правда, за 8 месяцев производство чугуна во всей России составляло тысяч пудов: в 1903 г.—87, в 1904 г.—119,343, в 1905 г.— 113,951; за весь год на юге России выплавлено было тысяч пудов: в 1904 г.—110,905, в 1905 г.—101,909, но зато, что касается добычи каменного угля, то в 1905 г. вывезено было на 26% больше 1902 г. и на 4%—1903 г. Но если так было тогда, то в 1907 г. увеличение производства было вне сомнения. Это заметно даже по отдельным заводам. Так, отчет Путиловского завода показывал, что в отчетном году изготовлено и отправлено было изделий на 21.758.775 рублей против 16.122.029 р. предыдущего года, т.-е. больше против него на 5.636.746 руб. Прибыль опять-таки поднялась с 938.296 руб. до 2 милл. Из отчета Сормовского завода явствовало, что производство увеличилось на 376 тыс., и акционеры, вопреки понижению цен на акции, получили 14½% дивиденда. Металлургические заводы юга вывезли на 13% больше против прошлого года. Потребление железа, и стали, несколько сократившееся в 1905 году, опять-таки поднялось на 2 миллиона пудов [1]).

Казалось бы, если так, то, главным образом, благополучие и должно быть в этих производствах...

На самом же деле мы видим совершенно противоположное.

Количество безработных, конечно, растет с каждым днем растет уже в общем. Для этого достаточно обратить внимание на самые выражения, которыми корреспонденты стали описывать безработицу. Вот образчики. В Самаре довольно часто можно наблюдать такие потрясающие картины: в нетопленной несколько дней хате семейного безработного лежат вповалку от тифа 3—4 члена семьи зараз, взрослых и детей [2]). В Саратове, наравне с большими, переживают голод и

---

[1]) Данные см. в ст. Гольдберга «Промышленный кризис или борьба с рабочими», «Товарищ», от 5 мая и ст. Пилецкого в 4-й кн. «Образования» за 1906 год.

[2]) «Русский Экономист», № 1, 1907 г.

дети безработных, среди которых давно свирепствует эпидемия тифа, скарлатины и дифтерита. Больничные приемные покои буквально переполнены. Армия безработных разрослась «до небывалых размеров». В Лодзи «могилы растут, как грибы после дождя» [1]). Количество безработных в Варшаве, по самым скромным подсчетам, достигает 10.000, не считая пригородов [2]). В Оренбурге «нужда страшная» [3]). В Москве «число безработных растет с каждым днем» [4]). В приволжских губерниях «до 200.000 безработных». «Весь Крым буквально наводнен безработными» [5]). Корреспондент «Сибирской Мысли» пишет, что все поезда идут в Сибирь, переполненные безработными. Что уж говорить о Петербурге, где за один январь и февраль 1907 года было расчитано до 3.000 человек... О том же говорят и участившиеся случаи самоубийств рабочих. Не проходит дня, чтобы в газетах не оказалось одного-двух случаев самоубийств или просто смертей вследствие истощения рабочих или «видимо» рабочих. «Народная Дума» как-то попыталась свести воедино несколько дней этого «мелкого петита», и вот, что оказалось: 25 марта утром, на площадке дома № 46, по Третьей Рождественской, найден труп безработного Андреева, того же дня в Волковом лесу был найден труп неизвестного, судя ло костюму, безработного, 26 марта на Горячем поле найден труп неизвестного; судя по крайне истощенному виду, полагают, что смерть последовала от голода; того же дня повесился конторщик табачной фабрики Колобова-Боброва Дубейковский, расчитанный за резкие об'яснения с начальством; того же дня по Панфиловой ул. был поднят труп неизвестного, судя по костюму, безработного. Жертвы безработицы так и стали писать перед тем, как наложить на себя руки: «Адрес мой такой-то. Жизнь кончил из-за безработицы. Прошу никого не винить». Когда одного рабочего, бросившегося в Неву, удалось спасти, он даже не поблагодарил: «напрасно спасли, все равно жрать нечего утром»...

Значительное увеличение числа безработных, вообще, даже по сравнению с тем, что было летом 1906 г., не подлежит

---

[1]) «Общественное Дело», № 2, 1907 г.
[2]) «Товарищ», № 242, 1907 г.
[3]) «Наше Эхо», № 7, 1907 г.
[4]) «Русский Экономист», № 11, 1907 г.
[5]) «Товарищ», № 217, 1907 г.

сомнению. Обострение безработицы зависело и от того, что наступила зима, которая особенно тяжела для безработных, и от того вздорожание предметов первой необходимости, которое и раньше с каждым годом прогрессировало в России, в годы же контр-революции достигло крайней степени. Так, например, за короткое время цена хлеба поднялась с 1 р. 20 к. до 1 р. 50—60 к. на пуд. Но оставим вопрос о безработных вообще, а сравним числа их именно в металлическом и текстильном производствах. В этих производствах числа эти увеличились или упали, как произошло бы в любой европейской стране? Вот вопрос.

Ответ на это дают нам данные, имеющиеся для Петербурга. Вот они. По карточкам комиссии о безработных, относящимся к маю 1906 г., общее число безработных по районам и производствам было таково [1]):

Районы.	Невский.	Московский.	Нарвский.	Городской.	Вас. Остров.	Петербург.	Выборгск.	Колпино.	Общ. число.
По обработке металла . . .	1075	547	1410	1257	994	438	833	462	7016
Текстильн. производство . .	121	8	27	36	9	34	585	—	820
Чернорабочие .	324	79	272	428	659	199	680	127	2768

Таким образом, всего в мае было зарегистрировано 12.933 безработных. Уже нечто иное мы видим два месяца спустя. Вот, что мы видим в июле:

Районы.	Невский.	Московский.	Нарвский.	Городской.	Вас. Остров.	Петербург.	Выборгск.	Колпино.	Сестрорец.	Общ. число.
По обработке металла. . . .	1242	550	1692	1434	1145	440	946	513	90	8152
Текстильн. производство . .	232	81	45	42	11	36	707	—	—	1154
Чернорабочие.	400	170	412	412	828	207	823	150	21	3516

[1]) «Хлеб и работа», № 3. «Положение безработных в Петербурге».

Через 2 месяца, оказывается, уже 15.766 безработных, в частности, в металлической промышленности увеличение на 1.136 безработных, в текстильной—на 334. Разве не Путиловский завод уволил за один год около 5.000 человек, тот самый, прибыль которого поднялась за это время почти на миллион; не Сормовский, акционеры которого получают 14½% дивидендов? В конце 1906 г. были произведены новые расчеты среди рабочих по металлу на металлическом заводе, у Лесснера, на гильзовом, на снаряжательном, гвоздильном в Петербурге, на заводах Чирихиной, Бари в Саратове, на Брянском заводе. То же—в текстильном производстве.

IV.

Кажется, не требуется раз'яснения, кого эти цифры обозначают, голодающих Джапаридзе или голодающих Кутлера.... Но для того, чтобы убедиться, насколько кадеты из боязни, как бы, сделав все, что бы облегчило бедствия безработных, не вывести безработных из состояния изолированности, не дать им возможность слиться с общим движением, как бы «не обидеть» министра, в сущности, отказывались от всякой помощи им,—даже незачем прибегать к косвенным указаниям. Для этого достаточно посмотреть те непосредственные импульсы, которые служили поводом увольнения рабочих в огромном большинстве случаев, на ту позицию, какую занимали правительство и имущие классы каждый раз по отношению к безработным.

Не буду останавливаться на тех причинах увольнений, которые приведены мною выше. «Если принять во внимание,—писал я,—что забастовки последнего времени всегда носят политический характер, то на «политику» придется значительное большинство (63%). Весьма интересны также и самые мотивы по двум последним рубрикам; в записи сохранены такие характерные выражения: «требовал денег за увечье», «вывозка на тачке нехорошего мастера», «за непочтение к высшему начальству», «за самовольное введение восьмичасового рабочего дня», «за политические убеждения», «за политику», «за агитацию», «за экономические требования», «арестован 2½ месяца», «забастовщик социал-демо-

крат», «самовольным увольнением избежал ареста». Вот образчики, относящиеся к 1907 году: «на местных фабриках,— писали во «Владимирце»,—о каких-либо уступках не может быть и речи. Блеснул-было и для наших рабочих луч новой зари. Но не надолго... Сознательных рабочих уволили... все пошло по-старому» [1]). В Архангельске—массовый расчет из-за того, что заводчики «не милуют рабочих, проявивших во время забастовки энергию и сознательность» [2]).

Отовсюду в 1907 году, как и в 1906 году, шли вести, что администрация старается избавиться лишь от наиболее «сознательных». Не буду останавливаться на этих фактах: я их достаточно привел выше.

Перейдем к тем приемам, которыми обострилась безработица в 1907 году. Ведь каковы бы ни были отдельные расчеты и увольнения, капиталисты должны, в конце концов, понять, что отделить таким образом более упорную, более сознательную часть пролетариата от менее сознательной невозможно—по той простой причине, что движение на самом деле диктуется не кучкой злоумышленников и агитаторов, а более глубокими причинами. Желая во что бы то ни стало продолжать эту тактику, буржуазия и правительство должны выдумывать все новые и новые средства, которые бы обрушивались на рабочих еще большей тяжестью, чем предыдущие. И еще одно такое средство было придумано: это—локаут.

Всем памятен локаут лодзинских фабрикантов, принявший столь грандиозные размеры, начавшийся на фабрике Познанского, правление которой, опираясь на союз лодзинских фабрикантов, об'явило, что работы могут быть начаты только в том случае, если за последние проступки рабочих, которые, как известно, состояли в непочтении к администрации, «последует соответствующее взыскание», заключающееся в неприеме на работу виновных. «В виду же того, что вожаки и участники не открыты, не остается иного выхода, как отказать в обратном принятии на работу каждому пятому рабочему по порядку общего списка». Когда же рабочие отказались покориться, то Познанские сказали: «если так, то не только мы, но и другие шесть фабрик союза выбросят рабо-

---

[1]) «Рабочий Союз», № 4, 1907 г.
[2]) Ibid. № 7.

чих на улицу». И действительно: 2 декабря на шести фабриках союза было об'явлено: «так как условия правления общества Познанского не приняты рабочими, то союз, ссылаясь на взаимную солидарность, находит нужным сегодня об'явить рабочим об увольнении их через две недели». К 15 декабря все 20.000 рабочих Шлейблера, Познанского, Гейнцеля и Куницера, Громана, Штейнерта и Биндермана были расчитаны, и началась та братоубийственная война, известиями о которой так пестрели телеграфные столбцы газет. Бедствие приняло неслыханные размеры, ибо, в виду закрытия лодзинских фабрик, должен был прекратить работать еще целый ряд мелких фабрик, работавших на них; по самым скромным данным, число безработных дошло, считая и семьи их, лишенные куска хлеба, до 150.000 человек... Но локаут не ограничился одной Лодзью. Целая волна локаутов прокатилась по всему Царству Польскому, отсюда перешла в Литву и Белоруссию и затем прошлась по всей России. В Варшаве эпидемия локаутов все расширялась. Началось с ленточных фабрик и портняжных мастерских. Их примеру последовали владельцы сапожных и перчаточных мастерских. Затем к локауту прибегли сувалкские кожевники, некоторые лесопильни Двинска, портные в Пружанах. В Вильне хозяевами-портными об'явлен был локаут рабочим: хозяева требовали перехода на штучную работу [1]); в Минске—табачными фабрикантами, в Саратове—приказчикам и портным об'явлен был локаут. В Москве начался типографский локаут в крупнейшей типографии Яковлева из-за девятичасовой ночной смены. Прибегнув к испытанному средству своих лодзинских собратьев—добиться увеличения рабочего дня путем натравливания одной части пролетариата на другую—и потерпев фиаско, союз типографских хозяев решил прибегнуть к тому же средству—локауту...

Вот что значит голод десятков тысяч рабочих «по своей воле»...

Насколько значительна была политическая подкладка безработицы, видно даже по тем мерам, которые принимали буржуазия и администрация—разумеется, не мерам борьбы

---

[1]) «Новый Луч», от 13 февраля.

с безработицей, а мерам еще большего ее обострения. «Наших рабочих можно заставить образумиться,—сказал Познанский корреспонденту «Биржевых Ведомостей»,—только единственным, хотя и страшным средством—голодом» [1]). Не менее откровенно мнение бухгалтера одной лодзинской фабрики. По его признанию, локаут вызван был тем, что фабриканты не могли «простить рабочим того, что они за последнее время добились кое-каких уступок и умеют отстаивать свое человеческое достоинство. Локаут вызван единственно желанием фабрикантов заставить рабочих быть покорными» [2]). Насколько это действительно так, показала та стойкая борьба, какую вел до тех пор польский пролетариат, заставивший польских фабрикантов сделать столько уступок. Так в городах и фабричных центрах Царства Польского, так и во всей России.

Казалось бы, удары пролетариата были пока направлены против тех цепей, которые связывали не только рабочую самодеятельность, борьбу рабочего класса за свое освобождение, но и политические проявления всех классов населения. И это обстоятельство должно было бы диктовать имущим классам и их идеологам более или менее внимательное отношение к такому острому, можно сказать, такому роковому вопросу, как безработица в России. Но в том-то и дело, что, как ни противился принципиально всякий капиталист бюрократическому хищничеству, как ни стремился он наложить руку на народное благосостояние, европеизировать его—на деле он всегда охотнее шел рука-об-руку с самодержавием против рабочего движения, чем с рабочим движением против самодержавия, даже проводившим свои цели лишь в границах программы minimum. Пока-что он пользовался благоприятным стечением обстоятельств для того, чтобы вернуть себе те необходимые для мало-мальски европейского существования уступки, которые успел отвоевать рабочий у него лично, без которых рабочий не мог бы итти впереди и освободительной борьбы; сам вызывал рабочих на забастовки, чтобы только можно было придраться, назначить расчет, и—с высоты своих наступа-

---

[1]) Цит. по «Профессиональному Вестнику», № 1.

[2]) «Товарищ», цит. по Народно-Социалистическому Обозрению», сборник X, стр. 80.

тельных союзов борьбы с рабочими—об'явить о новых и новых своих победах над голодающими...

Еще откровеннее была политика правительства. Вопреки заявлению министра Философова о том, как отечески печется он о безработных, трудно указать случай, когда власть хоть задумалась бы над вопросом, если не считать своеобразных тюрем Щегловитова, служивших целям «борьбы с развивающимися за последнее время, особенно в крупных городских центрах, явлениями тунеядства и праздношатания»... Так называли в министерстве юстиции безработных. Эти тунеядцы и праздношатающиеся сами желают себе помочь. Ответ прост: «Вчера,—рассказывал во время думских прений член думы Петров,—ко мне явились представители от рабочих города Нарвы, сообщили наказ, который они просили передать государственной думе. Они хотели оказать помощь безработным, которых там около 1.500 человек, и обратились к губернатору, прося разрешить общество взаимопощи безработным, чтобы поддержать их. Губернатор ответил, что он не находит нужным дать разрешение для такой организации» [1]). Даже если рабочие желают поделиться трудовыми крохами с безработными собратьями, им и это запрещали под страхом высылки. Вот циркуляр министерства путей сообщения начальникам, управляющим и директорам частных жел. дор. «По имеющимся в управлении железных дорог сведениям, на многих железных дорогах между служащими производятся сборы пожертвований в различные благотворительные общества, и, между прочим, в комитет безработных железнодорожных служащих. Вследствие сего управление железных дорог просит вас, милостивый государь, раз'яснить служащим на вверенной вам дороге, что сборы пожертвований, производимые какими бы то ни было комитетами обществ, уставы которых не утверждены и не опубликованы установленным порядком, должны считаться незаконными» [2]). Конечно, профессиональные союзы готовы оказать поддержку безработным. Ведь в Западной Европе роль профессиональных союзов в таких случаях так велика. Администрация, опять-таки под страхом тюрьмы и высылок [1]), запрещала им сколько-нибудь реальные

---

[1]) «Речь», от 16 марта.

[2]) «Речь», от 15 марта.

шаги в этом отношении, а чтобы поменьше было поползновений, союзы вовсе закрывались.

Итак—единение правительства с фабрикантами. Немедленно по об'явлении локаута полиция приступила к массовой высылке безработных на родину или в места не столь отдаленные, наиболее сознательных рассаживала по тюрьмам, провоцировала уличные выступления и пр. Были случаи арестов и фабрикантов, но в одном исключительном случае, когда некоторые из них отказывались присоединиться к локауту...

Но—довольно. Не ясно ли, что говорить о помощи рабочим, пострадавшим от стихийных причин, повторять министра так, как повторяли его Кутлер и Струве, а вместе с ними и вся партия к. д., значило отвернуться от безработных, ибо безработные в годы контр-революции суть те, которые вынесли всю тяжесть освободительной борьбы на своих плечах...

V.

Такова позиция, которую мы назвали черносотенно-кадетской. Но дума разбилась на две части в вопросе о безработице не только потому, что кадеты так испугались, «как бы чего не вышло», но и потому, что предложение социалистов-революционеров мало отличалось от предложения социал-демократов. Декларация социалистов-революционеров гласила следующее: «принимая во внимание необходимость немедленной помощи, направленной к устройству общественных работ рабочим и всю сложность этой помощи безработным, мы, члены думской группы социалистов-революционеров, настаиваем на немедленном образовании особой думской комиссии из 11 членов думы, которой необходимо поручить всестороннее рассмотрение вопросов о безработице и изыскание мер борьбы с ней».

Конечно, общее мировоззрение не может не отражаться в самых невинных, повидимому, суждениях людей; и на рассуждениях социалистов-революционеров по вопросу о без-

---

[1]) 4 апреля об'явлена высылка нескольким участникам профес. движения, 5 апреля—тоже, все это—«чистка».

работице лежала яркая печать того мелко-буржуазного утопизма, который так характерен для них вообще.

Так, указав на то, в какой степени наплыв рабочих рук из деревни, обремененной налогами, испытывавшей такую огромную нужду, в города, сбивал цену и обострял этим решение вопроса о безработице, Архангельский от лица фракции говорил: «нам кажется, что решение вопроса о безработице находится в связи с вопросом земельным, с тяжелым положением крестьянства. Настоящее тяжелое положение крестьянства и всего трудового народа происходит от того, что земля находится в распоряжении отдельных лиц. Единственное и радикальное решение земельного вопроса невозможно до тех пор, пока земля не перейдет в распоряжение трудящегося народа; до тех пор безработица будет всегда естественным следствием экономического строя. То же самое должно сказать относительно общих причин, порождающих безработицу среди рабочего городского населения», т.-е. «полное разрешение вопроса о безработице возможно только с решением земельного крестьянского вопроса» [1]). Нельзя было не видеть весь вред подобной точки зрения, к которой экономическое развитие России было в такой степени беспощадно. Такая постановка была не только фантастична: она затемняла те причины безработицы, лишь основываясь на которых и возможно было дать ему то или иное решение. Что безработица фабричных центров стояла в тесной связи с мужицким голодом; что тиф, цынга, злая корча от спорыньи—обычные последствия голодовки—явились лучшими союзниками промышленного кризиса, против этого едва ли можно было спорить. Нигде бедствия безработицы не дошли до такой степени, как там, где они соединились с бедствиями голода, как, например, в приволжских губерниях, где встречались одни, возвращающиеся назад, ничего не добившись, и другие, исхудалые, полураздетые, начинающие только свои поиски. Но это еще не значило, что разрешение вопроса о безработице «возможно только с разрешением земельного крестьянского вопроса». Если бы и был сколько-нибудь радикально разрешен земельный вопрос, в смысле солидного наделения крестьян

---

[1]) «Речь», от 16 марта.

землей, поднятия технического уровня и проч., то единственно, что из этого для города произошло бы—это отвлечение части безработных, той именно, которая до того была избыточным населением деревни. Число безработных, без сомнения, сократилось бы, но, чтобы это обстоятельство имело решающее значение для царившей в те годы безработицы, не может быть и речи. Не говорю уже о самой «социализации земли», которая, если и допустить ее осуществимость, не только не уничтожила бы, но, быть-может, еще обострила бы безработицу, так как «социализация земли» вовсе не явилась бы сколько-нибудь радикальным средством. Можно сколько угодно говорить об уравнительном землепользовании, о праве каждого на землю, об уничтожении наемного труда, но это еще не значит, что земельный дележ—хотя бы и на социалистических началах—сколько-нибудь вывел бы страну из того экономического тупика, в который завели ее долгие годы безвременья; что «достаточно уничтожить» наемный труд в деревне, чтобы он уничтожился в городах. Хотя — мы не раз это уже подчеркивали—русская безработица 1905—07 г.г. глубоко окрашена политическими цветами в основе, в корне ее, главным образом, лежало промышленное неустройство, тот цикл промышленного возбуждения и упадка, который неизбежен для каждой капиталистической страны. Все-таки это та самая армия, без которой не обходится капитал даже в обычное время, и, какие бы реформы вы ни вводили в деревне, положение вещей на фабрике осталось бы незыблемым до тех пор, пока не поколеблются начала развития самого капиталистического производства. Нет ничего вреднее, как сеять в массах надежды на возможность скорого уничтожения безработицы в корне...

Но все это относилось к аргументации соц.-революционеров; что же касается самого предложения, то ничего нельзя было иметь против. Они не пытались, подобно кадетам, ни возможно скорее сдать вопрос в комиссию, заранее ограничив ее задачи и подорвав ее значение, ни строить какие-то перегородки между рабочими, которые одинаково есть хотят. Наоборот, они верно указали путь, выдвинув на первую очередь организацию общественных работ.

Наконец, ценой долгих усилий безработные добились при поддержке работающих общественных работ для некоторой части голодающих. Чем кончилась эта попытка, можно судить по Петербургу. Со скрежетом зубовным уступили отцы города, но все-таки уступили, и, вместо благотворительных подачек, которыми буржуазия в лучшем случае стремится затыкать рот голодным, рабочие получили частицу того, из-за чего шла борьба. Кроме работ в Галерной гавани, рабочие получили следующие постройки: мосты Пантелеймоновский, Михайловский, Введенский, Аларчин, Силин, Строгановский и Каменноостровский, стоимость которых превышает 70.000 р., лоцманский рынок, биржу труда, мостки и спуски на реке Неве и пр., опять-таки тысяч на полтораста. Таким образом, к сентябрю на общественных работах было зарегистрировано 1.700 безработных, к октябрю—2.700, далее—3.500. Была, конечно, полная возможность дать работу всем безработным, так как вскоре предстояли постройки новых 12 мостов, новые земляные работы и пр. [1]). Но городская дума рассудила иначе. Во-первых, когда начались забастовки, дума все свои взоры обратила на безработных, надеясь склонить их к штрейкбрехерству. Но безработные не оправдали этих ожиданий. Во-вторых, общественные работы по постройке мостов и засыпке Галерной гавани оказались не совсем удачными. Заботясь о том, чтобы дать заработок безработным, исполнительная комиссия, с одной стороны, не приняла достаточных мер, чтобы выполнить работы с достаточной экономией сметы,—принятая организация технической стороны удорожала стоимость дела; с другой—не было принято мер, чтобы распределить рабочих соответственно их специальности. Из этого, естественно, вытекал тот вывод, что организация общественных работ требует лишь устранения этих недостатков. Но иначе взглянули отцы города: ведь, на этих работах находили себе кусок хлеба те, кого лодзинские и иные творцы локаутов заносили в свои черные списки, здесь вводился столь ненавистный им восьмичасовой рабочий день, прием не иначе, как через рабочую организацию. По сравнению с этим, действительные дефекты общественных работ едва ли и беспоко-

[1]) Не говорим уже о том, что все городские столовые к этому времени были закрыты.

или думу. И вот работы решено было закрыть. Когда наступила зима, и положение безработных стало более критическим, чем когда бы то ни было, сперва были прикрыты работы в Галерной гавани, где было занято не менее 1.500 безработных, а затем стали прикрываться и остальные работы [1]). То же произошло в Москве, где управа так резко обвиняла безработных в небрежном отношении к делу, между тем, как была виновата сама управа, так как все время уходило на борьбу с разными ее придирками. Дело и здесь было, конечно, в том, что безработные держали себя на высоте пролетарского достоинства, например, участвовали в июльской забастовке. Работы отчасти прекратились, отчасти оказались накануне закрытия, как и везде, где они возникали.

В виду такого положения, вопрос об общественных работах, выдвинутый социалистами-революционерами, приобретал особую живучесть. Правда, они не указывали самых способов, какими общественных работ можно было добиться, предоставляя это сделать комиссии, но зато они рисовали те начала, на которых работы, без сомнения, могли быть построены для того, чтобы они были достаточно демократичны.

Вот главные их основания, как они изложены были в речи деп. Архангельского:

§ 1. Из средств государственного казначейства отпускается, на основании имеющихся данных о безработице, определенная сумма, распределяющаяся в законодательном порядке между отдельными городами, в зависимости от требований городских дум, от числа рабочих, оставшихся без работ, и от других местных условий. Примечание первое: размер необходимой суммы, определяется государственной думой по представлении особой думской комиссии. Примечание второе: дальнейшие кредиты также определяются государственной думой по представлениям особой думской комиссии и подлежат истребованию по мере надобности.

§ 2. Ассигнуемые суммы поступают на организацию общественно-полезных работ для безработных.

---

[1]) К началу декабря число работающих сокращено было до 3.000, января—до 2.500, февраля—до 800—900; к весне же 1907 г. занят был на общественных работах самый незначительный процент безработных.

§ 3. Заведывание на местах общественными работами, составление соответствующих смет и расходование ассигнованных по этим сметам сумм находятся в руках специально создаваемых для этой цели комиссий, составляющихся наполовину из лиц по избранию городских общественных управлений и наполовину по избранию местных рабочих профессиональных союзов.

§ 4. Членами комиссий по избранию городских самоуправлений и профессиональных союзов могут быть и лица, не входящие в состав этих учреждений.

§ 5. По организации на месте общественных работ и не позднее 5 дней их начала наличный состав работающих выбирает из своей среды в комиссии число членов, равное половине прежнего состава комиссии. Примечание: в полном своем составе комиссия, следовательно, состоит из одной трети членов по избранию городского общественного управления, одной трети по избранию местных профессиональных союзов и одной трети по избранию рабочих, занятых в общественных работах.

§ 6. Внутренний распорядок общественных работ определяется и находится в ведении особых подкомиссий, избираемых исключительно из среды рабочих, занятых в общественных работах.

§ 7. Общий надзор за деятельностью местных комиссий для помощи безработным и фактический контроль над ними осуществляется государственной думой, в случае необходимости, путем посылки ее членов на места в район существующей безработицы и деятельности комиссий о безработных [1]).

В сущности говоря, так и были организованы общественные работы, поскольку это было возможно в условиях наступившей уже реакции. Хозяином работ являлась комиссия с половиной представителей из рабочих. Рабочие поставлялись и увольнялись рабочей организацией. Рабочим днем считалось 8 часов. Было проведено страхование рабочих от смерти, увечья и болезни. Но, во-первых, все это не могло не быть в высшей степени случайным, непрочным; во-вторых, самые особенности организации общественных работ имели не меньшее значение для их закрытия, чем поведение безработных.

[1]) «Речь», от 16 марта.

Представители петербургских безработных, пришедшие в городскую думу требовать ассигнования новых средств на общественные работы, были даже не допущены в зал думских заседаний и удалены из думы при призванных г.г. гласными чинах полиции.

VI.

Если предложение социал-демократической фракции чем-нибудь отличалось от предложения народников, то разве большим формализмом. Оно гласило: «социал-демократическая фракция предлагает государственной думе образовать комиссию из 33 лиц, которой поручить: сосредоточить все сведения о безработице и повышении цен на жизненные припасы для доставления государственной думе всех материалов, нужных для суждения о наилучших формах оказания помощи безработным и мерах борьбы с бедствиями безработицы. Собирание этих сведений производить не только путем использования имеющихся печатных источников, но и путем расследования на местах» [1]). В этом была, несомненно, слабая его сторона.

Конечно, от такого признания еще далеко до той критики, которой подверг фракционную формулировку социал-демократической фракции С. Петров, пытавшийся убедить читателей «Вестника Жизни», что в вопросе о безработице социал-демократы оказались не на высоте; что освещение, приданное ими этому вопросу, было «списано с фритредерских воплей», «типично либерально» и пр. [2]).

Слабая сторона социал-демократической позиции была, вне сомнения, в том, что ораторы не указали конкретных мер. Правда, они заявили, что эти меры будут разработаны фракцией и внесены в комиссию, но от этого их речи и самое предложение очень много потеряли—конечно, не столько в глазах думских коллег, сколько в глазах пролетариата, который с столь понятным возбуждением прислушивался ко всему тому, что происходило в этот день в думе. Правда, после всего того, что уже говорилось по этому вопросу, той участи, кото-

[1]) Ibid.
[2]) «Вестник Жизни», № 5, «Вопрос о безработице в государственной думе».

рая неизменно постигла эти решения и попытки, как-то естественно не хватило духу с тем же пылом 101-й раз повторять то, что уже сто раз было сказано. В Западной Европе в тяжелые минуты жизни, аналогичные тем, какие переживал пролетариат в России в 1907 г., огромную энергию проявляют профессиональные союзы, но на какие профессиональные союзы можно было опереться социал-демократам? В материальных расходах, требующихся для поддержки безработных, принимают там участие и органы самоуправления, и государства; не в гласных ли Резцовых, не в министре ли Философове следовало ораторам черпать источник вдохновения? Ведь все это старо, как сами бедствия безработных. Специальные органы помощи безработным! Но дума, как учреждение законодательное, не могла о них и мечтать. В лучшем случае она могла воспользоваться существовавшим продовольственным уставом, предусматривавшим организацию общественных работ органами самоуправления, но ведь это была та же сказка про белого бычка. Все это не могло создавать атмосферу «делового» обсуждения, когда социал-демократическая фракция могла бы сказать много важного и необходимого в самом конкретном значении этого слова.

С. Петров высказывался за законопрект об обязанности местных самоуправлений организовывать помощь безработным. Такой законопроект, известным образом мотивированный, социал-демократы могли, по его мнению, выдвинуть «как призыв, обращенный к безработным и широким рабочим массам, к немедленному натиску на твердыни органов буржуазного местного самоуправления». В самом деле, этот лозунг пользовался популярностью в некоторых слоях пролетариата. По крайней мере, вот что собрание уполномоченных 42 петербургских фабрик и заводов, состоявшееся 10 марта, постановило: «так как у государственной думы нет силы и власти, чтобы передать деньги в руки демократически избранной комиссии, то она должна законодательным путем возложить на местные управления обязанность борьбы с дороговизной хлеба и бедствиями безработицы. Не дожидаясь, пока этот вопрос пройдет все законодательные стадии, так как голод и нужда не ждут, государственная дума должна особой резолюцией закрепить за пролетариатом право требовать от местных само-

управлений хлеба голодным, работы безработным и призвать пролетариат к неуклонной борьбе за это требование»[1]).

Конечно, против натиска на отцов города—всех этих домовладельцев, купцов, фабрикантов, заводчиков, тех самых, которые другой рукой собственно и расчитывают рабочих,—как средство, которое всегда в той или иной форме действительно, социал-демократы не возражали. Но они отнюдь не возлагали надежд на вмешательство центральной власти, которое могло бы иметь один результат, как совершенно верно заметил Д. К. в «Народной Думе»[2]), а именно, что рабочие, восприняв принцип вмешательства сверху, ожидая от деятельности местных самоуправлений больших или меньших результатов, стали бы терпеливее, пассивнее, дав этим еще большую возможность Гучковым и Резцовым отделываться ничтожными подачками. Что всего характернее, так это то, что С. Петров, все время говоря о давлении на местные самоуправления, забывал о рабочих организациях, в частности профессиональных союзах. Между тем, не будь их, какие бы законы ни «издавала» государственная дума или государственный совет, никакое давление не было бы возможно, так как лишь рабочие организации в состоянии сделать для безработных в пределе земном все земное.

Вот почему право рабочим организациям, в частности профессиональным союзам, свободно развивать свою деятельность являлось, по мнению с.-д. депутатов, одним из главных, какое государственная дума должна была требовать у правительства. Рядом с этим стояла реформа органов общественного самоуправления по возможности на более европейских началах. Если основным требованием было открытие государственной думой кредита на организацию общественных работ, кому должны были быть переданы эти средства? Само собой, не г.г. Гурко и Лидвалям, как и не самой думе, которая не могла заниматься организацией работ. Значит, деньги должны были быть переданы комиссии, по настоящему избранной всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием всего городского населения. А пока таковой быть не могло, они могли быть переданы лишь комиссии, составленной из равного числа

[1]) «Народная Дума», № 4.
[2]) Ibid, № 6.

представителей буржуазно-городского самоуправления и рабочих организаций. Вот почему так важны были и свобода союзов, и местная реформа.

Затем следовал ряд таких средств, как восьмичасовой рабочий день, одно из важнейших средств борьбы с безработицей, тем более важное, что именно в момент безработицы капитал имеет склонность больше всего удлинять рабочий день; уничтожение сверхурочных работ, получивших столь широкое распространение опять-таки благодаря невозможности для рабочих бороться с эксплоатацией фабрикантов, запрещение ночной работы—все то, что лежит в основе охраны труда.

Для борьбы с хлебной дороговизной представители 42 петербургских фабрик и заводов требовали учреждения комиссии, которая, во-первых, обследовала бы состояние петербургского хлебного рынка и, во-вторых, организовала бы путем открытий хлебных магазинов и хлебопекарен продажу хлеба по нормальным ценам.

Но для того, чтобы рабочий вопрос получил не узко-практическую, а принципиальную постановку в сферах, вся политическая кон'юнктура должна была резко измениться, должен был резко измениться даже... принцип думского представительства, разумеется, в направлении, обратном тому, в каком изменение уже произошло. Этого же как-раз не произошло.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Годы контр-революции (1908-10 г.г.).— Проституция, преступность, максимализм в свете безработицы.

I.

В 1907 году кризис перешел в депрессию: одни отрасли производства улучшались, другие продолжали деградировать, как видно из отчетов фабричных инспекторов, а вместе с тем пролетариат продолжал слабеть.

За 1905—07 г.г. экономические стачки составляли, в общем, треть всех стачек. В 1908 году число экономических стачек и участников в них достигало половины общего числа стачек и участников, в 1909 г. их уже было $^5/_6$, а в 1910 г.—все. В «Своде отчетов фабричных инспекторов» за 1909 г. мы читаем: «По сравнению с 1908 г. абсолютное число политических стачек упало более, чем в девять раз, а число участников этих стачек—в одиннадцать раз (в 1898 г.—464 стачки с 92,7 тыс. участниками, в 1909 году—50 и 8,4 тысячи). При этом, по мотивам, побуждавшим рабочих к участию в стачках, в 1908 г. еще заметно, правда, ничтожное, но все же характерное стремление так или иначе реагировать на какие-либо события из политической жизни страны, кроме празднования первого мая. В течение же отчетного года политические стачки всецело падают на апрель и май и связаны с стремлением рабочих праздновать весенний праздник; из других поводов осталось только 7 стачек с 1,6 тыс. участников, которые все имели место в Эстляндской губернии и являлись некоторым отголоском событий 1905 г.». В 1910 г. политические стачки и вовсе сошли на нет... В 1907 г. первое мая демонстрировали сотни тысяч рабочих, в 1908 г.—100 тыс., в 1909 г.—не более 20 тыс., в 1910 г.—и того меньше [1]).

Политический пыл остывал, и поистине были хуже времена, но не было подлее. Это уже были годы поражений. По

---

[1]) Финн-Енотаевский. «Современное хозяйство России». Спб. 1911 г., стр. 367.

мере того, как движение сходило на нет, и безработный терял всякую опору. Теперь безработицу создавал прежде всего не застой. Теперь безработицу прежде всего делали сами фабриканты. «По мере того, как в рабочей среде ослабевали энергия и настойчивость,—писал инспектор Владимирской губернии в отчете за 1908 г.,—предприниматели организовались, выработали общие меры борьбы с рабочим движением и решительно стали давать ему отпор. Оружием, которым фабрикантам удалось окончательно сломить упорство рабочих, было общее увольнение последних и временное закрытие фабрик».

И вот отличительная черта безработного этих лет: однообразная, угрюмая беспросветность. Открывались и распускались думы, менялись настроения, интересы, заседали с'езды в больших и малых городах, но безработица, как проблема, ушла с поверхности жизни. Это уже не было движение, шедшее в том направлении, в каком шла, разгораясь, борьба... Это уже была хроника, связанная с ростом преступности, проституции, с такими эпизодами политической жизни, как «эксы»; это уже было тихое умирание бывших людей. Политический момент маскировал нужду, сообщал ей специфическую окраску. Теперь же хронический кризис развернул разрастающуюся язву недоедания, всех зол безработного состояния масс. Основной тон нищеты и отчаяния звучал, все повышаясь, но уже не смягчаясь ничем... Ведь, если надежды разнообразных слоев были подавлены в это трехлетие, окрашенное в цвета контр-революции, то главные удары пришлись по рабочим. Терроризована была даже повседневная борьба, казалось бы, вошедшая уже в обиход жизни.

II.

Это отнюдь не были лишь кадры, свившие себе гнездо в прежние годы. Конечно, депрессия 1908 г. усилилась против 1907 г., в 1909 г. против 1908 г., и эти кадры приобрели хронический вид. Но одновременно с тем безработица росла, в производствах шло сокращение. «Расчет», «неимение работ», «сокращение»—вот песня всех сообщений этих лет. Конечно,

нельзя подвести итоги, соответствующие положению вещей, но цифры и факты говорили сами за себя [1]).

Уже 1900 г. даст прирост безработных. Число безработных, обращавшихся за помощью в дом Трудолюбия в Москве в 1903 г., составляло 14.000, в 1904 г.—16.500, в 1905 г.—15.500, в 1906 г.— 26.000, в 1907 г.—25.500, в 1908 г.—лишь за 9 месяцев—26.000. Далее число ищущих работы достигло, по словам администрации дома, «небывалой» цифры. В Донецком бассейне было уволено 28.000 рабочих. Шло массовое увольнение в мастерских юго-западных железных дорог, среди типографских рабочих Петербурга. На механическом заводе в Сормове число рабочих с 10 с лишним тысяч было сокращено до 4.278. В Николаеве безработица росла непрерывно. В Симбирске, Нижнем, Саратове приостановилось производство на льняных, суконных фабриках. В Баку расчеты шли, не прекращаясь. Инспектор Гродненской губ. констатировал, что сокращение производств в шерстяном деле путем перехода на работу в течение четырех, трех и даже двух дней оказалось недостаточным. Фабрики, сократив число рабочих, стали «совсем сокращать производства целыми районами». То же происходило в кожевенном производстве. В Петроковском районе «кризис продолжался». Анкета, произведенная союзом рабочих по металлу в Петербурге, показала, что в 1908 г. за первые 9 месяцев было зарегистрировано 1.103 безработных на 9.500 членов, что составляет 12%; если же считать только платящих, то это составит 31,81%. В Невском районе в первые 10 месяцев этот процент даже равнялся 27. Средняя продолжительность безработицы у металлистов Запада 14—16 дней, у нас же месяцы. Из 1892 случаев лишь у 704 безработица продолжалась месяц и менее [2]).

Таков был 1908 год. Но 1909 год был не легче. Впереди шел по расчетам Петербург. По официальным сведениям, лишь за февраль месяц 1909 года на одних лишь механических заводах расчитано было более 900 человек за неимением новых работ. В июне же расчеты на металлообрабатывающих заводах росли в еще более крупных размерах. На механическом и гильзовом заводах раньше работало свыше 800 рабо-

---

[1]) См. Ларский. «Вопросы текущей жизни». «Совр. Мир», № 7, 1909 г.
[2]) «Материалы об экономическом положении и проф. организации петербургск. рабочих по металлу». Спб. 1909 г.

чих, теперь, после пожаров, штат рабочих сокращен был до 125 человек. На Семянниковском заводе из ремонтного и паровозосборочного отделов расчитано было четыре процента всех рабочих, преимущественно «инвалидов труда». На Обуховском заводе расчитано было 110 человек; на патронном ожидался расчет 1.200 человек. На С.-Петербургском металлическом уволено было 28 чел., на Путиловском—44, и т. д.

Все это факты лишь месяца. Сокращение же работ в металлургической промышленности вело к безработице известных категорий рабочих по обработке дерева. Таковы факты, зарегистрированные, например, союзом деревообделочников для Путиловского завода, завода Лесснера, Лангензипена, Сан-Галли, Балтийского. Особый скачек вверх дала безработица у текстильной промышленности. Лишь в Петербургском районе мы видим следующее. По сведениям бюллетеня общества заводчиков и фабрикантов Московского района, в начале 1909 г. осталось за штатом 7.000 петербургских рабочих—мужчин, т.-е. около десяти процентов всех мужчин, работавших в текстильной промышленности района. А вот еще. За один месяц на фабрике Мальцева уволено было 100 рабочих, на фабрике Воронина—300, на фабрике братьев Леонтьевых—700. Не прекратились расчеты и среди типографских рабочих. С сооружением электрического трамвая сократилось число легковых извозчиков. Число безработных извозчиков в феврале 1909 г. доходило до 600 человек.

Так обстояло дело в Петербурге, и провинциальные центры не отставали. В мануфактурном районе Шуи и Иваново-Вознесенска сокращение приняло массовый характер. За сокращением числа рабочих дней в неделю вновь закрылся ряд мануфактур. Рабочие крупнейшей фабрики М. Горелина, работавшие четыре дня в неделю, обратились к администрации с просьбой увеличить число рабочих дней в неделю. «Просьбу свою они мотивировали тем, что при четырех днях в неделю для семейных рабочих жить невозможно». Амдинистрация ответила, что просьбу можно удовлетворить лишь при условии, «если рабочие согласятся предварительно на полную приостановку фабрики на целый месяц»[1]). Расчет 10.000 рабочих на мануфактурах «товарищества Викулы Морозова сыно-

[1]) «Старый Владимир», 13 июня 1909 г.

вей» переполнила улицы Орехова-Зуева безработными. «Безработный люд,—сообщали «Русским Ведомостям», — ночует где попало: в кустах, в порожних товарных вагонах». Забастовка на фабрике т-ва Бажановых (близ станции Ундал, Моск.-Нижегор. железной дороги) вызвала увольнение двух тысяч рабочих и т. д.

Число безработных увеличилось в 1909 году и среди горнопромышленников и металлургических рабочих юга. В Николаеве за сорок дней существования комитета помощи безработным с просьбами о пособии к нему обратилось 10.000 человек—десятая часть населения города. На Урале закрылся не один завод. Из Архангельска сообщалось о наплыве туда безработных, небывалом наплыве из Костромской, Ярославской, Нижегородской губерний—для поисков работ на лесопильных заводах [1]). В Варшаве, по словам «Варшавского Дневника», был наплыв рабочих из провинции, искавших заработков, хотя и среди местных рабочих все росла безработица. О расчетах и безработице писали из Саратовской губернии, где приостановились суконные и щетинные фабрики и сократилась работа мельниц. Вследствие остановки и сокращения работы на товарных мельницах началась безработица среди мельничных рабочих вообще. О ней сообщалось из Екатеринослава, Кременчуга, Ростова, Павлограда, Новомосковска и т. д. Лишь в Екатеринославе было 220—230 безработных мукомолов, что составляло половину всех мельничных рабочих этого центра.

В связи с кризисом в нефтяной и каменноугольной промышленности (Донецкий бассейн), приостановкой мельниц в различных местах (особенно на юге), сокращением казенных заказов, безработица росла и в 1910 году. Так, в мае 1910 года в Донецком бассейне было уволено 10.000 рабочих. Жизнь в отраслях промышленности провинции и столиц то оживала, то замирала. Но облегчения это не приносило. Жизнь неотвратимо толкала обнищавший и обессилевший рабочий класс в безысходный тупик.

---

[1]) «Русские Ведомости», 15 мая 1909 г.

III.

Перелом наметился с 1912 г. Кризис стал проходить. Как ненасытные чудовища, заработали заводы. Однако, и в 1911, и в 1912 г.г. расчеты не прекращались... В то время, как одни отрасли оживали, в других шла все та же полоса «сокращений».

В Петербурге осталось за бортом 12.000 текстильных рабочих. Но это еще не все. Был произведен расчет на Российской бумагопрядильной мануфактуре. Среди расчитанных не мало детей 12—13-летнего возраста, очутившихся в столице, вдали от родной деревни, под угрозой—завтра израсходовать последнюю краюху хлеба. «Треугольник», закрывшись и затем вновь открывшись, не принял 4—5.000 рабочих. На фабрике, как известно, около 35% работниц работали «не выходя» по 20—15—10 лет, и вот они то при новом наборе остались без куска хлеба, искалеченные капиталом, обреченные стоять с протянутой рукой. Вслед затем пришло известие из Москвы. Начался расчет 50.000 мануфактурных рабочих. Торговля мануфактурным товаром сократилась более, чем наполовину. У крупных фирм лежали теперь до 180.000 кип товара в то время, как в обычное время имеется не более 35.000 кип. На Даниловской мануфактуре сперва было расчитано 2.000 рабочих, потом еще 2.500. Затем расчитана была вся фабрика (7.000 челов.). Вслед затем об'явлен был расчет на фабрике Гюбнера (2.500 чел.), на ленточном отделении фабрики Гивартовского, на фабрике Кириллова (300 чел.) и т. д. Заминка же в делах крупных фирм немедленно отразилась на положении мелких ткацких фабрик, в таком значительном числе возникших в 1906—09 г.г. в Шуйском, Ковровском и Суздальском уездах Владимирской губ. и в Кинешемском уезде Костромской губернии. И на всех на них шли расчеты рабочих.

В Екатеринославском трубопрокатном заводе уволено вследствие недостатка угля 1.000 чел. Приостановлены все работы на Нижнеднепровском заводе. Осталось без хлеба несколько тысяч человек. По той же причине уволено 1.050 чел. на Брянском рельсопрокатном заводе. В Саратовской губернии погашены горные печи на Царевщинском стеклянном заводе. Временно закрылся Царицынский металлургический завод. В Херсонской губ. закрылся ряд предприятий. Не осла-

бевала безработица и в Лодзинском районе. Каждый день то закрывалась какая-нибудь фабрика, то сокращалось производство. Даже самые большие фабрики Познанского, Шейдлера—и те шли всего пять, а то и четыре дня в неделю. Были фабрики, в которых работали всего 28 часов, а чтобы рабочие не «баловались», принуждали ходить на фабрику шесть дней. Безработных было до 40.000 в одной Лодзи, но и имевшие работы были полубезработные. Вот официальный документ общества скорой медицинской помощи: «Вследствие отношения г. полицеймейстера от 7-го марта за № 2227 имеем честь сообщить следующие данные, зарегистрированные спасательной станцией общества скорой медицинской помощи г. Лодзи. В январе вызвана скорая помощь в 419 несчастных случаях, в феврале—в 332 случаях, в марте по 9-е только число за 9 дней было 300 несчастных случаев. Одни случаи относились к смертности, другие к полному упадку сил на почве недоедания, и все эти явления в большинстве своем относились, говоря строго, к безработице».

На Волге по городам явились новые толпы безработных. В судоходстве оказалось небывалое затишье. Некоторые пароходные предприятия, по случаю отсутствия грузов и дороговизны топлива, сократили рейсы. Изголодавшиеся крестьяне двинулись в Туркестан. Но и там, напр., в Ташкенте, число безработных уже достигло нескольких тысяч человек.

На запрос о помощи безработным в думе раздавались голоса: «Безработица вовсе не так широка, нет вовсе тех явлений, о которых говорится в газетах». Очевидно, депутат Петровский имел все основания отвечать на это: «Не обольщайте себя надеждами на расцвет промышленности. За расцветом промышленности идет кризис. Не успели еще капиталисты подвести баланс от недавнего под'ема, как уже за этим следует зловещий день. За Лодзью пошла Москва, где на мостовую выброшено около 50.000 текстильщиков».

IV.

Этот тупик стал методом ликвидации позиций, завоеванных в годы революции. Пользуясь ростом резервной рабочей армии, притоком безработных из деревень вследствие неурожаев 1905—08 г.г., буржуазия перешла в наступление. «Успо-

коение рабочих,—докладывал инспектор Владимирской губ.,—ободрило заведующих настолько, что они не только захватили прежние позиции, но пошли гораздо дальше». «Такая ликвидация, начало которой относится ко второй половине 1907 г., в отчетном году (1908) продолжала осуществляться очень быстрым и решительным темпом». Так как орудием ликвидации была ставка на истощение рабочих, то надо было искусственно форсировать его. И капитал, как свидетельствовали даже отчеты фабричных инспекторов, сам «делал» безработицу.

Чтобы этот хорошо продуманный классовый метод давал результаты, разумеется, нужны были предварительные условия. И мы видим, как власть создает капиталу эти условия.

Единственной опорой безработного оставались в эти дни профессиональные организации. Власть делает существование их невозможным. Правда, профессиональное движение шло на убыль в силу внутренних причин. Почти все корреспонденты и исследователи признавали, что причиной упадка профессиональных союзов служили, главным образом, промышленный кризис и апатия масс, утративших веру в силу союзов. Однако, и поход правительства против них вылился в разгром. По официальным данным, в 1908 г. было закрыто 81 общество, в 1909 г.—66. Но данные эти не точны. В одном центральном промышленном районе закрылось 100 союзов... Закрывая же одной рукой профессиональные союзы, министры другой рукой изменяли рабочее законодательство. Капиталу важнее всего было теперь развязать себе руки в направлении быстрых и решительных расчетов рабочих. И власть делает все для того, чтобы ослабить юридическую сопротивляемость последних.

Постановление главного по фабричным делам присутствия отменило фабричный надзор в целом ряде предприятий. Таким образом, в течение 1908 и 1909 г.г. многие заводы были освобождены от фабричного надзора. Число заведений, изъятых от подчинения фабричной инспекции, в 1907 г. составляли 82 заведения с 4,9 тыс. раб., в 1908 г.—313 с 7,5 тыс. раб., в 1909 г.—814 заведений с 14,4 тыс. рабочих. Ряд циркуляров предписывал относиться легко к закононарушениям предпринимателей, строгости же к рабочим усиливать. Но,

что всего откровеннее, это свобода действий, которую предоставило теперь министерство торговли и промышленности в сфере найма рабочих.

Уголовная наказуемость не занимала капитал. Все его внимание было направлено теперь на неограниченную возможность выбросить рабочего из фабрики по какому угодно поводу. На совещании промышленников, имевшем место в 1909 г., это был боевой пункт. Они требовали сокращения семидневного срока предупреждения до трехдневного. «В настоящее время,—мотивировал московский биржевой комитет свое требование,—технические приемы забастовок настолько усовершенствованы, что во многих случаях фабрикант оказывается не в состоянии формально доказать не только отсутствие возможности поддерживать производство фабрично-заводских работ, но даже наличность самой стачки».

Разумеется, экстренная «необходимость закрыть» отдельные части или все заведение была принята во внимание.

V.

И вот новая тактика заводчиков и фабрикантов.

«В бараний рог нас согнули,—жаловалась одна работница фабрики Викулы Морозова,—за всякий пустяк гоняют тебя с работы. Возьмешь пучек ниток подпоясаться—к расчету Да, что! Хоть бы тебя одну, а то всех: мужа, сестер, братьев, сестер мужа—по-нашему—золовок, и их мужей». «Разочли меня из-за сына,—рассказывает другой рабочий,—донесли на него, будто он рабочих подбивает, а виноват он только тем, что смотрителю не угодил; к праздникам лишний народ оказался, его и разочли, и меня вместе с ним, по новому закону. Хлопотать я хлопотал, но все без пользы; думал, меня хоть оставят, сколько лет ведь работал без штрафу. Директор говорит: знаю я тебя, ты хороший рабочий, но ничего не могу сделать, правило такое: всю семью расчитывать, если кто виноват. Что теперь будет, ума не приложу» [1]).

Мало того, что удалят со всей семьей, запретят и товарищам помочь. На Балтийском заводе начальником было об'явлено выборным от рабочих, что воспрещаются сборы в поль-

[1]) «Русские Ведомости», 1909 г., от 8 января и 20 марта.

зу безработных, расчитанных с завода. Виновные немедленно будут расчитаны без права поступления на завод. Подобное распоряжение было отдано и на Обуховском заводе. На трубопрокатном заводе, за Невской заставой, рабочие обратились с просьбой разрешить им произвести сбор в пользу семьи умершего товарища. И то администрация запретила.

Новая тактика не была бы так метка, если бы ее об'ектом служили отдельные рабочие и их семьи. Оглушительность ее состояла в том, что она выявляла себя в массовых случаях.

«В течение последнего времени,—говорили с.-д. депутаты в думе,—в целом ряде предприятий имели место увольнения рабочих. Такие локауты происходили на фабриках Лютша, Чешера, Максвеля, на мануфактурах: Екатерингофской, Сампсониевской, Новой бумагопрядильной, Российской бумагопрядильной и других. Очевидно, что здесь перед нами не отдельные случайные явления массового расчета рабочих, а целая система воздействия на пролетариат, организованный поход класса фабрикантов против класса рабочих. Большей частью эти локауты являлись следствием не наступательных действий рабочих, а были результатом вызывающей политики предпринимателей, пытающихся таким путем отнять у рабочих добытые упорной и тяжелой работой улучшения, сломить их организованную силу и совсем уничтожить или хотя бы ослабить значение пролетарских профессиональных союзов». И то же подтверждали сами фабриканты и заводчики.

«Работодатели,—констатировал бюллетень общества заводчиков и фабрикантов,—стали прибегать к быстрой смене рабочего состава: наиболее яркий пример—расчет 10.000 человек на фабриках т-ва мануфактур Викулы Морозова». Уже с 1907 г. рабочие вели оборонительную борьбу. В 1907 году число неудачных экономических стачек возросло до 45% против 25% в 1906 г., в 1908 году этот процент поднялся до 55,2, в 1909 году равнялся 54,2. Что означали эти стачки в дни, когда политическая сила пролетариата была сломлена? Массовой расчет, ту «быструю смену рабочего состава», о которой говорил бюллетень.

Разумеется, надо было заменить эти десятки тысяч другими. Не сводилась ли тактика заводчиков и фабрикантов к тому, что они обменивались своими кадрами в конце-концов? Нет, для этого их классовый метод был слишком хорошо

продуман. Да и не было нужды в этом. К их услугам была огромная армия женщин и подростков, а то и малолетних. И вот мы видим неуклонный беспощадный процесс—замену рабочей силы мужчин рабочей силой женщин и подростков. Своды отчетов фабричных инспекторов констатируют его во всех отраслях производства. Так, в заведениях, подчиненных фабричной инспекции, работало в 1906 г. 435.2 тыс. взрослых женщин, в 1908 г.—472,1 тыс., в 1909 г.—489,7 тыс. Но сюда не вошли подростки. Общее число женщин, считая и подростков и малолетних, возросло на 24,7%, в то время, как увеличение общего числа рабочих ровнялось 8.3%. Таким образом, 7.000 ткачей Петербургского района заменили женщины и подростки. На Российской бумагопрядильной—1.200 чел. На ситценабивных и сапожных фабриках браковщики и закройщики были наказаны тем же. На металлических заводах Сан-Галли, Франка, Спб. металлическом, Лангензипена, казенном гильзовом, гвоздильно-подковочном заводе, на фабрике американской резиновой мануфактуры выброшенный мужской труд был заменен женским.

Это массовый «расчет» мужчин при помощи женщин и детей.

VI.

Одна угроза гуляла по фабрикам и заводам—угроза сокращения штатов и работ, угроза безработицы, «быстрой смены рабочего состава». Что же оставалось делать кадрам безработных? Благодаря затяжной форме промышленного застоя, безработица и в прежние года давала рост социальной деградации. Однако, по степени общественного упадка ни одна полоса депрессии не сравнима с депрессией черных лет контр-революции. Никому не было дела до безработных.

Правда, в Лодзи образовался комитет, состоявший из предпринимателей. За все время существования он израсходовал 13.000 руб. Ассигновала незначительную сумму и петроградская дума. Но это были пустяки. Попытки же самих рабочих помочь себе в беде разбивались о сопротивление администрации. Отчаявшись в поисках выхода из тисков нищеты и унижения, безработные топились, вешались, травились. Каждое утро, пробегая глазами страницы газет, вы встре-

чали в отделе происшествий: «Сегодня в д. № 40 по линии В. О. повесился неизвестный рабочий»; «в д. № 33 по Бронницкой ул. рабочий Д. Романов, оставшись без работы, принял яду»; «с 3-го Елагина моста бросился в Большую Невку раб. И. Мурашев, 25-ти лет. Причина покушения на самоубийство—безработица». Это повторялось ежедневно не только в Петербурге, но и по всей необ'ятной России. «Ряд тяжелых, кошмарных лет, когда, точно спортом, занимались вешанием людей,—писал один рабочий,—как бы приучил и нас, рабочих, смотреть на эти самоубийства, как на нечто обычное, необходимое в повседневной жизни».

По данным статистики Петербургской городской управы, число самоубийств среди пролетариата в 1904 г. равнялось 258 (из них 115 безработных), в 1905 г.—198 (94 безработных), в 1906 г.—314 (190 безработных), в 1907 г.—542 (среди них 310 безработных), в 1908 г.—969, в 1909 г. еще больше. В Москве в 1907 г.—436, в 1908 г.— 576; в Одессе в 1907 г.—356, в 1908 г.—642. Статистика установила, что в годы наибольшего упадка движения в Петербурге из каждых 100 самоубийств 73 приходились на безработных, в Одессе—55. Но не всякий, кому есть нечего, в состоянии перестать жить. И вот—рост проституции, с одной стороны, преступлений против имущества—с другой.

Ужаснее всего «положение работниц, оставшихся без работы,—констатирует наблюдатель этих лет.—Нужда, голод и полное отсутствие возможности заработка гонит многих из них на улицу. В трактирах и ресторанах теперь можно видеть массу несчастных женщин, которых капитал обращает в невольных белых рабынь» [1]).

Как-раз в эти годы создался ряд новых преступлений, квалифицировавшихся, как политические. Таковы были т. н. экспроприации.

Массы безработных ударились в анархизм. Конечно, достаточно было перебросится парой слов с таким «экспроприатором», чтобы убедиться, что он ничего общего с анархизмом не имел, что ему просто есть хотелось... Но что характерно, это огромный процент безработных, принимавших участие в

[1]) Никита Москвич. «Ужасы безработицы». «Путь Правды», 1912 г., № 59.

этих «эксах». На 1908 г. падает около 2.289, на 1909—около 1.457 смертных приговоров, по преимуществу за ограбления учреждений и лиц. Обвиняемый же, по преимуществу, безработный. Это не крупные нападения. Это вылазки волков, готовых свою жизнь отдать за фунт хлеба. Вот примеры. Военный суд в Ревеле приговорил к повешанию 9 рабочих, напавших на мастера железнодорожных мастерских. Но на суде было установлено, что это были не революционеры, «а только голодные безработные». Московский военный суд приговорил к казни рабочего Тимофеева за «эспроприацию». Мотив преступления—ограбление 76 руб.—та же нужда. Уволенный из магазина за сокращением штатов, он ограбил лавку своего знакомого. Денежные документы сам же вернул... В Москве лавку старого тряпья пытались ограбить безработные—слесаря трамвая Алексеев и Булдакин. В Митаве были приговорены к казни рабочие Мачевский и Файнштем за поджоги. Они их делали для того, чтобы создать себе заработок при постройках. Разумеется, не все эксцессы были этого рода. Озлобленные до последней крайности, безработные бросались в фабричный террор. Так, генерал-губернатор Кознаков приказал расстрелять в Лодзи 7 рабочих и 1 работницу фабрики Зильберштейна; оставшись без работы, они убили Зильберштейна. Но такие случаи типичны скорее для 1906—07 г.г. Теперь дорогой безработного были: «грабеж бубличков», «отнятие булки и яйца», «ограбление двух рублей в лавке» или «трех рублей у извозчика»...

Жизнь лишалась всякой цены. Составился заговор реакции, после которого рабочих, чем-либо замеченных, перестали брать фабрики и заводы. Где те условия, которые не дали бы опуститься этим людям на торную линию примитивной стадии борьбы? Мысли и чувства становятся всое хаотичнее—и пролетарий-партизан готов... Разумеется, пролетарий, как таковой, не мог иметь ничего общего с психологией максимализма, переходившего в простое грабительство. Это были отдельные случаи...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Безработица и война.

I.

Противоречивы факты, которыми отмечена поврежденная жизнь военных лет вообще. Еще противоречивее задачи, выдвинутые ими на очередь. Однако, едва ли что-либо противоречивее вопроса: что перед нами в итоге войны—безработица или недостаток рук.

Нет рук, и галицко-русское общество вывозит их из Галиции. Нет работы, и те же дебаты в городских думах, что имели место в 1906 г., при том же отсутствии учитывающих колебания рабочего рынка органов. Война осложнила противоречие новым созданным моментом содержанием.

В то время, как вопросы тыла—всего тыла с его внутренным разнообразием—вычеркивались из списка злободневных, одна область сводила на нет это спокойствие—область последствий, которые внесла война в хозяйственный организм страны. И по мере того, как рос хозяйственный хаос, одни восклицали: «Народу-то маловато; дорого, затруднительно найти человека», другие: «деваться человеку некуда,—как сделать, чтобы спрос и предложение находили друг друга?»

Безработица во всем об'еме и нельзя было видеть без выяснения числа безработных, распределения их по профессиям, степени ее интенсивности в отдельных районах. Но что сделано, что можно было сделать в направлении учета?

В Англии, Германии учет безработных произвели профессиональные союзы, биржи труда, больничные кассы. Сведения коснулись, по преимуществу, рабочих, входящих в рабочие организации, но, в общем, все же представление получилось. У нас же задача эта не поставлена была; затеяв анкету, Вольно-Экономическое общество обратилось к профессиональным союзам, и кое-какие ответы получились. Но кое-какие,

ибо—не надо забывать—профессиональные союзы и до войны широкого развития не получили. С момента же войны даже те, что функционировали, обречены были на бездеятельность в целом ряде местностей. Прекратилось и образование больничных касс, не говоря о том, что и прежде вводились они не везде уже потому, что на крупные категории рабочих страхование не было распространено. Биржи труда, попечительства в иных местах приступили к регистрации, но совокупности регистрирующих близких к труду органов не оказалось.

От случайных до правильных цифр было далеко. И именно потому даже люди, не склонные игнорировать явление, не прочь от арифметики там, где арифметике менее всего место. Без сомнения,—говорили они нам,—безработица есть, безработицы не может не быть. Но и факторы противоположные налицо. С одной стороны—недохватка, с другой—переполнение,—не уравновешивают ли они друг друга?

Нет,—скажем мы,— на чьей бы то стороне перевес ни был: на стороне спроса или предложения труда, арифметики недостаточно. Насколько недостаточно, показывали даже те данные, которые так случайны, те факты, которые так разбросаны в общей и специальной печати.

Поставим вопрос прежде всего в рамки. Не преувеличивала ли одна сторона, не преуменьшала ли другая?

II.

Жалобы на отсутствие рук шли прежде всего от крестьян. После дележа пленных, крестьяне выпрашивали «хоть одного австрияка» у тех, кому досталось три-четыре. Почему так охотно разбирали крестьяне недавних врагов? Очень просто:

— Весна скоро, рук не хватает. Ну, австрияки и... того, поработают.

Помещики же фиксировали уже таксу этому «австрияку». Уплачивалось ему 48 руб. за лето, при чем половина шла на организацию охраны и лечение, половина—на платье и обувь. Содержание же приравнивалось к солдатскому пайку.

Отсюда недалеко было до вывоза китайских кули большими партиями в пределы России. И не только для аграриев. Совет с'ездов представителей торговли и промышленности, совет с'ездов горнопромышленников юга, московское, екатеринославское общество фабрикантов и заводчиков, петроградская биржа труда—все стряпали проект за проектом, долженствующий освободить от рабочей недохватки. Одни планы в земских, другие в промышленных кругах, но клич все же один: нет рук...

Однако, достаточно взгляда, чтобы убедиться: одна картина была в сельском хозяйстве, другая—в предприятии промышленном. Чувствительна была убыль сил лишь для крестьян. Некому вспахивать, некому засевать, ибо наемный труд развит слабо в мелком хозяйстве; мобилизация же увела миллионы молодежи. Уже в первый год войны убыль дала себя чувствовать. Тем более позднее, когда в семьях нередко ни одного крестьянина не осталось. Не то у помещика, рыцаря аграрного капитализма, ибо, как «Русские Ведомости» совершенно верно подметили, нет ничего легче, как смешать недостаток рук с их дороговизной. В самом деле, вот Прибалтийский край. Что констатировал корреспондент? «Недостаток рабочих рук землевладельцев смешивают с дороговизной рабочих. Относительное увеличение заработной платы дает уже им повод говорить о том, что «нельзя достать рабочих», хотя их нельзя достать по дешевым ценам прежнего времени». «Серые бароны» стремились во имя трудных времен понизить расценки, рабочие же твердо отстаивали свое. Те же из хозяев, которые выписывали последних со стороны, «метили в дешовых рабочих, пострадавших от войны»[1]). Другой пример: в Царевском уезде сроковому рабочему платили с первого марта по первое октября 150—180 руб. Плата военнопленному—«48 руб.». Не права ли была московская газета, утверждая, что труд военнопленных был не столько средством восполнения недостатка рук, сколько орудием для понижения разаботной платы окрестных крестьян, с одной стороны, выходцев соседних губерний—с другой? Кое-что ведь и смягчало убыль хлеборобов. Переселенческая волна за Урал захватывали сотни тысяч. Со времени об'явления войны этой

[1]) «Северный Голос», № 7, 1915 г.

волны нет. Из юго-западных губерний эмиграция вытягивала поколение за поколением в Америку. И этого уже не было. Наконец, германское сельское хозяйство в значительной мере обслуживалось нашим сельским рабочим.

Однако, и жалобы аграриев на этот раз не были лишены основания, как обычно. Опасения земцев, дворянского с'езда, совещания при сельско-хозяйственной палате преувеличены были в той или иной мере. Но все же дороговизна рук—дороговизной, недостаток рук—недостатком. Грандиозны были массы крестьян, уведенных на войну. Пусть выгоднее платить низшую плату австрияку, пользоваться принудительным трудом его. Распределение рук в деревне еще хаотичнее, чем где бы то ни было.

Недохватка рабочей силы была естественна в сельском хозяйстве, и она бросалась в глаза с наступлением весенних работ. Но если так обстояло с сельским, то далеко не так обстояло с промышленным рабочим.

Горнопромышленники чаще других выясняли, в какое положение ставил рудники и заводы отлив рабочих сил; особенно, конечно, капиталисты Донецкого бассейна. Но ведь это в Донецкий бассейн рабочие перевозились даром. Это рабочие, занятые здесь, освобождены были по мобилизации. Возьмем же их в виде иллюстрации. Число рабочих не могло не колебаться в связи с мобилизацией,—само собой разумеется. Но в разгар жалоб газеты отмечали... наплыв больших масс из центральных и окраинных губерний в Донецкий бассейн, столь больших, что «многие уже не в состоянии получить хотя какую-либо работу» [1]). Быть может, газеты пристрастны в этом деле? Трудно заподозрить В. И. Гурко в пристрастии. Между тем, именно ему соотношение между ростом прибылей углепромышленников и ростом заработной платы представлялось «пляской миллионов». «Почему рабочие не так охотно идут в Донецкий бассейн?»—спрашивал министр торговли и промышленности, выясняя, насколько заработная плата здесь низка: в то время, как цена на уголь поднялась вдвое, заработная плата увеличилась на 1—5 проц., не более. Естественно, если при таких условиях рабочие при первом удобном случае покидали шахты с тем, чтобы на них не возвра-

[1]), «Речь», № 323, 1914 г.

щаться, заключал кн. В. Н. Шаховской. С. И. Тимашев, соглашаясь с тем мнением, что низкая заработная плата не может быть средством привлечения рабочих, указывал и на жизненные условия, благодаря которым в Донецком бассейне не мог создаться контингент постоянных рабочих, и все горные предприятия вынуждены были пользоваться элементом пришлым, случайным.

Допустим, Донецкий бассейн — лишь иллюстрация. Согласно сведениям Отдела промышленности при министерстве торговли и промышленности—сведениям, основанным на данных фабричных инспекторов,— к 1 октября 1914 г. 132 предприятия с 54.452 рабочими сократили производство, 22 предприятия с 1852 рабочими вовсе прекратили производство «по недостатку рук» [1]). Читая это, конечно, лишний раз пытаешься взвесить цифры об'ективно. Но фабричные инспектора записывали то, что говорили о себе предприниматели. Значит ли это, что и на самом деле так? Только в одной группе — обработки животных продуктов—увеличение рабочих от расширения производства покрыло уменьшение их. Между тем лишь три предприятия, сократившие производство по недостатку рук, относятся к этой группе. Остальные же как-раз из тех групп, где рабочих оказался излишек. Так, в Лифляндской губернии сократило производство одно предприятие по обработке льна с 2.069 рабочими по недостатку рук. В то же время в той же Лифляндской губернии в той же отрасли промышленности избыток рабочих рук. При чем тут китайцы, военнопленные, когда среди 26 городов, из'явивших желание воспользоваться ими, не мало промышленных центров, в которых чего-чего не хватает, только не рабочих рук. Так, желание из'явил Иваново-Вознесенск. Но текстильные фабрики Иваново-Вознесенска работают по 17—19 дней. Имели место и расчеты. Того же добивался Витебск. Но в Витебске расчеты шли в пивоваренной, щетинной, кожевенной, экспортно-лесной, некоторых других отраслях.

Отсутствие спроса, недостаток сырья и машин, затруднение транспорта действовали так, как действует обычно депрессия. Менее сильные, менее выносливые предприятия,

---

[1]) «Записки императорского Технического общества», № 12, 1914 г. Доклад И. Чернышева.

прекращали свое существование, искали пристанища у средних. Средние должны были сжаться; должны были сжаться и предприятия, которые финансировались до сих пор капиталами бельгийскими, французскими, германскими, впредь до общего изменения кон'юнктуры, не могущие рассчитывать на поддержку. Но в то же время, несомненно, шла концентрация. Вот, например, Варшава. Трудно указать город, на промышленности которого так отразилась война. И в то же время трудно указать город, в котором предприятия, выросшие из крупных основных капиталов, так приспособились к обстоятельствам. Данные фабричных инспекторов, относящиеся к предприятиям, подчиненным их надзору, показали, что в каждой группе производств имели место и сокращение, и увеличение. Однако, хотя расширение в иных предприятиях было налицо, увеличение рабочих покрыло уменьшение лишь в одной отрасли; во всех же остальных число рабочих уменьшилось.

Значит, в деревне—недостаток, в городе—излишек рук, за исключением, конечно, местностей, где убыль числа рабочих вызвана... бегством.

III.

Лишние люди—явление, с которым, как знаем мы, приходится считаться капитализму вообще. Даже оживление, действительно невозможное «без рук», не втягивает резерва, накопившегося за годы депрессии, целиком. И в данных пределах излишек и недостаток рук отнюдь не бессмыслица в промышленности. Но в том-то и дело, что здесь не о данных пределах речь. Перед нами был не «резерв», а безработица, безработица, если не со всем тем, что ее сопровождало в военной Германии—стране производящей, по преимуществу, на мировой рынок, но в то же время сдавленной, с одной стороны, английским флотом, с другой—русско-французскими войсками,—то, во всяком случае, с главным. В начале войны не мало причин было, бесспорно, случайных. Нарушение путей сообщения; мораториум, неопределенность спроса и сбыта—все рождало панику, а вместе с паникой и прямую приостановку предприятий. Вот, если бы безработица была следстви-

ем этого испуга, она не была бы тем, что она собой представляла. Но, мало-по-малу, предприятия начали функционировать, пути сообщения возобновились, финансовые затруднения урегулировались. А безработица росла. Значит, росла в силу причин не случайных, а общих...

Уже жертвы войны не всегда были таковыми в тесном смысле слова. По данным «Рассвета»[1]), среди 685 беженцев, очутившихся в Вильне и бывших в возрасте, годном для труда, было 45 проц. ремесленников и рабочих, 13 проц. торговцев, 5 проц. приказчиков и конторских служащих, 27 проц. без определенных занятий. Среди ремесленников и рабочих преобладали: портные, сапожники, табачники, грузчики дров, рабочие чулочных мастерских. Но безработными их не называли. Буду и я называть их беженцами. Но о беженцах потом. Какую же картину рисует то, что удалось мне собрать?

Острее всего, конечно, было бедствие в районах, составляющих театр военных действий, где города и местечки переходили из рук одной армии в руки другой. С самого начала военных действий, например, все почти лодзинские фабриканты прекратили производство, и огромная стотысячная армия рабочих вдруг была выброшена на улицу, лишившись каких бы то ни было средств к жизни. Работали лишь трикотажные фабрики в Лодзи, получившие заказы от интендантства, от Красного Креста; но занято было на них 2.500 рабочих всего[2]).

Благополучнее было в районах примыкающих, но все же благополучие плохое. Так, в Варшаве, по данным фабричного инспектора, из 40.413 фаб.-зав. рабочих 20 октября 1914 г. 23.315 (57½%) не имели работы. Из 223 предприятий 79 были совершенно закрыты, и 11.232 рабочих, работавших в них, потеряли заработок; 51 предприятие сократило работы, расчитав 7.486 рабочих; 35 предприятий сократило рабочую неделю до 2—3, а то и до ½ дня в неделю; 58 предприятий уменьшили состав своих рабочих на 4.597 чел. Позднее положение ухудшилось, так что к 1-му ноября в восточной половине Варшавской губ. имели работу 23.915 чел., не имели—40.870. Тяжелее всего было мелкой промышленности, распространенной в Вар-

[1]) «Рассвет», № 10, 1915 г.
[2]) «Речь», от 5 ноября 1915 г.

шаве, домашней промышленности, строительным рабочим, официантам, прислуге и т. п. Делая приблизительный подсчет, С. Н. Прокопович получил цифру безработных в Варшаве до 150.000 [1]). По данным, сообщенным прессе директором общества промышленников, из 400.000 рабочих, занятых нормально в заводской промышленности Царства Польского, работало 50.000. До войны в Риге насчитывалось 66.000 рабочих, находящихся под надзором фабричной инспекции. В 1915 г. число это уменьшилось на треть, т.-е. на 22.000. Январская анкета рижских фабрикантов приводила следующие данные. Из 113 рижских фабрик и заводов только 16 работали с прежним составом рабочих, даже увеличенным. Совсем прекратили работы 18 фабрик с 640 рабочими. В 32 фабриках производство велось в нормальных размерах, но число рабочих уменьшено было с 28.445 до 18.995. Число рабочих уменьшено было с 13.460 до 10.111 в 20 фабриках. В 22 фабриках производство сокращено было наполовину; число же рабочих уменьшено было с 9.620 до 4.630. На 75 проц. уменьшено было производство в 5 фабриках; число же рабочих упало с 2.532 до 640. Еще ближе, чем Рига, к границе Либава и Митава. И вот в Либаве, на фабриках которой до войны работало 8.000, а в гавани 2.000 рабочих, теперь работало 3.000 и то только на фабриках; в порту—никого. В Митаве же из 2.800 рабочих потеряли работу 1.000 чел. [2]). На Кавказе Чиатурская марганцевая промышленность, поглощавшая, по сведениям совета с'ездов марганцево-промышленников, 8.000 чел., считая грузчиков в Поти, Батуме и пр., в 1915 г. давала работу... нескольким десяткам рабочих. На юге же население, существовавшее судоходством, портовыми работами, осталось без работы: в коммерческом порту Николаева—до 4—5.000 рабочих, в Керчи—до 200 семей, по свидетельству керчинской городской управы.

Но уйдем дальше от экономического разрушения пограничных полос, задетых военными действиями, в местности, где необеспеченность населения давала себя менее знать, где разорение материальной основы менее шло вглубь... Губернии черты оседлости, всегда страдавшие перенаселением, теперь

---

[1]) «Известия имп. Вольно-Экономического общества», № 6—7. Доклад С. Н. Прокоповича, ст. Л. Кржижицкого, см. «Рус. Вед.» № 277.

[2]) «Северный Голос», № 5, 1915 г.

переполнились более, чем когда-либо. В Вильне, по сведениям, собранным старшим фабричным инспектором Виленской губернии, прекратило производство 21 фабрично-заводское предприятие; 6 предприятий сократили производство на 12 дней в месяц. К концу же ноября число закрывшихся предприятий достигло 36, частично работавших—15. Цифры рабочих, выброшенных из фабрик, соответственно составляли 5.296 в губернии, 2.518 в городе. Однако, кроме фабричных, бчутились за бортом тысячи рабочих иных. Недаром анкета, произведенная рабочими в комиссии для помощи безработным при городской думе, число безработных доводила до 8.000, не считая семей, в одном городе. В иных профессиях процент их достигал 63—69. В Минске главным образом пострадали ремесленники—портные и портнихи, рабочие лесопильных заводов и пр. И пострадала не одна тысяча.

Только, выходя из этого круга—в губернии земледельческие, непромышленные,—чувствуете, что нужда хотя забиралась все дальше и дальше в рабочую среду, но все же хозяйственная жизнь текла нормальным порядком. Анкета московского общества фабрикантов и заводчиков дала даже более оптимистический анализ влияния войны на промышленность, чем министерская. Опросив 152 предприятия в районе с 133.000 рабочих, она установила, что из опрошенных 9 предприятий совсем приостановили работы, расчитав 5.211 рабочих; 96 предприятий расчитали рабочих частично, и только 4 предприятия увеличили число их. Конечно, оптимизм этот в лучшем случае означал, что московский промышленный район пострадал относительно менее других районов России. Однако, и здесь масса неимущего люда, скопляясь в промышленных центрах, заметно увеличивала избыточное население, обостряя конкуренцию до-нельзя. Среди предприятий Петрограда, подчиненных надзору фабричной инспекции, по 1-е октября 1914 г. закрылись 34 предприятия с 4.087 рабочих, сократили же производство 99, расчитав 15.839 рабочих. В течение же октября 32 предприятия расчитали 3.085 ч., и, кроме того, 7 закрылось совсем, распустив 1.357 рабочих. В итоге было расчитано 24.368 чел.; но так как вновь набрано было 10.882, то осталось без работы 13.486 чел. На 208 тыс. рабочих, подчиненных фабричному надзору, доля не страшная. При-

соедините, однако, предприятия мелкие: ювелирные фирмы «Фаберже» (250 ч.), фирмы Бок, Арнд и пр. часовые, кожевенные мастерские, организации экспорта, товаропровоза и пр. Из 42.000 официантов присоедините 25.000, оставшихся без работы, затем армию служащих монополии, сидельцев, их подручных и пр.

Отчет петроградской городской и областной биржи труда рисует такую картину: биржей зарегистрировано было за 1915 г. 105.230 безработных. Распределялись они так:

Наибольший процент предложения труда падал на личное услужение (32,2), за ними следовали чернорабочие—18,9%, далее—«прочие профессии»—9,4%, на четвертом месте стояла металлообрабатывающая промышленность (8,3), на пятом—конторские служащие (6,5), на шестом—обработка дерева (4,2), а наименьший процент падал на обработку волокнистых веществ (0,1). Количество зарегистрированных росло с каждым месяцем. Так, в марте было зарегистрировано 3.237 ч., в апреле—7.191, в августе—8.074, в сентябре—8.407, в октябре—8.906 и т. д. Спрос на труд, однако, слабо отвечал предложению. Из 105.230 записавшихся устроилось на работу всего 41.543 чел. Получившие работу распределялись так: квалифицированные рабочие—2,3%, личное услужение—27,6%, чернорабочие—25,5%, торговые, транспортные служащие—25%. Значительное число требований падало на фронт. Но этот заработок не привлекал. «Перспектива где-то далеко очутиться в бесправном и беспомощном положении отпугивало безработных даже от заманчивых предложений, а сделавшееся на бирже известным безнаказанное нарушение условий подрывало к договорам всякую веру. Положение биржи становилось подчас невыносимым, особенно когда рабочие протестовали против отправки их на «грабительские места», а предприниматели грозили бирже за вовлечение их в невыгодную сделку судом».

Безработица сказалась в Туле. Так, уменьшение членов тульского союза металлистов стояло в связи с начавшейся безработицей, которая не так ощутительна была благодаря уходу части безработных из мелко-кустарной промышленности. «Но не далеко то время,—констатировал корреспондент,—

когда безработица примет обширные размеры» [1]). Волна безработицы, созданной мировой катастрофой, докатилась до Сибири. «Пока в Иркутске в среде типографских рабочих.— читаем мы,—еще не наблюдалось острой безработицы, но в связи с сокращением производства в России многие типографии закрываются, и надо ожидать сюда наплыва безработных из других городов, а это, в связи с застоем в производстве, наблюдающимся в типографском деле, начиная с весенних месяцев, грозит большим ухудшением положения [2]).

Безработица захватила не только фабрики и заводы. Одинаковую судьбу претерпевало ремесло. Вот, например, что писали из того же Иркутска.

Иркутские ремесленники теперь очень часто вспоминают 1904 год и русско-японскую войну. «То ли дело было тогда!— говорят они.—Заработок наш возрос в два раза по сравнению с мирным временем: работы было сколько хочешь, деньги гребли пригоршнями»... Действительно, 1904 год для Иркутска был годом крупного экономического расцвета. Капиталы из России текли в него десятками миллионов, народу было полно. Гремело и иркутское ремесло: но то был последний момент расцвета, тот поворотный пункт, с которого начинается безостановочное падение большинства отраслей ремесленного производства. Заработная плата за десятилетие упала почти на 50%; предложение труда сильно возросло, а спрос на ремесленный труд значительно пал. Многие ремесленные отрасли (портные, шапочники и пр.) работали в 1904 г. на магазины круглый год, не покладая рук. Последние же годы они едва заполняли работой 5—6 месяцев, а остальные 6 месяцев должны были пробиваться на скудные остатки от своих заработков.

Но пока не было нарушено мирное течение жизни, ремесленники все же кое-как перебивались, кое-как жили. Наступила новая война, и их положение изменилось еще более к худшему. Еще сильнее пала заработная плата, еще более понизился спрос на рабочую силу ремесленника. В этом отношении русско-японская война и настоящая для местного ремесленника глубоко различны. Та задержала падение ремесла;

---

[1]) «Северный Голос» № 7, 1915 г.
[2]) Ibid, № 8.

эта его ускорила. Посмотрите на отдельные отрасли ремесленного производства.

В Иркутске более 300 человек шапочников. С войной сразу же уменьшился спрос на шапки, и местные магазины (Мерецкий, Лонцих и др.) сократили количество заказов на этот товар. Часть шапочников осталась без работы, другим пришлось работать по более дешевой цене. Потом не стало хватать материалу—мехов, которые доставлялись из Германии. Произошло новое сокращение производства, новое понижение заработка. И вот результаты. До войны в среднем шапка шилась за 45 коп., теперь за 30—35 к.

Здесь есть более 1.000 сапожников. Они тоже работают частью на магазины, частью за свой страх и риск. Сокращение производства в связи с военными действиями на них сказалось также весьма значительно. Правда, часть сапожников теперь работает на армию, но эта работа не в состоянии заполнить всей прорехи безработицы, образовавшейся вследствие войны. К тому же вместе с сокращением спроса на обувь шло вздорожание материалов, необходимых для ее производства. Фунт подметки с 1 р. 20 к. поднялся до 1 р. 70 к., вздорожала кожа, идущая на голенища, вздорожали препараты для чистки кожаной обуви.

Это еще сильнее обострило безработицу и еще более ухудшило положение сапожников. В той или иной степени пострадали и другие ремесла: шорное, слесарное и пр.

Итак, нет землевладельца, который бы не ощущал недостатка рук. Но нет в то же время капиталиста, который бы не плодил безработных, хотя и разных размеров. Безработица была бы еще значительнее, если бы война не поглотила миллионы тружеников, призванных в качестве запасных ополченцев. Но семьи их, особенно семьи рабочих, остались, в свою очередь, без хлеба, 14-е городское попечительство в Петрограде, зарегистрировавшее 421 безработную, отметило, что после фабричных работниц наибольшая доля безработных приходилась на прибывших из деревни. Естественно, уже это не могло не вносить в массовую безработицу свои особые привходящие черты.

IV.

Сводка фабричных инспекторов—сводка данных по предприятиям, подчиненным их надзору (при чем Кавказ и Царство Польское обследованы не были)—раскрывает такой итог. В 1.725 предприятиях, где было сокращено или остановлено производство, насчитывалось 59.648 рабочих, т.-е. 40% общего числа подчиненных инспекции. Остановка производства лишила работы 46.589 рабочих. Уменьшение числа рабочих произошло в 1.034 предприятиях, где число рабочих уменьшилось на 115.912 человек. Вместе с лишенными работы благодаря остановке производства это составило 162.501 раб. Но так как в то же время спрос на рабочих в предприятиях фабричного надзора увеличился в цифре 17.058 раб., то общее число лишившихся работы составляло 145.443 чел. А так как в связи с общей стоит частичная безработица—вследствие сокращения рабочей недели,—то сюда надо прикинуть еще и 428.147 рабочих, т.-е. одну треть обследованного состава,—под этим углом зрения.

Обратимся же к тем факторам, которые, казалось бы, только ждут учета, чтобы друг друга компенсировать. Вот. бок-о-бок Варшава и Прибалтийский край. В Варшаве переполнение рук, в Прибалтийском крае—недостаток, конечно, у «серых баронов», возлагавших надежды на Варшаву. «В некоторых местах по инициативе волостного правления об'явлена запись всех хозяев, желающих получить рабочих из Польши. Но, говорят, охотников нашлось немного»,—читаем мы. Наличность противоположных влияний не устраняла противоречия. В чем же дело? Начнем с фабрик и заводов. Каково бы ни было предложение, каков бы ни был спрос на рабочих в данном месте, безработица есть безработица отраслей труда, отдельных местных профессий. Анализируя состав безработных гор. Варшавы, мы видим, что сократили штаты заводы механические, химические, фабрики, обрабатывающие дерево, фабрики механической обуви и т. п. Но металлист или деревообделочник будет искать работы лишь в пределах своей профессии. Распределиться по другим предприятиям им не легко. Это не полукрестьянин, у которого свой дом, свой надел, на котором, худо ли, хорошо ли, его семья прокормится в крити-

ческий момент, не дойдя до голодной смерти. Не то пролетарий, родившийся, выросший при машине. Он не только порвал все связи с землей, но не имеет понятия о полевых работах, не сумел бы взяться за косу, если бы и голод заставил. Он не пойдет, не может пойти в другие отрасли, кроме той, к которой приспособился годами труда.

Так в Варшаве, так и в других районах. Металлисты, скажем, не везде поражены были безработицей, так как спрос на металлообрабатывающую промышленность проявляла казна. Но вот рабочие, занятые на заводах по изготовлению сельско-хозяйственных машин и орудий. По анкете совета с'ездов, до войны в опрошенных им предприятиях работало 21.946 ч., после войны—9.760 чел., т.-е. осталось без работы 12.186. Из этих, конечно, часть поглотила мобилизация, но за что взяться безработным? Золотосеребрянники, оставшиеся без работы в Петрограде, «бросились кто куда: в почтальоны, на земляные работы, на заводы и фабрики, никакого отношения к производству золотосеребрянному не имеющие, лишь бы уйти от призрака голода» [1]). Но достаточно ли готовности работать? Еще важнее ведь способность к тому роду труда, который всю жизнь был, собственно, чужд.

Согласно же данным фабричных инспекторов, вообще пострадали в первую голову рабочие по обработке минеральных веществ. В этой группе 27.273 рабочих лишилось работы от сокращения производства и 6.672 от остановки предприятий, т.-е. 22% общего числа. На втором месте по абсолютному числу лишившихся работы—группа по обработке металлов, где безработных всего 2.800—10% числа рабочих этой группы. В группе механической обработки дерева 23% общего числа лишились работы, в группе химической промышленности—25% и т. д. Словом, наибольшие потери несли химическая промышленность, обработка дерева, обработка минеральных веществ, профессии, в годы оживления являющиеся опорой, в годы безработицы—проклятием.

Проще положение безработных мелких профессий, официантов, пролетариев прилавка. Если бы не военные заказы, ремесленникам губерний черты, например, оставалось бы умереть голодной смертью во многих и многих случаях. Если бы

[1]) Ibid, № 6.

не земляные работы, та же участь ждала бы массы чернорабочих, именно представителей неквалифицированного труда, которым всякая работа хороша, лишь бы она их питала. Однако, не надо забывать—работы эти временные; главным же образом недостаток рук ощущался в сельском хозяйстве. Но тут действовали задерживающие центры. Нет рабочего, который, поработав уже в городе, не знал бы обстановки, ждущей его в деревне. Здесь, как ни как, пробуждалось уже самосознание, слышалась речь человеческая. Там—простота, патриархальность нравов, не нуждающаяся даже в законодательном регулировании, исключительные условия, отличные от тех, при которых нанимаются рабочие на другие работы. Когда-то, в качестве представителя города, Чехов вывел ресторанного лакея с женой, умиляющейся словам «апце» и «дондежь». Однако, когда этот половой, эмблему лучшего прошлого видящий в своем фраке, попадает «во власть земли», то еще резче, чем в трактире, начинает чувствовать он: «тоже и мы люди». Ибо не в цивилизации трактирной, а в расстоянии между психиками дело; дело в том, что официант и его семья все же высший тип человеческой личности, чем мужик, чем сельский рабочий, существующий в загоне, какой устраивается для скота, пользующийся натуральным вознаграждением, тем самым, которое проф. Гольц считал важным «для поддержания добрых взаимных отношений», но которое на самом деле есть злейшая основа рабочего унижения. Дело в социальной фигуре Чикильдеева,—каков бы он ни был сам по себе,—который не может, органически уже не может мириться с этими «традициями», с этими прикрытиями, затемняющими значение слов: «тоже и мы люди»... Так то—даже при том или ином учете—не выходило равновесия...

Конечно, не было ни посредничества в широком масштабе, ни профессиональных об'единений, ни органов, как бы то ни было близких к трудовой массе... Будь то или другое, или третье, было бы другое распределение сил в той или иной мере. Но все же арифметического благополучия и наличность этих органов не обеспечила бы, ибо смысл не в индивидуальных, а в социальных положениях. Личная судьба может сложиться так, может сложиться иначе. Но судьба групп верна себе экономически, верна и психологически.

V.

Противоречие было тем острее, что не война его разрешала. «Для предстоящего 1914 года я ожидаю промышленной депрессии и кризиса»,—писал М. И. Туган-Барановский еще в 1913 г.[1]) и не ошибался.

Правда, кризис—реакция промышленному под'ему. Чем резче под'ем, тем резче и кризис. Главнейшие же отрасли производства в течение пятилетия 1909—13 г.г. не находились в состоянии того роста, каким была отмечена вторая половина девяностых годов. Не был так напряжен денежный рынок, велик приток иностранных капиталов, игравших такую роль в железнодорожном, горном деле и пр. Не было оснований ждать и кризиса, аналогичного тому, который был пережит в 1900—1902 г.г. Но промышленная кон'юнктура России и Запада, так или иначе, едина. На Западе же признаки перелома были очевидны.

Вместе с тем тревожные симптомы появились и у нас, и первым из них была именно биржевая паника 1913 г. Однако, эта заминка, еще до войны приближавшаяся, как-раз не остановила роста сельского хозяйства. Пять урожайных лет, длительная тенденция к повышению цен на хлеб, вытекающая отсюда интенсификация сельского хозяйства—все это рождало «недостаток рук» здесь еще до войны.

Естественно, нельзя было не призадуматься хозяевам жизни. Различны лишь те приемы, с которыми подходил к создавшемуся противоречию аграрий, с одной стороны, капиталист—с другой. Аграрий принимал его к сердцу с той стороны, которая его, как агрария, касалась. Земские собрания, влиятельные совещания, сотни агентов, сотни записок—если считаться со всем этим, можно было притти к заключению, что иной катастрофы, кроме катастрофы землевладельцев, оставшихся «без рук», и не было. Иначе подходил к вопросу представитель капитала. «Люди» его не занимали. Вот, например, бюро с'ездов стеклозаводчиков, обратившееся к председателю совета министров с ходатайством, связанным с закрытием стекольно-бутылочных предприятий. Около 30.000 рабочих лишилось работы в этой отрасли производ-

[1]) «Ежегодник» газеты «Речь» на 1924 г., стр. 361.

ства. Но о чем говорили стеклозаводчики? Об иностранных бутылках, конкурирующих с русскими, о допущении продажи пива, о разливе денатурированного спирта лишь в стеклянные бутылки, о ряде мер, которые избавляли бы их от убытков. Только не о безработице. Вот ответы, данные Вольно-Экономическому обществу больничными кассами. Если подписаны они владельцами предприятий, то знайте: будут заботы о казенных заказах, о понижении налогов на грузы, о правильной подаче вагонов, об общей поддержке промышленников. Об одном не будет заботы: о безработице.

Не говорям об отдельных лицах: бедствие в слишком острых условиях развертывалось на этот раз, чтобы и отдельные предприниматели не шли ему навстречу. Так, в начале войны, когда у рабочих истощились всякие запасы и сбережения, фабриканты Лодзи начали выдавать своим рабочим пособия в следующем размере: семейным по 1 р. 50 к., замужним женщинам по 1 р. 30 к., холостым по 1 р., подросткам по 70 к. Пособия выдавала только пятая часть фабрикантов. Поддержку не получала большая часть рабочих—около 70.000 человек. Те же фабрики, которые не могли давать рабочим даровых пособий, открыли работы на несколько дней. Так как безработица постигла рабочих и явная, и скрытая, то аналогично было значение об'явления, вывешенного на фабрике бр. Зотовых в Костроме, об'явления, согласно которому заработки рабочих временно повышались на 10%, в виду ненормального повышения цен на предметы первой необходимости вследствие военного времени.

Но такие проявления тонули в море противоположных фактов. Насколько вздорожание предметов первой необходимости было проявлением жадности, жадности торгового капитала, установило особое совещание для определения причин дороговизны. Но вот что примечательно: как-раз в тех районах, которые особенно поражены были безработицей, спекуляция на цены была наирезче. «На рынках Нарвской заставы, гавани, Выборгской стороны,—читаете вы,—почти все продукты продаются значительно дороже, чем в центральных частях города. Семьи рабочих больших заводов решили обратиться к городскому голове с ходатайством, в котором подробно будут изложены проделки торговцев». Мудрено ли, если на почве

именно дороговизны рождались новые кадры безработных. Так, в селе Кохме, Шуйского уезда не работало 5.000 рабочих прядильной, ткацкой и ситценабивной фабрики бр. Ясюнинских. Без увеличения заработной платы на 25% прожить—при существовавших ценах—было нельзя; правление же фабрики на повышение не шло [1]). Подобный же результат имел место на приисках анонимного общества «Кочкаре», в Екатеринбурге, в Саратове в фирме Лейбнера, в Вязниках, Влад. губ., на прядильно-ткацкой фабрике, в Риге на фабрике обуви б. братьев Копман и т. д. Торговый капитал учитывал момент со стороны цен; промышленный же капитал удлинял рабочий день. Так, в Вильне, Сызрани, др. городах с начала военных действий оптовые магазины, ссылаясь на срочность исполнения заказов, начинали зачастую работу с 5 ч. утра. Занятые в предприятиях этой отрасли малолетние работали без всякой нормы. Если аптеки, магазины обувные, бумажные, табачные, готового платья до некоторой степени старались маскировать непомерно длинный день, установленный за дни войны, то в конторах, при закрытых дверях, производилась работа в месяцы балансов открыто до 2—3 часов ночи [2]). На фабриках и заводах бич—сверхурочные работы.

То в той, то в другой корреспонденции констатировалось: «предприниматели растягивают сверхурочно день до крайних пределов, пользуясь фактом растущей безработицы». «Это удлинение само является одним из факторов безработицы». В то же время число рабочих дней становилось меньше и меньше. Процент предприятий, уменьшивших рабочую неделю, в группе обработки волокнистых веществ составлял 54, бумаги—20, дерева—15, металла—20, животных продуктов—26, химического производства—20, пищевых веществ—18. Мудрено-ли, если и на этой почве шли новые расчеты, новые увольнения подчас целых рабочих составов (фабрика Зотовых в Костроме и др.).

Записка о состоянии народного хозяйства во второй половине 1914 года, дополнявшая государственную роспись доходов и расходов, отмечая, что промышленная жизнь не испытала большого ущерба от сокращения числа рабочих рук,

---

[1]) «Сев. Голос», 1905 г. № 6.
[2]) Ibid, № 7 и № 4.

объясняла это отчасти «заменой мужского труда женским». Конечно, о замене говорили цифры. Согласно ответам больничных касс на анкету Вольно-Экономического общества (правда, крайне неполным), мужчин 1 июля 1914 г. работало 76,5%, 15 октября—75,7%; женщин 1 июля работало 23,5%, 15 октября—24,3%. В предприятиях, сокративших производство, мужчин уменьшилось на 26,3%, женщин—на 14,3. В предприятиях, увеличивших производство, мужчин увеличилось на 10,5%, женщин—на 15,5% [1]). Женщин не только меньше ушло из предприятий, сокративших работы, но и больше принято в предприятия, работы расширившие. Постановление совета министров теперь разрешало привлекать женщин для подземных работ в рудниках Донецкого бассейна. Надо ли говорить, что это не средство восполнения недостатка рук при безработице? Это орудие понижения заработной платы. Заменяя мужской труд женским, отечественный капитал не менее обострял безработицу, чем посредством труда военнопленных, труда китайских кули, в которых, конечно, была нужда у крестьянина, у помещика, но не могло быть нужды у горнозаводчика и хлопчатобумажника.

VI.

Улучшения с этой стороны условий ждать нельзя было. То, что затрудняется недостатком рук, более чем достижимо при безработице, и именно так учитывал момент капитал. Однако, если бы с этой стороны и шло улучшение, помощь не была чем-либо отличающимся от благотворительной подачки. Но не подачка благотворителя нужна труженику, который и в критическую минуту промышленной безработицы остается тружеником. Подачка далека от требований народной самопомощи, которая должна исходить от тех, кто на своей спине несет бедствие. Рабочий заинтересован кровным образом в том, чтобы помощь развивалась, укреплялась так, как того требуют его интересы. Но выяснение причин, способов борьбы с безработицей, контроль условий труда, колебаний норм оплаты, всех изменений, связанных с безработицей

[1]) «Страхование Рабочих», № 3, 1915 г.

в ее явной, в ее скрытой форме—какая организация так компетентна во всем этом, как рабочая организация!

В начале войны ходили слухи в Германии о намерении правительства закрыть все профессиональные союзы, и слухи имели основание. Однако, скоро правительство Вильгельма II оценило роль рабочих организаций в переживаемых условиях. Союзы все вместе тратили в Германии 1½ милл. марок в неделю на безработных. За три месяца войны было выплачено ими 20 милл. марок. Труднее всего, конечно, было мелким союзам, пострадавшим от безработицы, но слабым помогали более сильные. Один союз печатников расходовал в месяц 260.000 рублей. Естественно, русский пролетариат не мог не обращать и свои взоры на свои организации. Если бы наши союзы могли выдержать на своих плечах тяжесть внезапно надвинувшейся нужды, то последствия ее были бы много слабее.

Но, во-первых, профессиональное об'единение должно было быть полным, чтобы оказать свое влияние. События же приостановили жизнь рабочих организаций. Напр., в Петрограде они вовсе прекратили существование. Там же, где они сохранились, они оказались на положении отстраненных от жизни. «Тяжелая полоса выпала на долю рабочих и, в частности, на нас, печатников,—говорили участники ликвидационного собрания печатников в Петрограде.—Сейчас, при тяжелых условиях безработицы, общество, стоящее на страже интересов трудящихся, более, чем необходимо, а его-то и нет» [1]). Во-вторых, размах работы, отвечавшей бедствию, требовал расширения рамок деятельности, так как закон не предусматривал даже помощи безработным со стороны профессиональных союзов в России. Когда же на с'езде союза городов поднял вопрос об этом Н. Н. Шнитников—гласный петроградской думы, чуткий к нуждам трудящихся масс, то М. В. Челноков—тот самый, который так долго учился тактике у П. Н. Милюкова—снял вопрос с обсуждения, как «ненужный и не идущий к делу».

Конечно, так или иначе, организации, созданные массами, являющиеся непосредственным выражением их потребностей, не могли не выйти из роли парализованных, не проявить

[1]) «Сов. Гол.» № 6.

самодеятельности, не приспособиться к тому, что экстренно становилось на очередь перед ними в районах, застигнутых войной, затем в прилегающих к ним хоть отчасти. И мы это видим. Из Лодзи 20.000 рабочих были отправлены в Донецкий район, между прочим, и усилиями рабочих ячеек. В Варшаве организованы были столовые для безработных, существовавшие на сборы самообложения рабочих. По инициативе же рабочих приступлено было к продаже хлеба по дешевой цене. В Риге состоялось собрание делегатов 38 рабочих обществ, констатировавшее, что о безработных никто не позаботится, если они сами о себе не позаботятся. Собрание приняло инструкцию учрежденному комитету. Вместе с тем профессиональные союзы «оживали». Так, рижские маляры, увидев, что без профессионального общества нельзя помочь безработице, приложили силы к тому, чтобы организовать общество сейчас. Заметен был приток членских взносов в профессиональном союзе рабочих обувного производства. В новый союз «Молот» записалось 100 человек.

То же и в губерниях черты. Первым оформило, поставило на очередь дня вопрос о безработице в Вильне профессиональное общество служащих в торгово-промышленных предприятиях. Примеру торговых служащих последовали и представители других профессий. Вот, напр., рабочая столовая профессиональных союзов гор. Вильны. Две небольшие, но чисто вымытые комнаты. На столах свежие, светлые клеенки. Обслуживают обедающих дежурные-работницы из среды своих. «Хорошо себя чувствуют»—не за подачкой пришли в столовую, которая их поднимает «и морально». Какова помощь, можно судить по тому, что из 500 обедов, выдаваемых столовой в день, 300 обедов было бесплатных. Конечно, виленские рабочие при таких условиях труда не в состоянии были оплачивать кухню целиком. Материальные дела профессиональных союзов и цехов очень расшатаны были. Безработица уже тем затормозила приток средств, что многие не в состоянии были внести членского взноса. Особенно тяжело пришлось профессиональному союзу портных, который доплатил за обеды своих членов с 7 декабря по 15 января 235 руб. И столовая не обходилась без поддержки со стороны. С одной стороны — городская дума, с другой—Вольно-Экономическое общество, всероссийский союз городов, общество охранения еврейского

народного здравия. Однако, помощь эта была не помощью филантропов. «Предпочитают терпеть жестокие муки голода, чем обратиться за помощью в филантропическую кухню, где обедает нищенствующий элемент» [1]).

Многолюдны были собрания профессиональных союзов, посвященных вопросу о безработице, и в Минске, и в Бобруйске, и в др. городах. Не было центра промышленного, где бы рабочие не стремились к тому, чтобы помощь безработным получила сколько-нибудь организованный характер. В Петрограде, правда, было всего несколько обществ оказания помощи, созданных при заводах, обществ довольно проблематичных. Из Москвы же, Харькова, Киева сообщали о состоявшихся собраниях фабричных рабочих и торговых служащих, на которых вопросы об организации помощи безработным поставлены были ребром. В Москве, Ростове, Самаре имели место попытки создать об'единенные комитеты помощи. Такой комитет создан был при собрании приказчиков в Харькове, затем в Николаеве рабочими местных заводов. Отчисления, сделанные рабочими, составили 1.200 рублей. В Самаре создалось общество, целью которого было противодействие тягостным последствием войны для живущих наемным трудом. В Туле общество рабочих по металлу стало активно с наступлением безработицы. На общем собрании был выдвинут вопрос о безработице, при чем было поручено специальной комиссии более детально его разработать и поставить на общегородском собрании рабочих. Комиссия затеяла и анкету. В Мелитополе общество приказчиков организовало выдачу пособий. Юрьевское общество по обработке камня выдало беспроцентные ссуды безработным членам. Пинское общество лиц, занимающихся приказчичьим трудом в лесной промышленности, выдало ссуды такого же рода. Даже в далеком Иркутске организация помощи среди типографских рабочих поручила комиссии немедленно приступить к выяснению степени нужды и оказанию помощи.

В связи же с этим стояли и сборы. Московские рабочие собирали на постройку дома-приюта для безработных из среды московских товарищей, киевские—на лазарет и амбулаторию больничных касс с тем, чтобы учреждение явилось осу-

[1]) «Сев. Гол.», № 4, 1915 г. и «Речь», № 335, 1914 г.

ществлением перехода врачебной помощи в руки рабочих. Согласно ответам больничных касс и профессиональных союзов на анкету Вольно-Экономического общества, отчисления на семьи товарищей, оставшихся без работы, делали рабочие зав. Эльворти в Елисаветграде, Гретера в Киеве, Брянского в Орловской губернии, Волховская фабрика Кузнецова, Днепровский гвоздильный завод в Екатеринославе, Песочинская фабрика Кузнецова, лесопильный завод Никуличева в Вологодской губ., машиностроительный в Бердичеве, Чудовский, зав. Лингарт в Рязанской губ., зав. Беркенгейма в Харькове, Красногорский цементный зав. Дитмара в Харькове, Чернятинская фабрика в Орловской губ., химическая фабрика Бейера в Москве, лесопильные заводы Архангельской губернии, завод Доброва в Нижнем-Новгороде, Тверской машиностроительный завод и пр.

Все это ценнее было теперь, чем когда бы то ни было. Но где те условия, при которых все это вростало бы в жизнь? Только-что слышали вы одно, сейчас другое. «Замерли, ступшевались организации». «То время, когда кипела жизнь в союзе, кажется как-то страшно далеким теперь». «Одни члены ушли, другие прекратили взносы». Словом, безработица будила самодеятельность рабочих, но не было условий, которые бы эти отрывочные факты превратили в то, без чего перед нами... капли в море.

Разумеется, и при размахе одни рабочие организации полностью удовлетворить задачи, поставленные безработицей, не в состоянии; не в состоянии вообще, тем более в момент, обостренный мировой драмой. И то, что делалось в Германии, делалось отнюдь не одними рабочими организациями. С одной стороны, выдвинулась роль государства и в деле государственной помощи посреднической работе, и в деле урегулирования вопроса о сверхурочных работах. Рейхстаг постановил выдать из принятых военных кредитов 1.000.000 руб. на поддержку безработных. Парламенты отдельных государств вотировали субсидии для тех же целей отдельно. Затем меры органов самоуправлений.

Трудящиеся классы России не избалованы были вниманием к себе ни со стороны государственной думы, ни со стороны органов самоуправления. Однако, был год —год безработицы, когда городские думы вступили на этот путь—путь

создания правильного учета, посреднических организаций, общественных работ и у нас. Был год, когда субсидию на продовольственную помощь безработным выдала и государственная казна. Это был 1906—07 год. И вот и теперь имел место ряд обращений к этим учреждениям. Государственная дума была безответна. Но тем настойчивее шла атака на думы. Рижские профессиональные союзы все вместе подали записку рижской городской думе о том, чтобы она организовала работы. Виленские—с указанием на необходимость открытия питательных пунктов для безработных, бюро труда. К каждому заседанию думы управа получала десятки заявлений за подписями сотен безработных на всех местных наречиях. То же—в Либаве, Киеве, Москве, других промышленных центрах. Словом, волна росла и росла.

Что же предпринимали отцы городов в ответ?

VII.

Одна городская биржа труда существовала в Петрограде еще до войны. Теперь городские деятели организовали новую биржу, независимо от первой, независимо и от 20 районных бюро труда при попечительствах. В Варшаве, Вильне, Либаве, Саратове, в ряде других городов организовались биржи. В Киеве, Самаре, Томске—лишь проектировались. Значит,—на ряду с конторами частными, общественно-филантропическими учреждениями, усилившими работу посредничества,—организовали органы посредничества целый ряд городских дум, городских комитетов, муниципальных организаций и пр.

Это не были рабочие бюро при профессиональных союзах. Целиком в интересах рабочего класса использовать городское посредничество нельзя было. Однако, чуждаться такой организации посредничества не приходилось. Нужен был такой опорный пункт для самодеятельности, и тем это важнее было для масс, чем меньше было у этих масс собственных учреждений, чем меньше дело помощи поставлено было на почву самопомощи.

Ведь нет области, которая бы такое значение имела для безработного, как посредничество, и независимо от того, что оно избавляет его от подрядчика, конторы, уличной газеты,

мастера. Чем меньше времени отнимает приискание работы, чем прямее дорога к последней, тем больше выигрывает рабочий. Если же налаженного пролетарского аппарата, того, который мы видим в Западной Европе, нет, то можно было быть лишь удовлетворенным, что думы взялись за это дело.

Однако, посредничество может быть организовано в согласии большем с теми потребностями, на которых оно зиждется, и в согласии меньшем. Присматриваясь к городским биржам, вы видите, что популярными их назвать нельзя было. Городская биржа труда в Петрограде (первая) обслуживала, главным образом, чернорабочих, огородников, низшие роды прислуги, лишь отчасти строительных рабочих. Что же касается бюро труда при попечительствах, то с большинством из них обстояло вовсе слабо. Наиболее деятельное 11-е попечительство зарегистрировало 1.478 безработных, 14-е—421, 19-е—менее двухсот. В Вильне, в Либаве, правда, дело шло живее. Но только там. Давно назрела нужда, давно назрела идея бирж труда. Война же с ее мобилизацией, с одной стороны, безработицей—с другой, с ее каналами, вводящими и выводящими, которые может регулировать лишь такой орган, дала новый толчек городским биржам. И все же биржи не были популярны в тех городах, где должны бы быть популярны.

В чем же дело? Хотя сделанное имело скорее принципиальное, чем практическое значение, все же и принцип, положенный в основу организации, мог открывать больший простор живым людям и живой деятельности, мог открывать меньший. Все почти биржи труда, которые основывались в России, строились на началах бюрократических. Когда еще до войны — в начале 1914 года — создавалась в Москве биржа, и профессиональные союзы выразили желание, чтобы их представитель был допущен к управлению ею, совет хитровского попечительства ответил, что в этом нет нужды. Теперь Вольно-Экономическое общество выработало такие основания биржи труда. Для управления биржей труда образуется комиссия в составе представителей от рабочих и предпринимателей в равном числе, под председательством лица, назначенного думой. Представители рабочих — представители профессиональных союзов. Служащие биржи, ее отделений и секций нанимаются комиссией из числа кандидатов, указанных членами комиссии—представителями от рабочих. Все дела раз-

решаются по большинству голосов. Биржа труда приостанавливает свою деятельность в отношении тех отраслей промышленности, в предприятиях которых происходит стачка или локаут. Биржа труда не сообщает нанимателям никаких сведений о прошлом рабочего или его личности, кроме сведений о его профессии и условиях найма. Биржа труда устраивает столовые, гостиницы для безработных, библиотеки-читальни, лекции, чтения для безработных и т. д.

Вот положения, которые и должны лечь в основу организаций, если организации ищут симпатий в низах. Только руководство биржей заинтересованных сторон служит гарантией того, что деятельность выльется в формы, наиболее удобные для них. Либавская городская дума, таким образом, не ошиблась, введя в управление биржей деятелей больничных касс. Правда, система представительства, избранная думой либавской, не широка. Дальше пошла виленская городская дума, остановившаяся на представителях профессиональных союзов. В совещательную при бирже комиссию, кроме 5 представителей думы, вошло по одному представителю от каждого профессионального союза и от каждой предпринимательской организации. Биржа же труда в Петрограде не привлекла заинтересованные стороны к организационной работе вовсе. Комитет не мог не сознавать необходимости популярности биржи. В своем воззвании к обществу он обращался к профессиональным союзам рабочих и организациям фабрикантов. Но все же практически ни рабочие ни предприниматели не имели места в управлении биржей ни в Петрограде, ни в Киеве, ни в других городах.

Внимание органов самоуправления привлекли и общественные работы. В качестве меры борьбы с безработицей общественные работы проектировала либавская городская дума, возбудившая ходатайство перед казной об отпуске 50 милл. рублей на этот предмет. Проектировалось замостить улицы, осушить некоторые городские земли, построить дамбу-плотину. Но лишь проектировалось. Так как пособие не было получено, то работы не состоялись. Этого нельзя было назвать хорошим началом. В то время, как для безработных средств не оказывалось, для военнопленных ведь работы организовывались. Правда, широкого распространения труд послед-

них в начале войны не получил. На казенных, преимущественно, земляных работах было занято в 1915 г., по сведениям главного управления генерального штаба, 4.405 чел. Семь же городов привлекли к земляным строительным работам до 1.000 военнопленных... Но почему же то, что возможно для пленных, невозможно по отношению к безработным? Недостаток ли средств, косность ли органов самоуправления лежали в основе отказов от общественных работ, или... предпочтение принудительного труда труду безработных, который дороже, хотя и не сопряжен с расходом на надзор? Ведь, если общественные работы заняли первостепенное место в ряду мер с безработицей в странах Запада, во всех странах, потрясенных войной, то война и поставила на новое основание эти работы. Общественных работ с благотворительными целями уже не было, а были работы общественно-необходимые, которые ждали лишь осуществления в рамках чрезвычайных дней.

Итак, основные мероприятия были мало выдвинуты и на этот раз. Даже организации столовых вызывали протесты. В благотворительных столовых,—гласила записка семи профессиональных союзов, поданная в виленскую городскую думу,—«большинство посетителей—элемент нищенствующий, так называемые лумпен-пролетарии, живущие между трудом и подаянием. Не в интересах города превращать рабочих в нищенствующих, развивать пауперизм, плодить попрошайничество». Те же столовые, которые организованы при участии рабочих, заведывание которыми не в руках благотворителей, а представителей трудящихся, «свободны от элемента благотворительности». «Участие городского самоуправления в содержании этих столовых,—продолжали далее союзы,—отнюдь нельзя рассматривать, как благотворительность, так как рабочие, хотя и не имеют избирательных прав, но, наравне с остальными классами городского населения, несут все городские налоги и повинности». Вот точка зрения, правильная по отношению к столовым, правильная и по отношению к другим видам помощи. И что иного мог сказать гласный, не желавший отделаться фразой, чем то, что сказал гл. Заштовт:—«Мы будем не представителями города, а кучкой сытых, которые голодного не разумеют,—возражал он все-таки отстаивавшим принцип благотворительности,—если откажем в этой

помощи безработным. У рабочих развито чувство достоинства. Не наша задача перевоспитывать их в другом направлении» [1]).

Откуда бы ни исходили мероприятия, какой бы характер мероприятия ни носили — местный или общегосударственный,—одно условие удовлетворяло рабочих прежде всего: самодеятельная работа на местах.

---

[1]) «Речь», № 341, 1914 г.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Беженцы-безработные.

I.

Под гром пушек надвигалась безработица. И в то время, как со всех сторон шли вести о закрытии фабрик и заводов, о расчетах рабочих и работниц—неизбежном следствии капиталистического производства в обстановке мировой войны—во всей остроте стал и вопрос о беженцах, мечущихся без крова, без приюта. Разумеется, беженство, как таковое, к нашей теме отношения не имеет. Но большинство беженцев были рабочие, ремесленники, пролетарии прилавка.

Широкой нарастающей волной гнала война их уже с самого начала военных действий—с момента первых наступлений на немецком и австрийском фронте, еще до отпуска сумм городскому и земскому союзам. Так, начавшись с пограничных губерний, поток спугнутых войной, в который внести планомерность нельзя без крупных ассигнований, рос в своей интенсивности и рос.

Первые восемь месяцев наступление врага успеха не имело, и преобладали беженцы-евреи. Однако, вскоре обстоятельства изменились. Малороссы, поляки, литовцы, латыши, русские—не было уже города, где бы не было людей из районов, занятых неприятелем. И, главным образом, людей физического труда. Этот поток не порождался кризисом, но безработица, благодаря ему, приобретала исключительные, невиданные до тех пор размеры. Очевидно, картина была бы не полна, если бы мы не уделили внимания и этому потоку, поскольку он связан был с безработицей и безработной резервной армией.

II.

Вот толпа рабочих, растянувшихся около луж,—уже льют дожди. Люди идут и едут, ибо каждому хочется уйти, уехать, куда глаза глядят, от того, что осталось. Смотришь на сеть

экипажей, повозок, коней, быков, слушаешь топот, от которого кружится голова: это беженец, ушедший добровольно.

Грозит ли занятие или уже занято место его оседлости?

Тяжело населению, когда враг наступает. Но еще тяжелее после вторжения, хотя бы вторжение и было отбито. Жители покидают города, села, местечки, имения, деревни, и обе стороны разрушают все, что возможно. Бои совпали с полевыми работами, — обсеменить поля невозможно. Поля обсеменить успели,—посев надо сжечь, чтобы германцы и австрийцы не захватили добычи. Вещи, полезные для снабжения, для снаряжения армии, должны быть вывезены. Но вывозить всего некуда или не на чем, и добро горит в значительной своей части. Район переходит из рук в руки, сплошь и рядом; значит, жгем сперва мы, потом неприятель, потом опять мы, потом опять неприятель.

Не хватает теплушек для домашнего скарба. И вот просьбы, бесконечные просьбы приплатить в любом пункте, лишь бы увезти что-нибудь из багажа. Но поезд подходит,—как бы самому протолкаться в вагон, протолкать и жену, и мать, и ребенка. И лежат вдоль рельс корзины, ящики, тюки—лежат до тех пор, пока не уберут их в сторону, а на их место принесут другие корзины, другие тюки другие беженцы, ушедшие добровольно.

Такова обстановка рабочего, бежавшего по собственной воле. Тем не менее преимущество, одно преимущество у него есть. Это «беженец, как таковой». Были еще и «выселенные из района военных действий».

Выселенцы, главным образом, евреи, выселялись поголовно, как работоспособные мужчины, так и женщины и дети. Дзюбинский, уполномоченный пятого сибирского отряда, так рисовал выселение из Радомской губернии. В течение нескольких почных часов население должно было покинуть местность. И вот ночью началось переселение в ближайший город Иляу, отстоявший за 30 верст. Стариков, больных, расслабленных, паралйчных несли на руках, ибо перевозочных средств не было [1]). Детские приюты, богадельни, даже сумасшедших брали с собой.

---

[1]) «Еврейская Жизнь», № 6, 1915 г.

«Беженцу»-рабочему удавалось вывезти хоть что-нибудь. Для выселенца же это было невозможно.

И вот путь, долгий путь.

«Из нас сделали путешественников»,—говорил один старый рабочий, и так это было с тех пор, как расширена была черта оседлости. «Черта» была подобна петле, и без того набитая, как песком морским. Но каков бы ни был наплыв выселенцев при таких условиях, выселенец знал, куда его везут, определенно. Другое дело стало потом. Как капля, долбящая камень, беженский поток открыл сперва три губернии для евреев, а затем всю Россию, включая сюда и Сибирь, хотя и исключая столицы, области Кубанскую, Терскую, Войска Донского, сельские места. Администрация убедилась, что перед ней массовая стихия.

III.

Итак, переселенцы, с одной стороны, выселенцы—с другой... Но если и тем, и другим нужна поддержка на станции, в вагоне, на проселочной дороге, то еще сложнее устроить прибывших на местах хотя бы на время.

Именно здесь—в местах водворения—дали себя прежде всего знать числа.

Разумеется, регистрации правильной не было. Местами она была, местами отсутствовала. Когда военно-промышленный комитет стал собирать сведения о беженцах-безработных, данные регистрации — не те, которые перегружают столы хламом, а те, которые предшествуют организации помощи— оказались в состоянии примитивном. Но слишком велик был поток для того, чтобы учет, так или иначе, не имел места. И вот цифры, относящиеся ко времени, когда еще не были взяты ни Вильно, ни Гродно.

Виленская губ.	30.000
Гродненская	25.000
Минская	35.000
Витебская	20.000
Могилевская	20.000
Полтавская	11.524

Черниговская	8.322
Киевская	2.573
Екатеринославская	7.706
Херсонская	4.967
Таврическая	6.937 [1]

Это выселенцы, и, главным образом, рабочие, крестьяне, ремесленники. Еще до «отмены черты» в Пензенской губ. их было 10.000, в Тамбовской—5.932, в Воронежской—3.352. Если же таковы были «выселенцы», преобладавшие до наступления, то «беженцы» превосходили их во много раз. В Костромскую, Пензенскую, Вятскую, Казанскую, Симбирскую, Тамбовскую губернии направлено было по 100.000, в Киевскую—60.000. На совещании представителей городов в Москве Н. Н. Щепкин сообщил, что из Холмской и Люблинской губерний двинулось 600.000 человек. По подсчетам С. В. Бахрушина, даже 1.200.000 человек. И едва ли ошибался обозреватель «Городского Дела», указывая, что это, по преимуществу, были рабочие. По данным регистрационного пункта к 31 июля 1915 г. в Петрограде было 4.000 беженцев. С 31 августа это количество возросло до 18.000, при чем еженедельно прибывало по 2½—3 тысячи. Всего с июля по октябрь через регистрационный пункт прошло 39.000 человек. И это не вся волна, это то лишь, что учел пункт [2]. В Вильне в январе того же года было 17.576 беженцев, в феврале—27.159, в марте—48.192, в апреле—50.347. В Витебске—10.000, из них 4.000 крестьян, 6.000 евреев; в Харькове—6.300. Губернский город-центр вмещал подчас сотни тысяч. Но их ведь немного. В городе уездном помещений мало. Но как и их облепили со всех сторон! Где два, где три, где семь тысяч... Цифра поднималась до 10, до 12, до 20 тысяч... Уездный же город продолжением имел местечко.

Города Вятской, Костромской губ. увеличились в два раза. Что же в губерниях, ближе лежащих? В городе Гомеле беженцы в три раза превзошли население, ибо скопилось их 300.000. Но тем сложнее задача устройства людей, истомленных, лишенных возможности кормиться, приискания им работы. Появились постановления, запрещавшие подымать це-

---

[1]) «Известия всероссийского союза городов» № 17.

[2]) «День» от 31 октября 1915 г.

ны на квартиры и комнаты. Постановления были изданы как-раз там, где поток беженства был интенсивен,—в Смоленской, Витебской, Могилевской, Виленской губ. Но выходило как-то так, что постановления являлись уже тогда, когда все, что занять было возможно, было занято вплоть до углов. От такс перешли к реквизиции. Принудительное же отчуждение квартир встретило резкий отпор со стороны домовладельцев, с одной стороны, классового состава городских дум—с другой. Монастырские подворья и гостиницы могли бы вместить сотни тысяч переселенцев. На монастыри и обратили внимание некоторые учреждения. Раздался голос курской городской думы, обратившейся к архиепископу с просьбой о предоставлении монастырских помещений. Затем М. В. Челноков обратился к обер-прокурору св. синода с письмом, в котором говорилось о том же от имени союза городов. Однако, это не прошло.

В Минске за телефонную будку платили по 1 руб. 25 коп. в сутки. В Мариуполе рабочие в полутемных амбарах скучены были до того, что начали распространяться инфекционные заболевания среди них. В Луганске помещением служила баня. Но тот благодарил судьбу, кто поспел хоть в какую-нибудь постройку. В уездных городах, в местечках найти помещение было невозможно, и жили массы под открытым небом. Мужчины, женщины, дети спали рядом вповалку на земле. Без продуктов, без предметов первой необходимости... Их надо заработать... Но 12 миллионов ртов!.. Как их заработать? В Калуге, Костроме, Воронеже, Москве, Петрограде сорганизованы были бюро труда. В Смоленске запись на работы производилась прямо на вокзалах. В Тамбове организовались общественные работы. Все это содействовало тому, что часть рабочих устраивалась. Но эти бюро, эти общественные работы были каплей в море. В Петрограде таких бюро было более, чем где либо. Однако, беженец-рабочий работы не находил. Ведь беженец—живой человек с живой психикой. Пережив то, что было до переселения, и что было после переселения, он нередко не имел и сил для поддержания своей дееспособности.

Из 1.400 беженцев, зарегистрированных рабочей секцией ростовского военно-промышленного комитета, лишь некоторые получили работу по предложению секции или устроились

сами. Чернорабочим-мужчинам назначалось 90 коп. в день, работнице-беженке—от 40 до 60 коп. Чем более затягивалась война, тем все больше реальная плата падала. Но в то же время номинально, особенно в отраслях труда, где спрос на рабочие руки был интенсивен, она росла. А тут 90 коп. мужчине, от 40 до 60 коп. женщине—норма, ниже которой плата стояла до войны, ибо одно—рабочий местный, другое—рабочий беженец, снабженный карточкой рабочей секции, которую он предъявлял, прося работы.

«Ему предлагают половинную плату, — писала Анчарова,—карточка ведь ясно показывает, что он беженец, что ему нечего есть, отчего же не воспользоваться, не купить его по дешевке!» Беженец прятал компрометирующий документ—авось без него будет легче, но тогда фабрикант не брал его, а бил себя в перси, кричал о лени, о вреде поощрения тунеядства [1]). Или не берут на работу, или ставят в такие условия. Ведь это «рты лишние» по сравнению с рабочим местным. Вот два молодых парня:

— Вы почему работы не ищете? Чем вы дома занимаетесь?

Ломовыми извозчиками они были в родных местах. Здесь же—в Полтаве—нашли работу на одной из мельниц. Казалось бы, как-раз по плечу им. Там управлялись с кладью в качестве ломовых извозчиков, здесь—с мешками муки. Однако, проработав два дня, ушли наши беженцы.

— Не можно, никак не можно, господин.

«Не можно» потому, что пятипудовые мешки заставляли таскать их на мельнице. Триста—четыреста мешков перетаскать в день, нередко во второй этаж, не по силам и ломовым [2]). И они—без работы.

Но если семья шесть человек, а заработная плата ниже рубля—достаточна ли плата для покрытия насущных нужд? Осень, наступает зима с ее холодами. Беженцам нужно топливо, а как топливо купить—хотя бы при заработной плате, превышающей эту в несколько раз?

---

[1]) «Речь», от 17 октября 1915 г.

[2]) «Русские Записки» № 8, А. Пешехонов: «Без вины виноватые».

IV.

В пределах черты отмечались случаи враждебных встреч беженцев-евреев. Так, освободился от постоя солдат молитвенный дом в Кобрине (Гродненской губ.). Еврейский комитет направил туда беженцев-рабочих. И вдруг... собралась толпа обывателей, которая решительно заявила:

— Не пустим сюда беженцев...

И, в самом деле, не пустили. Напрасны были просьбы членов комитета, общественного раввина, даже слезы беженцев и их детей. Скарб оставался на улице, рабочих не впускали до тех пор, пока раввин убедился, что добром делу не помочь, и обратился к содействию... полиции [1]). Кобрин, видите-ли, один из пунктов, через который проходили как евреи, так и христиане. По дням и ночам двигались подводы, пешеходы, вздувая цены баснословно. А так как кобринцам нечем было кормиться и друг от друга, то вот сюрприз...

Конечно, во Владимирской, Харьковской, Нижегородской губ. торгового населения меньше, чем в какой-нибудь Подольской или Волынской; мало того, один мастер-еврей приходился в Вильне на 20 жителей; в Минске тоже на 20, в Киеве на 18, в Белостоке на 15. Во Владимире же или в Нижнем не хватало мастеров. Но это имело значение лишь для торговцев и ремесленников. А что это был за пришлец? Много стариков, женщин, детей. Процент ремесленников, торговцев был не мал. Но главный процент составляли рабочие.

В предприятиях Екатеринослава всего занято было 3.700 чел., из них рабочих 3.530, служащих 260. Евреев было крайне мало. Так, на кирпичных заводах их совершенно не было, на лесопильных работали лишь в разгар сезона, на мукомольных мельницах их тоже не было; в крупорном производстве евреи представлены были сильнее, чем в мукомольном, но и здесь их было меньшинство; в большинстве металлургических заводов совсем не было. И вот когда на последних появилось несколько сот беженцев-евреев, они были вы-

[1]) «Еврейская Жизнь», № 7.

селены... одесским губернатором. Таких случаев было не мало. Казалось бы, торговец-еврей, ремесленник, рабочий-еврей осели, обросли паутиной привычки. И вот взмах пера царского холопа—и сотни тружеников опять в пути, опять без работы. Эти тысячи оторванных от западных губерний были частью те же эмигранты, которых эти губернии выделяли из среды евреев. Если бы эмиграцию не приостановила война, этот торговец, этот ремесленник были бы не в Тамбове, не в Воронеже, а в Нью-Йорке. Теперь же они в Тамбове, влияя на промышленность, на торговлю этих губерний, лишенных экономического нерва. Промышленная инициатива, торговая сметливость беженцев-евреев сказывались быстро. Однако, безработные рабочие от этого не уменьшались. Всем понятны жалобы крестьян и дворян на недостаток рук в сельском хозяйстве. Увели молодежь из дому, некому работать в полях. И вот новый работник в селе, станице, на хуторе. Какой же прием ему оказывают крестьяне. «У нас, например, крестьяне М. Ивановки,—писала «Речь» [1]),—предупрежденные о прибытии партии беженцев, выслали, оторвавши от работы, верст за сорок в н. Дубовку бесплатно подводы. И это в самую горячую пору, когда вследствие обильных дождей, дорог был каждый сухой солнечный час». Желавших поместить их оказалось даже больше, чем надо, и мужики всячески старались залучить к себе одного - двух человек «землеробов». «Землеробы», в свою очередь, начинали «оседать» в имении, в деревне.

— Глядишь на иного,—говорили о них старожилы,—приехал совсем ни к чему, чисто после болезни какой. А там вышел в поле, взялся за работу—как пошел ворочать... И не узнаешь...

— Болели сильно. Умерло много,—говорили сами о себе пришлецы. А пришли в село, как на родину. Все то же, как и там: поле, хлеб, работа.

Но это были полукрестьяне, полурабочие. Характерная деталь этого движения в деревню: индустриальные рабочие не втягивались в него. Не много облегчала положение рабочих и эвакуация промышленности.

Взрывались заводы, фабрики, капитальные сооружения, но оборудование их вывозилось. Вещи личного потребления не

[1]) «Речь» от 29 октября 1915 г.

вывозились именно потому, что товарные поезда были забиты орудиями производства, сырьем; что шла эвакуация предприятий. Эвакуация промышленной Лодзи, например, началась задолго до наступления. В то время, как рушились мосты, вокзалы, капиталы уже были вывезены.

Конечно, представителей капитала эвакуация разорила во многих случаях. Однако, если одни разорились, то другие, напротив, разбогатели и разбогатели до эвакуации. О торговцах говорить не приходится. Промышленники же чувствовали за собой силу, назначая цены, какие вздумаются. Они же за время войны сорганизовались лучше, чем когда бы то ни было, доведя кредит до гибкости чрезвычайной даже в момент войны. А так как промышленная жизнь свелась к казенным заказам, то, с одной стороны, обеспечена была прибыль, независимо от колебания рынка, с другой... принудительный труд. Поговаривали даже о том, чтобы всех рабочих перевести в «военнообязанных», рабочее законодательство упразднить на время войны, чтобы о станках и не вспоминали. Все это, вопреки убыткам, давало толчек к тому, чтобы на новых местах начинать то, что разрушено на старых.

По мере того, как противник наступал, окраины пустели. Вот переменятся обстоятельства. Многие ли направят стопы обратно, чтобы восстановить то, что было разрушено, на старом пепелище? Ведь даже тогда, когда война кончится, последствия будут огромны. Очевидно, капиталам, техническим силам улыбались новые центры, и мы видим предприятия там, где их до сих пор не было, видим кадры рабочих, прибывающих вслед за капиталом.

Но все это в рамках военного спроса, военного времени. Предприятия эти давали работу лишь небольшой части рабочих, работавших на них до войны, тем более, что принудительный труд, труд военнопленных был еще дешевле. К концу 1916 г. в русской промышленности и сельском хозяйстве работало 867.000 военнопленных. Правда, главная часть (432 тыс.) падала на сельское хозяйство. Однако, и в металлургической промышленности их насчитывалось 90.000, в горном деле—92.000, в торфяных предприятиях—90.000.

Итак, война расшатывала экономические основы целых районов. Война толкала рабочее население в новые районы.

на новое материальное строительство. Мы не имеем в виду беженства во всем его об'еме. Мы имеем в виду лишь беженцев-рабочих. Очевидно, еще более этот поток ухудшал безработицу, чем былой наплыв крестьян из голодающих губерний.

Перед лицом стихийных испытаний рабочие проявили максимум дееспособности, на какую были способны, в деле помощи товарищам. Они выходили встречать поезда с рабочими, разбирали их по квартирам, устраивали сборы в их пользу, пытались создавать свои самостоятельные комитеты помощи беженцам-рабочим. Но власть делала все возможное, чтобы не допустить к этому делу рабочих. Один за другим деятели рабочих комитетов арестовывались и высылались, пока рабочие не отошли в сторону от дела помощи беженцам. «Пускай сами справляются»,—говорили они. Непрерывный поток ведь требовал мер, поистине грандиозных. И вот—как ни ограничены были средства—многое из того, что было сделано, было сделано отделом по устройству беженцев земского и городского союзов. Подотдел эвакуационный оборудовал регистрационные, питательные и др. пункты почти на всех станциях московского железнодорожного узла. В пределах городской черты работали организации московского городского управления, за пределами ее—московского губернского комитета, которым выполнялось и сопровождение беженцев в пути. Подотделом приступлено было к постройке больших изоляционно-пропускных пунктов, ведавших, на ряду с медико-санитарным осмотром, питанием беженцев. Справочный отдел давал справки в случае разделения в пути семей беженцев, потерь родных и знакомых. С целью содействия возникновению местных бюро труда отдел командировал в Поволжье и южные губернии — местности, где бюро труда не были организованы, а наплыв беженцев был особенно велик — особых инструкторов, в задачи которых входило установление деловых сношений бюро местных с центральным учреждением по оказанию трудовой помощи; сформирован был кадр опытных проводников для сопровождения беженцев и оказания помощи им в пути; наконец, устройства, оборудования постоянных детских приютов на местах для направления в них избытка детей из временных разборочных пунктов. Энергию проявили национальные комитеты помощи—литовский, еврей-

ский, польский и др., особенно еврейский. Все еврейство России обложило себя обязательным налогом «беженским». Но все это одного не могло дать беженцу—работы. Фронт поглощал все больше и больше рабочих сил. Безработица же все обострялась и обострялась...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Революция и безработица.— Брестский мир и демобилизация труда (1917-1918 г. г.).

I.

Сколько прошло перед нами закрытых фабрик и заводов, разоренных торговых рядов! Однако, едва ли когда-либо голод с такой ядовитой улыбкой реял над армией труда, как тогда, когда энтузиасты революции, сломав старый мир, принялись строить храмы над развалинами.

В безработице 1917—18 г.г. было что-то особое от того, что изложено нами выше. До революции это было следствие кризиса, капиталистического перепроизводства, принявшего характер затяжной депрессии. С 1914 г. осложнилась она войной, которая, раз вспыхнув, уже вносила ряд изменений в экономическую жизнь не предвиденных. Но лишь с 1917 г. динамика войны встает во всей ее зловещей наготе. Уже сам по себе процесс войны аналогичен промышленному кризису. Но борьба до истощения извратила характер его. Кризис военного хозяйства—в отличие от кризиса мирного времени с его перепроизводством—стал кризисом недопроизводства, острого недостатка решительно во всех товарах.

Такой характер имела безработица всех стран, втянутых в войну. Промышленность, весь производительный труд капиталистического мира приспособились к интересам воинствовавшего империализма, оставив без удовлетворения насущные потребности людей. Предприятия работали «на оборону», и ни в чем так не вскрывались противоречия между производительными силами и теми границами, в каких им приходилось действовать, как в этом предпочтении предметами потребления орудий человеческого истребления, предпочтении, обнажавшем всю анархию производства. Естественно, то, что было результатом войны в Зап. Европе, не могли не иметь места и у нас. Станки, приспособленные для производства на военные нужды, связали нас с разрухой всего мира. Но там,

в странах Европы, вопрос о безработице был вопросом о том, когда наступит, наконец, момент ликвидации войны и прекратятся заказы на оборону. У нас же особый характер безработицы был связан не только с войной, но и с ходом революции—переворота всех экономических отношений.

Оголяя самый ствол социальных противоречий, революция сама по себе ведет к безработице; вопрос о национальных мастерских, вставший в 1848 г. во Франции, был вопросом о безработных. Не могли не создать безработных февральский, а затем октябрьский переворот в России. Рвались социальные, налаженные веками, значит, и материальные связи, нарушались функции экономического организма, и безработица была бы помимо войны, помимо депрессии довоенных лет.

Вот это-то и сообщало безработице 1917—18 г.г. особый характер. Нечто аналогичное имело место у нас в 1906 г. Но тогда и революция, и война быстро ликвидировались. И в основе все же был кризис. Не то было теперь.

В промышленных кризисах есть своя закономерность, периодичность. Здесь же к чередованию оживления и застоя дело не сведешь. Кризис, война, революция—вот узел, который надо понять во всей его беспримерности, чтобы выяснить, в свою очередь, эту годину дезорганизации труда.

II.

Уже после февраля 1917 г. стало ясно: то, что происходило в экономической жизни России, было не кризисом, а разложением производства. В то время, как капиталы приливали в военную индустрию, и дутые предприятия, наскоро оборудованные, шли полным ходом, выбрасывая массы снарядов, движущие силы механизма все расстраивались и расстраивались. Все решительнее и решительнее подрывал он свой материальный фундамент, живя за счет накопленных запасов, из месяца в месяц истощавшихся.

Количество бумажных денег, наводнявших страну до невероятных размеров, увеличилось с первых дней революции. Тогда часть расходов покрывалась все же поступлением налогов, теперь же целиком... печатным станком. Еще симптоматичнее обстояло с подвижным составом железных дорог.

Количество больных вагонов было в марте 1916 г.—13.792, т.-е 3,7%, в марте 1917 г.—24.474, т.-е. 6,1%, больных паровозов в марте 1916 г.—2.183, т.-е. 15,7% всего наличного количества, в марте 1917 г.—2.816, т.-е. 19,5%; затем число это возросло до 600 с лишним (30—40%). Очевидно, транспорт разваливался. Погрузка спустилась—по сравнению с 1916 г.—на 45%, прогон вагонов, по сравнению с 1916 г.,—с 122 верст в сутки до 100.

Но быстрее всего разваливалась сама промышленность. Основная отрасль, определяющая собой развитие всего производства,—каменноугольная промышленность. И вот, начавшись с топлива, кризис все расширяет сферу своего разрушительного влияния. Месячная добыча угля упала с января по октябрь 1917 г. с 154 милл. пуд. до 115 милл. пуд. В октябре 1916 г. оно равнялось 158 милл. пуд. Вместе с тем ухудшался и вывоз угля, понизившийся с 109,3 милл. пуд. в январе, до 67,8 милл. пуд. в октябре. В октябре 1916 г. он составлял 104,9 милл. пуд. Вследствие этого металлические заводы юга получили в августе всего 18 милл. пуд. угля вместо 32 милл. пуд., т.-е. всего 56% нужного количества. И не лучше было с жидким топливом. Добыча нефти в 1917 г.—по сравнению с 1916 г.—уменьшилась на 82,5 милл. пуд. или на 14,2%. Особенно упала она на 4-х главнейших площадях в Баку—на 66,3 милл. пуд. или на 20,1%.

Соответственно пала выплавка чугуна с 173,4 милл. пуд. в 1916 г. до 130 милл. пуд. в 1917 г. Да и полученного чугуна нельзя было отправить на место назначения. Так, в октябре недогружено было 59,2% назначенного к отправлению. В свою очередь, заводы не дополучили 68,4% руды. Газеты облетело и следующее сообщение: «по полученным в Петрограде сведениям, в Туркестане, в виду ужасающего голода, население засеяло все хлопковые поля хлебом. В виду этого, в текущем году нельзя ожидать хлопка на рынке». Сбор хлопка 1916 г. ожидался в размере 9—12 милл. пуд.; одной трети обычного потребления его в довоенное время. Фактически же получилось к октябрю 1917 г. не более половины этого. Отсюда голод в городах и селах. Между тем, ведь эта промышленность насчитывала—по последним данным 1912 г.—565 заведений с 458.000 раб., с ценностью производства на 781,4 милл. руб.

Кроме того, в 205 заведениях по обработке хлопка в Туркестане с производительностью 98 милл. руб. было занято в 1914 г. 7.670 рабочих. Из этого числа рабочих около ¾ приходилось на московский фабричный округ, ⅛—на варшавский и ⅛ на петербургский. Заводы кожевенной промышленности лишились сырья, а запасы истощались...

Уже этого было достаточно для распада самой ткани промышленного организма. Даже трамваю, даже городскому водопроводу, работа которого требовала запасов топлива, угрожала опасность.

Однако, было бы ошибочно думать, что разрушался производительный аппарат лишь в силу недостатка средств производства. Расследование причин вскрыло факторы, сыгравшие не меньшую роль в этом развале, чем недостаток сырья и топлива. Это, с одной стороны, тактика предпринимателей, обманувшихся в своих ожиданиях, с другой—понижение производительности труда.

Под недостатком средств иногда скрывался явный локаут. Об'единение 13 могущественных отраслей промышленности состоялось специально для борьбы с рабочим классом. Еще в начале промышленники были «патриотами», доказывали, что каждый из них должен оставаться на своем посту, пока отечество в опасности, «как капитан тонущего корабля, должен оставить его последним» [1]). Но стоило рабочим развернуть свои требования, чтобы патриотизм этот иссяк, и разговоры переменились. Предприятия вдруг потеряли все значение для «обороны родины»; поднялся вопль о понижении производительности, о падении дисциплины, интенсивности труда, о невмешательстве во внутреннюю жизнь завода и т. д. Теперь лозунгом капитала стало: «никаких уступок». Как это ни было сложно, об'единенный капитал решил начать борьбу, наметив ряд мероприятий, долженствующих свести рабочий контроль, 8-часовой рабочий день и пр. на нет; сломить требования рабочих. Средство было испытанное—закрытие заводов с целью усилить голод; голод и безработица должны были ослабить рабочие организации. П. П. Рябушинский не скрывал, что общество заводчиков и фабрикантов ждет лишь того момента, когда царь-голод «возьмет своей костлявой рукой

[1]) «Торговля и Промышленность», 1917 г. № 20—21, стр. 366.

рабочий класс за горло и уничтожит все его выборные рабочие организации».

Конечно, эта тактика истощала промышленность. Но едва ли в меньшей мере истощало ее падение производительности труда. «На одном из крупнейших механических и машиностроительных заводов Московского района,—свидетельствовали «Русские Ведомости»,—производительность с февраля по апрель 1917 г. упала на 27—50%, на другом, выделывающем велосипеды,—на 20%, на третьем—на 45% [1]). На ткацкой фабрике российской бумагопрядильни выработка на одного рабочего в апреле (против января) упала на 28%, на заводе Вестингауза—на 40%. В Донецком бассейне за май и июнь было добыто 254 милл. пуд., а в 1916 г. за те же месяцы—287 милл. пуд., т.-е. на 33 милл. пуд. больше. Рабочих же в этом году было 278 тысяч, а в 1916 г.—222 тыс., т.-е. на 56 тысяч человек меньше; характеризуя работоспособность Николаевской жел. дор., председатель транспортной комиссии Лупул констатировал, что со дня февральской революции рабочая сила на дороге увеличилась на 12%, а продуктивность работы упала на 40%. Работы по развитию Петроградского узла выполнены только на 60%... Это падение отмечалось и у металлистов, и у печатников, и в ряде прочих предприятий. И чем дальше, тем внушительнее говорили цифры, и тем бессильнее были призывы к учету производительных сил предприятия.

Разложение предприятий нашло свое завершение в нервной атмосфере революции. Ведь страна кипела в потоке событий... Местами администрация уже бежала, спасаясь от гнева рабочих...

Итак,—отсутствие угля, металла, паровозов. Классовый поход рабочих против капиталистов и капиталистов против рабочих... И расчеты, расчеты без конца...

III.

Уже после февраля закрытие фабрик и заводов становится общим фактом. Размеров безработицы первоначально, конечно, никто не знал. Профессиональные союзы—кроме союза печатников—статистики не вели. Биржа труда учитывала

[1]) «Русские Ведомости», № 147, 1917 г.

лишь тех, кто приходил регистрироваться. Единственный опыт выяснения точного числа безработных проделала в те дни городская управа Петергофского района, раздав домовым комитетам анкетные листы. Однако, характер явления, истинно грозный, не подлежал сомнению с первых дней переворота.

«Рука голода» сдавила рабочих металлургической, затем текстильной промышленности; но крушение одной отрасли производства влечет падение и другой, и массовая безработица стала захватывать одно предприятие за другим. В Петрограде такое крупное предприятие, как «Промет», выбросило 4.000 рабочих, Семенова—1.000, «Железопрокатный завод»—1.800, «Динамо»—2.000—3.000, Путиловский завод—11.000, фабрика по обработке бумаги Львовича и фортепьянная фабрика Дидерихса—всех рабочих. За Петроградом шла Москва (и Московский район). Заводы Гужона, Бари, Бромлей рассчитали тысячи рабочих; за ними фабрика торгового дома М. Тимашева (244 чел.), Вознесенская мануфактура (2.540 ч.), Покровская мануфактура (5.500 чел.), Городищенская суконная фабрика (1.100 чел.), Суздальцев и Борзов (115 чел.), Богородско-Глуховская мануфактура (11.400 чел.), красильно-аппретурная фабрика в Щенкове (1.714 чел.), шелкоткацкая фабрика Зубкова (245 чел.), т-во Циндель (2.000 чел.), Шрадерт (1.120 чел.), Михайлов (500 чел.), А. Г. Кириллов (340 чел.), фабрика шелковых изделий бр. Безботковых в селе Филиппове, бр. Ароновых, фабр. Карповых (114 чел.), фабрика Гришковых. Закрылась фабрика Викулы Морозова. Появилось сообщение о закрытии 77 угольных антрацитных предприятий в Донецком бассейне. В своей докладной записке министру торговли и промышленности углепромышленники предупреждали о ближайшем закрытии большинства угольных предприятий. И здесь шла речь о тысячах безработных.

На Надеждинском заводе производительность металлических цехов понизилась на 20—40%, для снарядных—на 50%, и правление закрыло снарядные мастерские, распустив всех рабочих. Харьковский паровозостроительный завод рассчитал 6.615 чел. Мальцевские заводы прекратили действие Дьяковской фабрики. В Царицыне «скопилось 8.000 безработных». В пределах Сибири закрывались маслобойные заво-

ды и золотые прииски. Закрылся Хунайский рудник Восточно-Забайкальской области. «В Иркутске, Чите, Томске, — писала «Вечерняя Звезда»,—имеются большие кадры безработных».

И прежде всего расчитывались женщины и дети. Война втянула огромный процент женщин и детей в промышленность. Из 2.093.862 рабочих, занятых в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, 839.234 было женщин. На текстильных фабриках Петрограда количество женщин превышало мужчин в 5 раз; число же подростков не уступало числу последних. Распространился женский труд и в металлообрабатывающей и химической промышленности. Что касается детей, то число их возросло на 70%. В двух фабричных округах, Харьковском и Поволжском, обнимающих 34 губернии, число трудящихся детей и подростков на фабриках и заводах в 1914 г. составляло 11 на 100 общего числа работавших, а в 1917 г.—15 чел. И теперь расчитывали в первую очередь часто вдов и брошенных детей, тянувших лямку труда на фабриках и заводах.

Рост безработицы после февраля показали официальные данные о закрытии фабрик и заводов, захвативше, правда, всего пять месяцев—с 1 марта по 1 августа 1917 года. Министерство торговли и промышленности, опубликовавшее их, не склонно было преувеличивать размеры этого разложения, и перед нами скромные итоги. За пять месяцев во всей России—Европейской и Азиатской,—согласно этим данным было закрыто 568 фабрик и заводов. Количество рабочих, оставшихся за бортом, составляло 104.372 чел. Из этого числа предприятий было: металлургических 91 завод, хлопчато-бумажных—49, предприятий с производством пищевых веществ—196.

По тому, как это закрытие фабрик и заводов распределялось по месяцам, видно, как безработица возрастала. Так, соответственно было закрыто:

В марте	74 предприятия	с 6.646 раб.
» мае	108 »	с 8.701 »
» июне	125 заводов	с 38.455 »
» июле	206 »	с 47.754 »

Сопоставляя закрытые предприятия в марте и в июле, мы видим: они выросли почти в три раза. И еще больше возросло число расчитанных рабочих: в восемь раз.

Иные сведения дала фабричная инспекция. По этим данным закрылось 824 предприятия, и получили расчет 168.670. Но эти данные охватили больший срок.

Из мотивов, на которые ссылались предприниматели, распуская своих рабочих, самым распространенным было отсутствие сырья (286 случаев), затем отсутствие топлива (181 случай) и т. д. Но в действительности было далеко не так. Гужон, Бари, Бромлей ответили локаутом, фабрика В. Морозова закрылась из-за забастовки, Харьковский паровозостроительный завод также, Мальцевские заводы—вследствие отстранения ответственных лиц администрации и т. д.

14 миллионов людей, здоровых, молодых, были оторваны от земли, от станков, от всех привычных дел и брошены на поле сражений, и огненная стихия не унималась, требовала все новых и новых кадров. Казалось бы, если первые годы войны еще плодили безработицу, то теперь все, что было работоспособно, должно было быть втянуто в промышленность. В действительности же безработица росла и росла.

С первых месяцев войны стали ввозиться в Россию желтые рабочие—китайцы и персы—нередко насильно, под конвоем. В один лишь Петроград за время войны было ввезено свыше пяти тысяч китайцев, многие из коих и не получили здесь работы, увеличив лишь кадры безработных. Далее, беженцы-рабочие неслись в своем потоке. Наконец, военнопленные эксплоатировались на железных дорогах, на заводах, в шахтах Донецкого бассейна. Все эти дешевые силы заменяли мобилизованных; еще же чаще конкурировали на российском рынке труда с новым пролетариатом, который прибывал и прибывал. Усиление безработицы отчасти стояло в связи с этой погоней за дешевым трудом. Но не здесь были корни ее.

Безработица теперь, главным образом, была результатом войны, все более и более подрывавшей все функции промышленной жизни, материальный базис существования народа.

IV.

Однако, старый аппарат маскировал, как мог, процесс экономического разрушения. Но вот наступают стремительные дни. Под натиском немцев, грозивших оккупацией Петрограда, власть пытается эвакуировать заводы, перенести их вглубь России; за эвакуацией следует Брестский мир, демобилизация промышленности. Все это—в условиях ломки всего аппарата... И истощение хозяйственного организма достигает пределов, дальше которых итти некуда.

Уже эвакуация, начатая в состоянии паники, была равносильна краху. Предписывалось упаковывать и вывозить не только ценные материалы, но и станки, а там, где это невозможно, приводить в негодность заводское оборудование. Однако, дело оказалось сложнее, чем казалось в момент сумятохи. Еще опыты дореволюционных лет показали, что перенос завода—дело зачастую неосуществимое, требующее огромной предварительной работы. Теперь же—в условиях 1917 г.—это было еще труднее. Да и куда переносить заводы? Донецкий бассейн, приспособленный для петербургской металлургической и металлообрабатывающей индустрии, был под угрозой. Урал, страдая от недостатка топлива, сам еле-еле поддерживал свою металлургию. Оставались пункты, расположенные по линии Мариинская система—Волга, наиболее удаленные от фронта. Эвакуация и направилась в Рыбинск, Ярославль, Череповец и т. д. Но тут-то и начались неожиданности. Перенесенные заводы не могли быть восстановлены в короткий срок. Действительность показала, что рабочие, явившись в первый же из намеченных пунктов, не нашли даже жилищ, которые могли бы их приютить. И заводы пришлось закрыть.

Конечно, и самая хаотичность перевозки подрезала предприятия. Вывозили, главным образом, станки, при чем вынимались живые части машин так, что, по мнению специалистов, требовались месяцы, чтобы привести машины в годность; и удавалось это лишь в том случае, если все части каждого станка попадали в одно и то же место. Опыт эвакуации из губерний, занятых в начале войны, показал, что грузы с машинами лежали на станциях годы, и если попадали в назна-

ченное место, то в таком виде, что думать о возобновлении работ не приходилось...

Так получить заработок на новых местах петербургским рабочим и не пришлось...

Эвакуация усилила кадры безработных в высокой степени... Однако, паника понемногу улеглась. Немцы приостановились на линии Псков—Нарва. Но тем трагичнее отозвался на рабочих переход на мирное производство. Много острых, незабываемых вопросов ставили те дни. Но, без сомнения, самый острый из них был вопрос о демобилизации, переходе к обслуживанию обычного мирного рынка. Ведь это была демобилизация не одной промышленности, но и торговли, внутренней и внешней, и путей сообщения, и финансов, и военных заказов. И, главным образом, демобилизация рабочей силы.

Даже власть, опирающаяся на привычный режим, с твердым техническим аппаратом, с дисциплинированной армией исполнителей, стала бы в тупик перед переходом к мирному положению после такого трехлетнего пожара. Тем более демобилизация не могла не протекать стихийно в обстановке перелома экономических отношений. Приготовиться, принять ряд мер к введению процесса в берега ведь не пришлось. «Приступать к демобилизации приходится при крайне неблагоприятных условиях,—писали, например, с Урала.—Между тем, работа предстоит огромная, потому что из ста с лишним предприятий одни всецело были заняты выполнением казенных заказов, другие—по преимуществу. Наибольшие трудности представляет демобилизация снарядных и орудийных цехов в наиболее крупных заводах. Здесь безработица неизбежна, неизбежны будут и столкновения внутри самих рабочих, потому что рабочие местные захотят вытеснить с заводов рабочих пришлых, которых на Урале, особенно на крупных заводах, появилось во время войны очень много»... Но дело было не в одних лишь снарядных и орудийных цехах. Для выработки продуктов мирного времени годилась лишь часть того технического снаряжения, которым теперь оборудованы были заводы, приспособленные к военным нуждам. Значит, переход в большинстве случаев был связан если не с повальным, то частичным расчетом занятых рабочих.

Но трудность состояла не в демобилизации, как таковой; демобилизация углублялась развалом, который рос и рос. Выяснилось, что на 1918 и 1919 г.г. организация по топливу могла распределить 200 милл. пудов нефтяного топлива вместо 305 милл., распределенных в 1917 г., т.-е. 66% (по сравнению с последним). Уже нигде не происходило добычи нефти. Промыслы Баку, Грозного, Эмбинского района стояли, и работы не производились. Приходилось рассчитывать лишь на запасы. А запасы эти в Баку, по данным «Торгово-Промышленной Газеты», не превышали 90 милл. пудов. «Имеющаяся, более, чем скромная, наличность нефтяных продуктов,—писал официальный орган,—делает положение исключительно тяжелым». В такой же степени сократилась добыча угля. Подвоз Донецкого топлива, достигавший 9 милл. в месяц в 1916 г. и державшийся на уровне 4 милл. в 1917 г. в декабре, составлял 0,4 милл. пудов, а затем и вовсе упал. С сырьем было не лучше. Площадь посевов хлопка в Туркестане составляла уже всего 10—15% 1917 года; в лучшем случае можно было ожидать урожая в одну десятую нормального. Из прошлого урожая было вывезено 30%, но большинство запасов погибло во время гражданской войны. Быстрее же всего разрушался транспорт. Уже к октябрю общая погрузка тыловых рельсовых дорог составляла в среднем 19.500 вагонов вместо 25.000 за тот же период 1916 г. В октябре эта норма понизилась до 16.627 ваг., в ноябре—до 14.224, т.-е. упала на 45%. За 10 месяцев 1917 г. погружено было на 2.400.000 ваг. меньше, чем в 1916 г. На 1 октября 1917 г. больных паровозов было 5.551, на 1 ноября—5.975. За семь суток в ноябре выбыло из строя 200 паровозов, в то время как за весь октябрь выбыло 224.

Очевидно, все это не благоприятствовало переходу на мирное положение. Не говорим об экономических последствиях мира... И вот—безработица единственная в своем роде. Рабочая масса военного времени, как мы знаем, отличалась от пролетариата мирных лет. Частью это был элемент, временно и случайно занятый в промышленности, но социально-экономически с ней не связанный. Это, по преимуществу, были чернорабочие, женщины, подростки. Для них демобилизация означала возврат к довоенным занятиям. Но не так обстояло дело с кадровым пролетариатом, всем существом связанным

с своим станком, с своим заводом. Для него демобилизация означала безработицу, и ничего более.

В силу развала установившихся форм производства, это был односторонний процесс демобилизации труда, занятого в тылу и на фронте,—закрытие фабрик и заводов, что мы и видим.

V.

Солдаты, вернувшиеся с фронта, из которых многие—рабочие, мобилизованные во время войны; рабочие заводов, работавших на оборону и теперь закрытых; безработные, оторванные от своих станков раньше—все это переплелось в один клубок.

Фабрики, заводы, мастерские ликвидировались, и, казалось, процесс этот хоть частью можно регулировать. К этой цели и были направлены инструкции Комиссариата Труда. Рассчитывая, что из 300 тысяч петроградских рабочих около половины составлял теперь элемент пришлый, связанный с деревней, заинтересованный заводом лишь в связи с «отсрочкой», Комиссариат все свои заботы направил на индустриальный пролетариат. Выясняя условия мобилизации заводов, он проектировал следующее. На каждом заводе должно остаться известное количество рабочих, необходимых в интересах дальнейшего производства, специалистов по опыту и навыку. В первую очередь расчитывались неквалифицированные рабочие, негодные к «трудовой дисциплине» и т. п. Инструкция напоминала, что «рабочий класс, как добрый хозяин, должен расчитывать в первую голову тех, без которых можно и должно обойтись»... Но это было не более, чем пожелание. Достаточно было начаться эвакуации и демобилизации, чтобы рост безработицы принял характер чисто стихийный.

Как-то вдруг пришли известия о неисчислимых расчетах, о сотнях тысяч, оставшихся без работы, без всяких средств к существованию. Ежедневно по самым различным причинам останавливались заводы. Заводы, занимавшие две трети всего количества металлистов, химические, текстильные фабрики, вслед за ними деревообделочные, стекольные, кожевенные, писчебумажные предприятия и т. д. Где оборудование

было вывезено наполовину, где—на четверть. На одних заводах из 10.000 рабочих остались тысячи, на других—сотни, еще чаще лишь служащие. На железных дорогах были расчитаны все женщины, принятые во время войны, железнодорожники, укрывшиеся от призыва, т.-е. поступившие во время войны, наконец, те, кто имел надел, и т. д.

Пресса конца 1917 г. и первой половины 1918 г. дала нам такую картину... Прежде всего пострадал пролетариат Петрограда. Ведь это был центр оборонной индустрии.

Вот завод Эриксона. При опубликовании декрета о переходе на мирное производство завод об'явил добровольный расчет, так как военные заказы были еще не совсем аннулированы; производство же телефонов, к которому завод намеревался перейти, необходимо и для мирного времени. Добровольно взяли расчет 600 чел. Не уходили лишь высококвалифицированные; те же рабочие, которым предлагали расчет, не желали уходить. Помогла эвакуация. Комитет Эриксона принял меры к тому, чтобы не дать панике охватить рабочих. Но рабочие, напуганные волнением окружающих заводов, потребовали расчета с выдачей 6-недельного заработка по декрету. Требование было удовлетворено, и завод закрылся. Завод Парвиайнен работал лишь на военные нужды. Поэтому вопрос о демобилизации был всецело связан с вопросом о полной перемене производства, а это, в свою очередь, с техническим переустройством завода. Завод был закрыт. Из 7.000 чел., работавших на нем, осталось 200 рабочих и 350 служащих, оставленных для приведения в порядок отчетности. На патронном заводе из 12.000 рабочих осталось 3.000, остальные, боясь, как бы им не пришлось уйти без 6-недельной компенсации, получили расчет 18.000 рабочих «Треугольника» остались без работы. Закрылся он из-за отсутствия бензина. Были посланы делегации в Ярославль, Ростов и Москву, чтобы достать бензин. После долгих усилий удалось отправить из Ростова 40 вагонов бензина. Когда бензин дошел до Орла, немцы уже наступали на Псков. Однако, вагоны с бензином дошли до Петрограда. Но—по прибытии—все 40 вагонов были реквизированы для нужд Совета Народных Комиссаров. Петроградский трубочный завод эвакуировался в Пензу, где находился недостроенный завод артиллерийского управления,

начатый постройкой в 1915 г. Было отправлено 3 этапных поезда со станками и металлами. Но полная эвакуация могла бы быть осуществлена лишь при 20 поездах ежемесячно, и 20.000 рабочих были расчитаны.

На заводе «Сименс и Гальске» из прежних 1.200 челов. осталось около 700 чел., а затем не более 300 чел. Стал Невский судостроительный завод. Идея добровольного расчета показала свою несостоятельность. Начали уходить рабочие квалифицированные; пришлый же деревенский элемент, который именно и имелся в виду, с завода не трогался. Расчитано было 10.000. Обуховский завод, хотя и получил заказ на изготовление паровозов, закрылся за неимением угля. Всего расчиталось 14.000 чел. То же произошло на Путиловском заводе, где расчитано было более 30.000 чел. Завод Лебедева закрылся за неимением работы. Все без исключения рабочие остались за бортом. На заводе «Новый Лесснер» после принудительного расчета было оставлено из 10.000 чел. 1.000 рабочих и 300 служащих. Наступление же немцев и в связи с ним эвакуация заводов создали тревогу, вызвавшую окончательный расчет и оставшихся рабочих. Завод Феникс, вырабатывавший станки, пресса, холодильные машины, а во время войны взрыватели и снаряды, доставил не мало хлопот союзу металлистов. Здесь буйно вели себя пришлые рабочие, стремившиеся взять как можно больше с завода. После произведенных расчетов (2.000 ч.) пришлые ушли с него, но завод открыть не удалось. На заводе Речкина, строившем паровозы и вагоны, работы шли, но вяло. В довоенное время на нем работало 2.000 чел. Во время войны число поднялось. К октябрю рабочих осталось 1.800, к моменту же демобилизации завода—1.300.

Закрылся Охтенский завод взрывчатых веществ. Все 6.000 рабочих (за исключением сирот, не достигших 18 лет, физически пострадавших от войны и несчастных случаев на заводе) были расчитаны. На Невском стеариновом заводе из 1.400 рабочих осталось лишь 200 чел. для необходимых работ. Меднопрокатный завод Розенкранц был назначен к эвакуации. Все машины и сырье подлежали отправке на завод Кольчугина близ Москвы. Хотя эвакуация была приостановлена, но из 4.000 рабочих осталось на нем 700 чел. Монетный двор, эвакуируясь в Екатеринбург, расчитал 900 рабочих.

Завод «Атлас» то не работал из-за отсутствия тока, то работал, но без уверенности в завтрашнем дне. Наконец, и он расчитал своих рабочих. Петроградский металлический завод расчитал 8.000 рабочих. Закрылись Арматурный завод, писчебумажная фабрика «Левинсона и Шаубе», фабрика «Цветной бумаги», фабрика «Картонтоль», завод «Русский самоход», Невский лесопильный завод, завод автомобильных и авиационных принадлежностей «Националь», фабрика бумажных лент Гофмана, картонажная фабрика «Прогресс», фабрика орденов и жетонов «Эдуард», механический завод «Анчар», чугунно-литейный механический завод Петрова, чугунно-литейный завод Александрова, литейный завод Введенского, механический завод Ипполитова, северный механический подковный завод, чудовский цементный завод, шоколадная фабрика Бездэка, механический завод Штейна, завод т-ва электрической энергии, завод акционерного общества «Железоцемент», завод «Пелла», металлический завод Новицкого, машиностроительный завод Маркова, фабрика обоев Павлухина, фарфоровый завод бр. Корниловых, завод земледельческих машин Аккермана, механический завод Белопольского, фарфоровый завод Кузнецова.

Расчитали рабочих заводы Противогаза, Респиратор и 5 угольных заводов. Общее количество рабочих на этих заводах превышало 10.000. На зав. «Вулкан» был об'явлен расчет прессовой мастерской. Завод Барановского расчитал тысячи рабочих. На заводе осталась едва восьмая часть состава. О заводе Айваз читаем: «как только было принято решение о приведении в негодность тех фабрик и заводов, которые не удастся вывезти из Петрограда, по всем заводам Выборгского района были посланы экстренные телефонограммы с приказанием разрушить все, что нельзя вывезти. Телефонограмма говорила, собственно, о подготовке к этому разрушению, но была понята многими заводами, как приказ приступить к немедленной порче оборудований. Почти все заводы немедленно послали своих представителей за раз'яснениями в центры. На заводе же Айваз это было принято к исполнению. Тотчас же было об'явлено прекращение работ под предлогом порчи электрического кабеля, и рабочим предложено было остаться ан ночь для работы якобы по исправлению кабеля. На самом

деле ночью были перерезаны ремни, шкивы, вынуты шпителя и основательно разрушены многие части оборудования. Когда вслед затем было получено приказание отнюдь ничего не разрушать, было уже поздно, и завод стал совершенно. Взволнованные и напуганные рабочие, сбитые с толку и общим положением, и разрухой на заводе, потребовали поголовного расчета с уплатой за 38 дней.

В противоположность Петрограду, где все предприятия расчитывали своих рабочих, в Московском районе, как сообщал «Вестник Промышленности», в главнейшей индустрии—текстильной—рабочие, более или менее, держались. Частный рынок стал поглощать все, что ему давали, по каким угодно ценам. И в отношении топлива и сырья текстильная промышленность Москвы оказалась в лучшем положении. Московские фабрики пользовались торфяным и древесным топливом и меньше зависели от донецкого топлива, чем петроградские. Однако, и здесь предприятия, связанные с войной, закрывались, поголовно расчитывали рабочих. Особенный крах постиг металлистов. Как велико было значение казенных заказов и Московском районе, видно из того, что 65 проц. металлообрабатывающих заводов его было занято изготовлением обозного имущества. Остановлены были 111 снарядных заводов с 108.000 рабочих, 70 механических отделов при мануфактурных фабриках, мобилизованных для военных нужд, с 36.000 раб., 224 механические мастерские, обслуживавшие интендантство, с 71.000 раб. В общем, 405 заведений с 215.000 раб. «Жутко и печально в Москве,—писала «Вечерняя Звезда»,—жизнь Москвы замерла. Опустела Ильинка, в грязных, кривых переулках которой амбары ломились от товаров. Молчат амбары, потому что замирает шум станков на фабриках подмосковного царства миткаля—этих богатейших районов русского Манчестера. Фабриканты и технический персонал бегут. С другой стороны, нет ни топлива ни сырья».

И те же вести шли из провинции. Развал, охвативший Россию, не миновал и Витебска. «Предприятия закрываются одно за другим, недавно закрылась льняно-прядильная фабрика «Двина» с 1.500 рабочих; безработица усиливается и доходит до ужасающих размеров». В Киеве наблюдался «колоссальный рост числа безработных. Нужда среди безработ-

ных громадная». В Туле на 60—65 тыс. рабочих было 15 тыс. безработных. В Харькове закрылось «Южно-русское товарищество пеньковой и канатной промышленности», завод земледельческих орудий Гельфериха Саде. В Тульском оружейном заводе массами увольнялись рабочие. Первыми расчитывались крестьяне, владевшие не меньше чем 5 десятинами земли, вторыми—имевшие больше одной десятины, третьими—владевшие какой-либо собственностью. Однако, выброшенными за борт оказались «чистые пролетарии». Патронный завод, на котором работало 10.000 чел., был закрыт. В Одессе было до 20.000 безработных. В Симбирском районе стали фабрики Агишева, его же в Керенске и в Липовке. С исключительными неприятностями произошел расчет Шлиссельбургского порохового завода. Комиссар Труда, прибыв на место, распорядился уничтожить большие запасы спирта, и, расчитав рабочих, поместить их в особые маршрутные поезда для отправки в провинцию. В Саратове «безработица растет, насчитывается свыше 15 тыс. безработных». В Ярославской губ. закрывались фабрики. В самом Ярославле закрылись большой автомобильный завод Лебедева, аэропланный завод Лебедева, аэропланный завод Щетинина, ликвидировала свои дела фабрика «Треугольник», закрыт шведский завод «Асеа», изготовлявший электрические моторы и трамвайные вагоны, закончил свои дела Пахов, имевший в Ярославле лесопильный завод, как и спичечная фабрика Дунаева, наконец, громадная мануфактура Корзинина с 18 тыс. рабочих. Вообще, стали все спичечные фабрики, так как не было привоза парафина и бертолетовой соли; та же участь постигла лаковое производство. «Тысячные рабочие армии становятся безработными, прибывают все новые и новые свободные рабочие руки. Биржа труда получает колоссальное предложение труда, а спроса нет». «В связи с кризисом топлива, стала промышленность Рыбинска. Приостановка заводов выбросила на улицы тысячи рабочих». Владимирский пороховой завод стал. «3.000 рабочих лишились работ». Павловский район переживал крах. Этот крах замечателен был здесь тем, что он распространялся на производство, выросшее в военное время, но потребное и для мирных надобностей. Тут производились хирургические инструменты. Из Туапсе сообщали: «на город надвинулась

безработица; порты, как старый, так и новый, работ не производят». Катастрофично росла безработица и в Иваново-Вознесенске, Коврове, Коломне и т. д. «Безработица в Бузулуке, Сам. губ., приняла колоссальные размеры. Число безработных превышает число работающих».

Не миновали этой чаши рабочие Урала и Сибири. В Богословском горном округе Богословский медно-плавильный завод стал, стали также три шахты села Рудники, наконец, и Надеждинский завод. В округе работало до 30.000 человек, оставшихся в результате сокращения без работы. В Нижне-Тагильском—наследников Демидова—округе положение было такое же. Владелец отказался от своих прав на завод. Завод перешел в руки рабочих (40.000 чел.). Но, ставши хозяевами, рабочие очутились в безвыходном положении: «возрастающая изо дня в день безработица на Урале,—писала «Вечерняя Звезда»,—заставляет квалифицированных рабочих перейти на всякого рода черные работы, вплоть до сколки льда, уборки мусора и т. д. Были даже случаи голодной смерти среди рабочих». Из Семипалатинска писали: «Город наводняется безработными. Отсутствие работы создало для безработных ужасное положение. Прибывают беженцы». «Число безработных в Омске продолжает расти. Кроме местных безработных и прибывающих сюда рабочих из голодных, безработных и эвакуированных местностей России, сюда приехало 1.500 рабочих из Англии, где им предложено было или поступить в ряды английской армии или ехать на родину».

Безработица имела место и в местностях, занятых немцами. «Все надежды на то, что немцы доставят товары, — писали из Полоцка,—абсолютно не оправдались. Нужда и безработица растут. Бывали случаи обмороков детей на почве голода». О «безработице и нужде в Риге» рассказывала «Ревельская Газета». Деньги теряли всякую цену. Общее обнищание шло гигантскими шагами вперед.

VI.

Таковы результаты топливного голода, эвакуации, раскидавшей машинные части по водным и железнодорожным путям, демобилизации промышленности, от которой замерли

фабричные кварталы... Но это лишь факты. Как ни характеризуют они полуразрушенные источники жизни, распыление пролетариата, оставшегося не у дел, статистики бедствия они не дают.

Каковы же цифры? Сколько голодных желудков осталось в промышленных центрах опустошенной страны? Точный ответ, конечно, невозможен. Регистрировал Комиссариат Труда, регистрировали союзы, биржи. Но цифры принимали самые различные узоры, ибо регистрация, достойная этого имени, да еще всероссийская, была и немыслима в обстановке тех дней. Однако, приблизительные цифры остались. Попытаемся же на основании их дополнить картину цифрами.

По данным Комиссариата Труда, на 10-е апреля 1918 г. по всей России количество безработных исчислялось в 324 тысячи. Из всей этой массы на Петроградский район приходилось 50.000, на Московский — 100.000, Доно-кавказский — 50.000, Поволжье—50.000, Урал—18.000, Западную Сибирь — 10.000, Закавказье—10.000. Но эти цифры не обнимали и части наличного числа безработных. Их опровергал уже один Петроград, в котором не работала ни одна фабрика; Петрограду же в отношении регистрации повезло более, чем другому центру.

Статистический отдел Совета Народного Хозяйства северного района, предприняв в апреле месяце анкету для выяснения состояния фабрично-заводской промышленности Петрограда, охватил 673 предприятия, 114 закрытых и 33 не ответивших по разным причинам анкета не коснулась. Вот сведения о численности и составе рабочих в предприятиях Петрограда на 1-е января 1917 г. и на 1-е апреля 1918 г.

	Численность на 1 янв. 1917 г.	Численность на 1 апр. 1918 г.
Текстильная промышленность	30.301	26.066
Обработка продуктов текстильной промышленности	8.055	4.924
Производство бумажное . . .	10.056	11.609
„ полиграфическ. . .	7.951	6.191
Обработка дерева	4.287	2.196
„ металлов	149.740	34.518

	Численность на 1 янв. 1917 г.	Численность на 1 апр. 1918 г.
Обработка минеральных вещ.	2.089	1.352
„ животных продуктов	11.168	7.682
„ пищев. и вкус. вещ.	14.618	10.721
Химическое производство . . .	5.194	2.350
Электротехническое производство	11.622	6.276
Металлургическая промышлен.	357	24
Прочие производства	22.986	6.586
Итого . . .	277.986	120.495

Как видно из этой таблицы, за время с 1 января 1917 г. по 1 апреля 1918 года число рабочих упало с 277.986 чел. до 120.495 чел., т.-е. уменьшилось на 57%. Но главная масса расчитанных, именно 117.063 из 157.491 чел., пришлось на время с 1 января 1917 г. по 1-е апреля 1918 г. Нижеследующая таблица дает распределение расчитанных за этот период рабочих по группам производства.

Группы производств.	Расчитано с 1 янв. по 1 апр. 1918 г.				Оставлено в предпр., на кот. производ. част. расч.			
	Мужчин	Женщин	Подрост.	Всего	Мужчин	Женщин	Подрост.	Всего
Текстильная промышленность .	177	943	130	1250	720	2768	295	3783
Обработка прод. текст. промыш.	844	1067	133	2044	563	2908	244	3715
Производство бумажное . . .	267	673	122	1062	110	147	59	316
Производство полиграфическое	483	481	179	1243	948	596	157	1701
Обработка дерева	1075	392	61	1528	872	207	34	1113
„ металлов	58701	20432	2924	82057	21820	2496	696	25012
Обработка минер. вещ.	1023	228	77	1328	702	130	151	983
Обработка животных прод. . .	911	655	72	1638	1189	646	143	1978
Обработка вкусов. и пищ. вещ.	250	533	57	840	501	672	47	1220

Группа производств.	Расчитано с 1 янв. по 1 апр. 1918 г.				Оставлено в предпр., на кот. производ. част. расч.			
	Мужчин.	Женщин.	Подрост.	Всего.	Мужчин.	Женщин.	Подрост.	Всего.
Химическ. произв.	1216	776	98	2090	693	163	31	887
Металлург. пром.	352	12	—	364	24	—	—	24
Прочие производ.	5155	8886	985	15026	3466	2154	335	5955
Электротех. произ.	3993	2100	500	6593	3696	898	294	4888
Итого	74447	36478	5438	117063	35304	13785	2486	51575

Итак, 117.063 расчитанных в предприятиях, на которых шел лишь частичный расчет. Закрытые предприятия в этот расчет не вошли.

Не менее красноречиво исследование состава петроградских рабочих, произведенное Комиссариатом Труда. Исследование охватило 91% всех рабочих. Из 400 тысяч рабочих, занятых на фабриках и заводах к 1 января 1917 г., учтено было анкетой 832 предприятия с 365 тыс. рабочих. Из 365 тысяч к 1 апреля 1918 г. осталось 144 тысячи. 221 тысяча, или 60%, выбыла из фабрик и заводов. Громадная масса выбывших—176 тыс. приходилось на первые три месяца 1918 г. Наибольшее сокращение—до ¾ рабочих—падало на производство металлургическое—осталось из 245 тыс. всего лишь 64 тыс.—и химическое: вместо 23 тыс.—5 тыс. В текстильном—вместо 39 тыс.—29 тыс., т.-е. убыло на 25 процентов; затем произошло ухудшение: процент выкинутых еще поднялся. Сокращение в предприятиях, имевших более 500 рабочих, было выше, чем в средних и мелких: на них падало 63 процента рабочих, т.-е. без малого две трети. Конференция петроградской организации российской коммунистической партии подтверждала, что в Выборгском районе работало теперь всего 18 предприятий с количеством рабочих в 5.000 чел.: Московский район имел 10 предприятий с 8.180 раб.; Петроградская сторона—10 предприятий с 8.500 раб.; а Нарвская застава с Путиловским заводом во главе насчитывала 13.400 раб.

Согласно данным Московского общества заводчиков и фабрикантов, в Москве насчитывалось теперь до 200.000 безработных. По сведениям делегатского собрания союза металлистов, в Москве закрылось 36 предприятий текстильной промышленности с 136 тыс. рабочих и 224 механических мастер-

ских с общим количеством рабочих в 120 тысяч. В районе насчитывалось безработных—согласно данным союза—250 тыс. человек. Но затем закрылись еще 111 промышленных предприятий с 102 тыс. человек.

Что касается провинции, то перед нами лишь цифры безработных, зарегистрировавшихся на бирже труда к маю 1918 г. Как они ни далеки от истины—в силу случайного своего характера—приводим их:

Кострома	3.000
Тверь	5.000
Иваново-Кинешемский район	15.000
Калуга	2.000
Нижний-Новгород	8.000
Брянск	3.000
Тула	15.000
Минск	2.030
Томск	6.000
Омск	8.500
Владивосток	1.310
Хабаровск	2.000
Благовещенск	2.500

VII.

Жизнь замерла. Фабрики и заводы закрылись. Конечно, острая безработица вызвала небывалые ужасы.

Вот «Треугольник». Целый город с огромным количеством труб. Замер, прекратил свое существование. Заседание комиссии по остановке фабрики. «Жалость, грусть за разбитые надежды ползет медленно в душу... Хочется отвязаться от этого кошмарного чувства. Где выход для тысячных масс? С болезненным, больным стоном гибнущих жизней воспринимается 8—10 тыс. массой весть о расчете. Слезы, озлобленные крики... На трибуне пьяный солдат. С ужимками, подмигиваниями злобно шепчет он что-то непонятное. Растет недовольство, шум. «Я проработал 4—6 лет», звучит чей-то другой голос. Загубленные жизни, отданные нещадному Молоху-капиталу. Сколько их? Где они найдут свой ответ? Куда пойдут? Нет выхода... Но весть о нашествии германских полчищ, взятие ими Пскова

смягчает удар». Вот другая толпа расчитанных. Хотя перед вами тысячи людей, вы не слышите ни одного слова о политике, о революции, о немецком империализме и всех прочих злобах дня. Для всей этой массы женщин и мужчин, девушек, мальчиков и стариков, еле держащихся на ногах, бесконечно отвлеченными представляются теперь проклятые вопросы момента. Отдельные лишь возгласы и выкрики доносятся из различных уголков: «каторга», «ложись и помирай»... Вот разговор о бирже... Ждут сотни, но пристроится куда-нибудь один.

— Одного-двух выкличут, и стоп,—говорит безработный,—нет работы, совсем нет. Все ликвидируется, замирает... Я вот уже около двух месяцев хожу—толку никакого.

— Но ведь кое-кто и устраивается?

— Да, из тысячи один или полтора.

В «Петорградском Голосе» А. Зарин рассказал о медленном, но верном вымирании людей, получавших ни более, ни менее 500 руб. в месяц жалованья, но вынужденных распродавать картины со стен, безделушки и т. п. «Как же должны кричать мы, безработные,—жаловался безработный в рабочей газете,—не имеющие никакого заработка и не только сносного питания, но почти никакого. Нам даже продать нечего, так как ни картин, ни ненужных безделушек у нас никогда и не было, и нам не приходится «удивляться и радоваться, что за такую дрянь деньги платят». Но мы молчим. Мы, безработные труженики, спрашиваем их, знаком ли им настоящий голод, когда в пустующем по суткам желудке точно кто-то сверлит ржавым гвоздем и причиняет адские боли».

Положение становилось тем острее, что, независимо от безработицы, к фабрикам и заводам подошел голод, острая нужда в хлебе. Надвинулось нечто не менее страшное, чем безработица. Ярким признаком экономического расстройства еще до октября был хлебный кризис в стране, занимавшей до войны одно из первых мест в международной хлебной торговле. Подвоз хлеба в города начал зловеще сокращаться. Деревня теряла стимулы к продаже. Теперь, когда разрушение промышленности подвинулось еще дальше, хлебные перспективы оказались еще нерадостнее. Дороги отказывались грузить хлеб. Продовольственных хлебных грузов грузилось в среднем

в октябре 351 вагон, в ноябре—226 в сутки. В декабре же для 11 губерний Московского района было погружено вместо 6.800 вагонов... 337 вагонов. Из 1.800 вагонов, причитавшихся Петрограду, было погружено только 50 вагонов. И вот в Петрограде и Москве уже выдавалось по ¼ фун. хлеба...

Безработица и голод, соединившись, конечно, прежде всего ударили по тем, у кого не было работы. «В Москве, по закрытии рынков,—писала «Правда» 19 марта 1918 года,—жены и дети рабочих собирают отбросы, оставленные случайно или выброшенные за негодностью торговцами и покупателями». И то же описывала «Новая Жизнь» в Петрограде: «Хотя мы еще не знаем точного числа голодающих, не знаем еще всего того, что создал царь-голод,—писала она,—но уже чувствуется что-то жуткое, что-то надвигающееся грозное, страшное... чего и представить не можем. Для многих покажется, может быть, невероятным, чтобы в Петрограде голод уже заставлял людей отыскивать в помойных ямах «годные» для еды отбросы. Как это ни невероятно, но, тем не менее, это факт—царь-голод послал царя-человека, умирающего с голода, за поисками чего-нибудь с'естного в мусорной помойной яме. И человек должен был исполнить. Несколько дней тому назад в одной из общественных столовых был такой случай. Во двор столовой явились два безработных и начали «отыскивать в кадках с помоями и отбросами кости, которые по извлечении из кадки тут же обгрызались, если на них были какие-нибудь остатки мяса, сухожилий и т. д.» Оказалось, что «такие случаи не единичны и теперь наблюдаются часто». Один из работающих в попечительстве заявил, что у них каждый день около помойной ямы бывают одиночки и даже группы, отыскивающие какие-нибудь с'едобные отбросы; другой также заявил, что «у нас сторож постоянно ведет борьбу с теми, которые роются в помойной яме для отыскания каких-либо кусков, костей и т. п.».

VIII.

Если такие наблюдения стали не единичным, а массовым явлением, то, очевидно, безработица, отягощенная продовольственно-транспортной разрухой, встала во всей ужасающей силе. Что было делать?

Гражданская война, наступление немцев, бесхлебье—все это убеждало безработных, что в промышленных центрах они стали лишние. И началось прежде всего бегство из городов.

Создался особый вопрос о «разгрузке» Петрограда, Москвы и прочих центров, вернеее сказать, о вывозе безработных. Чтобы выехать, достаточно было записаться на бирже труда и получить право на льготный билет. И вот начался от'езд. Из Петрограда с 8 декабря 1917 г. по 15 июня 1918 г. выехало:

Декабрь 1917 г.	1.913
Январь 1918 г.	7.684
Февраль 1918 г.	13.178
Март 1918 г.	13.754
Апрель 1918 г.	35.610
Май 1918 г.	23.186
Июнь (1—15)	4.694
Всего	100.019

Преобладали чернорабочие. Так, в апреле из 17.846 уезжало 11.390 чернорабочих, в мае—из 10.364 — 7.305, в июне — из 2.078—1.392 чел. Однако, хотя от'езд был введен в известные рамки, носил он характер хаотический. Ведь рядом с разгрузкой рабочих шла и разгрузка демобилизованных солдат. В Петрограде, напр., одних больных и раненых солдат, ждавших отправки, были десятки тысяч. Транспорт же почти отказывался служить. Нередко рабочие брали с боя вагоны, насильно прицепляли паровозы, совершали насилия над железнодорожниками. Обычно об'являлась подписка с обозначением маршрута, срока выезда; затем, по мере заполнения списка, собирали деньги на билеты и окупали стоимость вагона. В назначенный день все, захватив багаж, вооружившись винтовками и револьверами, занимали свои места, и отправлялись в путь, готовые дать отпор любому посягательству вооруженными силами своего вагона. Запрещение выезда из Петрограда заставило иных пуститься в обход постановления: Брали вещи и пускались в дорогу пешком, с котомками за плечами, бесконечными партиями и по железнодорожным путям и шоссейным дорогам; особенно же, кому итти было 100—200 верст. Утешала мысль где-либо подальше попасть в поезд...

И так же разбегалась рабочая Москва. Массовый от'езд не уступал движению из Петрограда Но куда? Вот вопрос. Направление выезда рисуется из следующих цифр:

	За апрель.	За май.	За июнь. (1—15).
В сельские местности .	9.761	6.167	1.355
В уездные города . .	4.949	2.385	388
В губернские города . .	3.136	1.812	335
Всего . . .	17.846	10.364	2.078

55% падало на деревню, 45%—на города. Конечно, чуждые элементы, втянутые в завод условиями войны и теперь покидавшие город, были значительны. Эта часть рабочих была связана с деревней. В виду близкого начала сельско-хозяйственных работ, они имели возможность прокормиться в деревне. Правда, и здесь их ждали неожиданности. Вот, напр., соображение: «верно, уж и Могилев заняли,—говорил один из таких от'езжавших.—А у меня, между прочим, родные там, в деревне, значит. Вот и не знаю, попаду или нет. На Витебск не пустили ехать»... Но пришлый элемент не должен был закрывать от нас самого пролетариата. Как мы видели, лишь половина направлялась в деревню. Значит 50% их уже, во всяком случае, представлял подлинный пролетариат. Куда же он направлял свои стопы?

«Рабочие приостанавливающихся фабрик за Невской заставой—читали мы,—массами уезжают с чадами и домочадцами на поиски сытой жизни в Сибирь: Иркутскую и Енисейскую губернии. Рабочие уезжают с намерением сделаться хлебопашцами. Едут и кузнецы-специалисты, надеющиеся там устроиться». Многие партии безработных ухватились за эту мысль. Одни ехали на Север, другие—на Урал, третьи—в Сибирь. Сядут в вагон. Начинаются разговоры. «Я сам рязанский. Куда ехать? У нас с голоду пухнут. Писали—кору стали есть». Или: «в Орел еду—там, сказывали, работа есть. А у меня семейство. Жена, ребятишек четверо. Дорога — семьсот рублей—на долго ли хватит! Хорошо, найду работу в Орле. А не найду—тогда что? С моста да в воду». И вот достаточно беглого совета, чтобы повернуть в новые места... Но что могло ждать вывезенных рабочих в Сибири, на Севере, на Урале?

Это было все то же ожидание благ небесных и земных, к которому так склонен выбитый из колеи человек. Слабой стороной переселенчества, как показал Н. М. Ядринцев в своем классическом труде, всегда была бедность, утрата даже тех минимальных культурных навыков, которые наживал мужик в России. Теперь же положение ухудшилось во много раз. В Сибири шли столкновения из-за земли. Очевидно, человеку, пришедшему со стороны, надеяться на что-либо здесь не приходилось. Что же касается предприятий Урала или Сибири, то их состояние не отличалось от того, что безработные оставляли в России. Об этом говорили те же массы безработных, в свою очередь потерявших голову.

Очевидно, это было чисто стихийное движение. Смысл оно могло иметь лишь для тех безработных, что сохранили связь с сельским хозяйством. Что же касается пролетариата, как такового, то выхода из положения оно для него ни в какой мере не представляло...

IX.

Итак, в этом бегстве была опасная сторона и для страны, и для самих безработных. «Костлявая рука голода» сжимала все крепче, в такой же судороге бились пустившиеся в поиски работы, что и те, что остались в крупных городах. И вот перед нами плоды отчаяния безработных. На почве хозяйственного развала страны, непрерывно растущей безработицы, анархизм делает успехи среди них.

Это не интерес к политическим событиям: он, напротив, гас. Обострялся интерес к экономическим призывам, и именно анархистского типа. Вот собрание безработных. Анархисты (Блейхман, Гордин, Зимин) делают все выводы из своих предпосылок.

— Денег нам не нужно,—говорили они,—Петроград в руках рабочих, если что нужно—бери. Никаких финансов не надо. Если на нашем пути стоят амбары, кладовые — мы возьмем их.

Главное, не останавливаться на полпути, не тратить время на слова.

— Надо быть последовательным. Нам говорили: подчиняйся, и мы подчинялись. Это было, но этого не будет,—подчиняйтесь теперь вы нам. Отошло время контроля. Мы хотим быть хозяевами.

Это было просто, соблазнительно для людей, которым дальше некуда были итти. Они едва ли и понимали ораторов, сгоравших в собственном яде. Анархизм, и сам по себе темный, еще темнее был для них. Но лозунги анархистов, короткие и ясные, были безработным по душе. «Ломай», «занимай», «долой»—это была ставка на инстинкты. Дальше этой ямы, этой черной повязки анархисты не шли. Но здесь—в царстве анархизма—подавало руку все, что было темного в безработном. Приходите и бейте. К чорту всякую власть! Максималисты и воры, «толстовцы» и взломщики несгораемых шкафов, Мамонты-Дальские—все это потянулось с своими аргументами к фабрикам и заводам.

И вот мы видим осуществление злой воли прежде всего в конфликтах между работающими и безработными. Травля квалифицированных рабочих одна из любимых идей анархистов. Теперь, когда квалифицированные рабочие вытесняли неквалифицированных, эта идея получила плоть и кровь. В целом ряде мест конфликт принял анархический характер. Так, на металлическом заводе «чернорабочие избили представителя союза металлистов. Уже давно на заводе замечался антагонизм между квалифицированными и неквалифицированными рабочими. Чернорабочие, минуя организации, заставили администрацию завода, под угрозой насилия, исполнить их требования. Выступления безработных ведут к анархии». На заводе «Сименс и Шукерт», расчитанные 1.000 чел. грозили насилием оставшимся. Расправа была предупреждена. На Обуховском заводе произошел конфликт между работающими и безработными. «Безработные утром 17 апреля вышли к заводу и никого в завод не пустили».

Отчаяние и голод делали свое дело, и анархистские призывы рождали погромные эксцессы. Это прежде всего были погромы. Напр., в Коломне толпа безработных ворвалась в товарную станцию и расхитила несколько вагонов с мукой, крупой и картошкой. Произошло сражение. И такое же сражение имело место и в Орехово-Зуеве и др. местах. В результате и с

той и с другой стороны не мало было убитых и раненых. На собрании безработных Лесного, Выборгского района и Новой деревни было подано заявление за подписью «Партия безработных» следующего характера: «народ уже понял грязные дела жидов; в управах засели евреи. Поэтому всем евреям нужно предложить в 3-дневный срок оставить Петроград»... А германские войска стояли в Нарве и Выборге и ждали лишь случая оккупировать Петроград под предлогом борьбы с анархией.

Советская власть вступила в борьбу с анархистами. Конфликт с течением, имевшим могучего союзника в царе-голоде, не лишен был остроты. Но большевики раздавили его беспощадно. Однако, движение безработных само по себе не выиграло от этого.

Конечно, инстинктивная тяга к сплочению, к самозащите давала себя знать и в столицах и в провинциальных центрах. Профессиональные союзы образовали комиссии помощи безработным. Собрание уполномоченных фабрик и заводов не отрывало своего внимания от безработицы. «Все больше армия безработных,—обращалось оно «ко всем рабочим России».— Разрушаются, подрываются силы рабочего класса, гибнут истощаются дети его—целому классу грозит вырождение. Рабочие массами снимаются с мест. Рабочий класс распыляется по всей стране. Промышленность и рабочее движение лишаются лучших работников. А беды нас ждут жестокие. Страна наша разваливается. Голод и безработица будут расти, и удары нас ждут тяжелые. В эти тяжкие смертные часы нам неоткуда ждать помощи. Мы сами себе должны помочь. Сами себя должны спасти. Сами должны ковать оружие для самозащиты». Наконец, сами безработные создали органы своего представительства.

Образовался центральный комитет безработных, избранный общим собранием безработных в Народном доме 2 апреля 1918 г. Это была беспартийная организация, в которой были представлены все районы. «Мы требуем труда для всех без различия партийной принадлежности,—говорил комитет в своем воззвании.—Перед лицом голода все равны». Он призывал безработных регистрироваться на бирже труда, оживлять профессиональные союзы, требовать от них созыва собрания

безработных по профессиям, проектировал меру помощи за мерой. Но положительное значение его было незначительно. Выяснилось, что районные комитеты плохо об'единяли безработных, влачили жалкое существование, не оказывая помощи своим членам. К тому же против комитета безработных, как самостоятельной организации, велась борьба. Деятели движения находили, что безработные должны отстанвать свои интересы совместно с рабочими через посредство организаций, общих и тем и другим.

Вот собрание петроградских безработных. «Жуткую, трагическую картину представляло собрание, привлекавшее около 2.000 чел.,—по словам «Новой Жизни».—Кадры безработных увеличиваются изо дня в день, и чем дальше, тем настроение этих сотен тысяч людей становится нервнее и тревожнее. На собрании это чувствовалось совершенно определенно. Состоялся суд над избранным самими же безработными комитетом по борьбе с безработицей. Для контроля над деятельностью комитета выдвигалась необходимость создания нового органа, который и был сконструирован, потому что, как это слышалось в речах ораторов, безработные уже никому не верят» [1]). Еще слабее проявляли себя организации безработных провинции. Вот собрание воронежских безработных. Каждый из говоривших подчеркивал свое отчаяние. Один предлагал взять от одного подрядчика 200.000 руб. Другой—свидетель того, как одесские безработные боролись с безработицей—советовал: «У нас было 20.000 безработных, и мы обложили буржуев в 10 мил. руб. и на эту сумму открыли столовые. У нас, в Воронеже, я предлагаю то же сделать и обложить буржуев на один миллион». Это предложение вызывает гром аплодисментов, и с мест кричат: «мало миллион—два надо». «Ну, два, так два», соглашался оратор. Кухарка рекомендует собранию: «я кухарка-повариха, 15 лет работала по этой части, а вот сейчас буржуи не берут» [2]).

Чувствовалось, что в комитетах не было веры в возможность поднять какое бы то ни было движение. В рядах безработных была полнейшая пассивность.

---

[1]) «Новая Жизнь», 3 апреля 1918 г.
[2]) Ibid, 13 апреля 1918 г.

X.

Борьба с безработицей слишком сложна для рабочих организаций в обстановке революции и войны... Она была по силам лишь органам власти. Что же предприняли коалиционное правительство, а затем советская власть?

Найти радикальный выход из безработицы, очевидно, не могла бы никакая власть. Радикальный выход из безработицы всегда один: налажение производства. Но это было невозможно ни для той, ни для другой власти. Шла речь о предоставлении казенных заказов заводам, главным образом, на сельско-хозяйственные орудия, об организации крупных работ для печатников (издание учебников и классиков).

Предполагалось возобновление работ на Балтийском, Путиловском, Обуховском, Франко-Русском, Александровском, Ижорском заводах. Но не налаживалось производство. Речь могла итти лишь о мерах борьбы в тесном, специфическом смысле этого слова. И лишь это и имело место.

Коалиционное правительство, конечно, поддерживало биржи труда,проектировало общественные работы, разработало законопроект страхования от безработицы, в основу которого был положен тот же принцип, что лежал и в основе организации бирж труда—принцип коалиции, согласования интересов рабочих и предпринимателей. Даже в самый комитет, рассматривавший этот законопроект, вошли 12 представителей от рабочих и 12 от предпринимателей. Закон о страховании распространялся не на все, а лишь на некоторые профессии: на металлистов, строительных рабочих, на горнозаводскую промышленность и на ремесленников... Советская власть прежде всего ассигновала 4 милл. на столовые для безработных. Так, комитетом биржи труда до 24 апреля 1918 г. было выдано обеденных карточек для получения бесплатных обедов: в Петроградском районе—1.400, в Выборгском—1.100, в Василеостровском—700, Шлиссельбургском—200, в Московском—200, в Петергофском—500, в Нарвском—300, во 2-м городском—150, в Охтенском—100. Учредился «фонд безработных». Он первоначально составился из взносов рабочих. Центральный комитет петербургских городских рабочих и служащих постановил удерживать ежемесячно из содержания ра-

бочих и служащих 1% в пользу безработных. Общее собрание рабочих и служащих петербургской фабрики Столярова внесло единовременный взнос в 5.000 руб. В Центральное правление союза металлистов поступило от рабочих завода «Зелено-Зимин» 5.124 руб. на безработных. Такие же сборы делались и в других предприятиях по инициативе советов.

И биржа труда и закон о социальном страховании рабочих были реорганизованы в духе новой власти. Ни здесь, ни там начало паритета уже не имело места. Биржа труда перешла в ведение рабочих организаций. Что же касается до декрета о социальном страховании, то в основу его были положены следующие основания: 1) страхование от безработицы распространяется на всех без исключения наемных рабочих; 2) расходы по страхованию целиком падают на предпринимателей, взносы которых составляют фонд безработных; 3) страхование производится через страховые кассы с полным самоуправлением, которым должны ведать комитеты, составленные лишь из представителей рабочих организаций, а именно фабрично-заводских комитетов, профессиональных союзов и больничных касс.

Был издан приказ о немедленном внесении взносов всеми предпринимателями, с привлечением их, в случае уклонения, к строжайшей ответственности, «вплоть до личного ареста и конфискации имущества». Но обложение в пользу безработных этим не ограничивалось. В ряде городов денежные лица и предприятия должны были уплатить контрибуции в пользу безработных. В Рыбинске все увеселительные заведения, концерты и вечера отчисляли 15% сбора с дохода; в Царицыне был произведен однодневный сбор в фонд безработных; в Иваново-Кинешемском районе хозяева промышленных предприятий должны были отчислять три процента с каждого рубля; в Костроме все государственные и общественные учреждения вносили три процента с жалованья служащих. В Верхне-Удинске общественные и частные учреждения и предприятия были обложены в размере однодневного заработка в пользу безработных.

Наконец декрет о вселении безработных в буржуазные квартиры...

Все это решительно проводилось в жизнь. Но фонд безработных не выходил из тесных границ. Главным образом, он базировался ведь все же на взносах предпринимателей. А фабрики и заводы почти уже не дымились...

Имела особое значение для безработных вербовка в Красную армию. Кадры пролетариата, с закрытием фабрик, постепенно переводились на положение красноармейцев. Тысячи и десятки тысяч рабочих отвлечены были сюда. Одни несли милицейскую службу. Имелся, например, один резервный отряд в 1.500 человек, набранный всецело из состава безработных. Многие же и многие тысячи сражались на полях гражданской войны... Но наибольшее значение имели биржи труда и общественные работы. Это все же было предложение и спрос на труд.

XI.

Правда, роль биржи труда, как посредника, уже свелась к минимуму.

Вот петроградская биржа труда в изображении газет. Собирается народ. Хлопают громадные двери, оберегаемые тремя солдатами, взад и вперед по лестнице бегут люди. Гул голосов ни на минуту не смолкает. Еще внизу вам в руки дан маленький клочек бумаги с пятизначным числом: без этого номера нельзя подниматься наверх. Когда входите в залу, то получается впечатление большого вокзала. Только меньше суетни и беготни в массе народа. У всех окошечек—а их около тридцати—стоят хвосты из безработных. Тут и металлисты, и деревообделочники, и домовые служащие, все отрасли чернорабочего, интеллигентного труда.

Атмосфера — благодаря наплыву безработных — тяжелая, удушливая. Истощенные люди иногда падают в обморок. Когда доходит очередь до ищущего места, он пред'являет свой номер, дает некоторые сведения о своей жизни и получает долгожданный билет. Встречаются своеобразные типы. Вот какой-то малорослый суб'ект. Был поваром у большой персоны старого режима и теперь не может ни на чем остановиться.

— На что теперь повара, когда есть нечего,—резонно замечает его сосед.

Вот чернорабочий 69 лет; на вопрос о работе и профессии он отвечает:

— С самых малых лет в работе и столько перевидал, что все умею.

Так целый день хлопают двери. Армия безработных ищет работы. Но напрасно! Сотни и тысячи ходят сюда неделями, месяцами—«через семь дней за справкой», чтобы никакой справки не получить или одну разве стереотипную фразу: «через семь дней»...

Стены испещрены об'явлениями, и новый человек набрасывается на них в надежде найти необходимые указания. Но вместо этого,—лозунги и призывы: «все к оружию!» «только через трупы наши немец войдет в Петроград», «в ряды Красной армии!» и т. д. Или же таблицы о движении спроса и предложения труда. И все указания здесь таковы: —«Второй этаж. Третья дверь налево». А там тысячи людей приходят и уходят, там Содом и Гоморра, там ничего ни понять, ни узнать. Стена человеческих тел и гул, насмехающийся над плакатами по бокам: «просят соблюдать тишину».

Тысячи людей приходят и уходят и, взглянув на кишащую толпу, еле протискиваясь и задыхаясь, считают себя счастливыми, когда им удалось вырваться на воздух... Все равно работы не будет. Лучше других еще положение неквалифицированных—чернорабочих, дворников и т. д. На них бывает спрос, но почти все на короткий срок—колоть лед, носить тяжести. Число женщин превышает число мужчин. Это все работницы, конторщицы, продавщицы, машинистки, кассирши, билетерши и пр. В «интеллигентном» отделе много курсисток, студентов, офицеров. Масса усталых, тоскливых лиц...

Безработные все исчезают, отчаявшись найти работу... Так в столице. И то же в провинции. Вот биржа труда Воронежа. В первые же три дня все комнаты биржи были запружены народом: шли чернорабочие, приказчики, прислуга, солдаты, фельдшера и т. д. Все шли с уверенностью получить работу—раз открылась биржа труда, значит, она даст работу. И приходилось разуверять, что биржа не создает работу, и об'яснять истинную роль ее. Каждый безработный старался рассказать историю своей нужды, убедить, что именно ему нужна работа. Но так же велико было предложение, как ничтожен

спрос на труд. Были лишь требования на артель плотников с одного завода да на артель чернорабочих...

Вот цифры, характеризующие этот спрос. По данным петроградской биржи труда с января по середину апреля 1918 г. поступило 59.318 предложений труда. В январе было зарегистрировано 13.228, в феврале—8.877. Спрос же на труд был в феврале—2.840, в марте—3.387. Комитет биржи об'явил, что безработный обязан принять любую работу, предложенную биржей. Но это не значит, что спрос отвечал фактическому устройству на работу... В Москве до 1 апреля было зарегистрировано 35.865 безработных. Определено было на работу 9.430 чел. Эти цифры—и для Москвы, и для Петрограда—охватывали лишь незначительную часть безработных. Областной биржей труда Урала зарегистрировано было 25 тыс. безработных. Наибольший процент составляли чернорабочие (40%), затем шли конторские и торговые служащие (30%). Квалифицированных было не более 15%... Спрос, в свою очередь, не превышал 8.000, и требовались, главным образом, чернорабочие и высококвалифицированные металлисты. Но и из 8.000 устроилась лишь часть, так как переброска рабочих—в целях их распределения—затруднительна на Урале, благодаря связанности уральского рабочего с землею и домишком...

Не более радовали цифры прочих бирж. Роль их была скромна. Безработные нередко об'ясняли узкий размах их тем хаосом, который царил в них. Хаос в регистрации, в распределении работы, конечно, сужал их размах. Однако, недостатки постановки дела сами по себе уже большого значения не имели.

XII.

Когда предприятия закрываются без надежды открыться вновь, общественные работы, конечно, являются исключительным средством борьбы с бедствием. Но, чтобы работы имели шансы на успех, они должны быть построены на хозяйственно-рациональных началах, исключающих момент благотворительности. И затраты должны окупаться в возможно более короткий срок. Ведь при развале народного хозяйства вкладывание капиталов в предприятия, расчитанные на погашение издержек через много лет, не по силам ни органам само-

управления, ни самому государству. Это знали у нас давно. И так именно и ставился вопрос об общественных работах в 1917—1918 г.г.

Еще временное правительство разработало план таких работ. Безработные должны были получить работу в различных отраслях труда, главным образом, на оросительных работах в Туркестане и юго-восточной России, на гидротехнических работах в северной России, при прокладке земских шоссейных дорог и заготовке дров, а также при добыче торфа. Оросительные и гидротехнические работы потребовали бы десятков тысяч безработных. На заготовке дров должны были найти работу около 80 тыс. рабочих. Правда, названные работы могли привлечь лишь чернорабочих. Но это был лишь план работ; к реализации его правительство так и не успело приступить. Ведь демобилизация заводов еще не проводилась в жизнь. Еще работали на оборону...

Советская власть подошла вплотную к организации работ. Комиссариат Городского Хозяйства в Петрограде наметил план строительных работ, не требующих особой квалификации труда. По отдельным категориям работы намечались в следующем виде. Предполагалось проведение новых трамвайных линий и окончание начатых, ремонт мастерских и подвижного состава; сооружение двух парков; установка новых электронасосов на городском водопроводе, ремонт зданий, мостовых, переделка фильтров, ремонт электрических станций и прокладка новых кабелей. Указанные работы могли поглотить до 20.000 рабочих. А на ряду с этим намечались работы по получению топлива и использованию сил, которые могут заменить уголь и дрова, а именно водопадов, сланцев, торфа. На торфяные работы уже направились 500 безработных. Выдвигалась и мысль об использовании громадного количества петроградских пустырей для устройства общественных огородов. В самом деле, число трудовых артелей в Петрограде увеличивалось изо дня в день. И в особенности артелей огородных. В Москве междуведомственное совещание приняло постановление об организации работ по заготовке торфа и по заготовке топлива на казенных лесных дачах.

За Петроградом и Москвой тянулась к общественным работам и провинция. Организация «Центрострой» обратилась к

сибирским советам с просьбой оказать содействие подготовительным работам по постройке южно-сибирской магистрали. Признано было желательным привлечь на работу, главным образом, безработных. На реке Свири начались подготовительные работы по использованию водной силы реки для использования электрической энергии. В Костроме открылись общественные работы по ремонту пароходов, барж, открылся и ряд общественных мастерских—столярная, слесарная, кузнечная и пакетно-конвертная. В Уфе намечался ряд работ по ремонту зданий и благоустройству города. В Смоленске открылись общественные работы по исправлению и замощению улиц. В Ельце союз металлистов решил открыть на средства союза мастерскую. В Нижнем-Новгороде намечались устройства постоянного моста через Оку, расширение трамвайной сети, устройство грузового трамвая, канализация в рабочих кварталах. К разработке торфа приступила Казань. В Царевококшайске намечена была постройка железной дороги Галич—Царевококшайск—Казань—Оренбург; далее расчистка озер, родников, устройство водоемов и плотин, постройка деревянных мостов и дамб, устройство песчаных и земляных дамб, осушка болот. В этих работах предполагалось занять до 300 тысяч человек. В Ростове организовались работы по устройству огородов на городской пустующей земле, для чего совет ассигновал 100.000 руб.

План работ еще расширился, когда образовался комитет государственных сооружений, наметивший ряд общественных работ на внутренних водных путях. Проектировалось шлюзование рек: Шуры, Тобола, Томи и Волги и сооружение гаваней у Н.-Новгорода и Рыбинска. Кроме того, для сохранения подходов к Саратову водой, обеспечения Шарханского затона и улучшения Покровской гавани предположены были работы на реке Волге. Сметы—в размере 478.150.000 руб.—были утверждены. Наметился и проект по использованию Волховских порогов, требовавших кредитов в размере 150 милл. руб.; здесь должны были быть заняты до 60.000 человек.

Если бы все эти работы, спланированные рационально, фактически были осуществлены, они бы не только втянули тысячи безработных, но и восстановили бы подвоз к голодаю-

щим и холодающим центрам. Но для этого ведь необходимы были технические средства, топливо, от отсутствия которого закрывались фабрики и заводы. А их не было. И не было большего, ибо все средства отвлекал фронт. Ведь, гражданская война уже заливала все пути и дороги...

Указатель литературы.

1. **В. Безобразов.** «Народное хозяйство в России».

2. **С. Приклонский.** «Хроника рабочего труда в России».—«Дело», 1883 г., № 1.—«Земство» (1880—81 г.). «Русская Мысль» (1882 г., №№ 4, 5 и 10).

3. **В. С. Панкратов.** «Воспоминания о деятельности среди рабочих в 1880—84 г.г.». Москва, 1923 г.—Его же. «Из деятельности среди рабочих в 1880—84 г.г.». «Былое». 1906 г., № 3.

4. **А. Чупров.** Русская экономическая жизнь в 1886 г. «Юрид. Вестник», 1887 г., т. XXIV.

5. «Статистический Ежегодник Моск. Губ. Земства за 1887 г.».

6. **А. В. Погожев.** Учет численности и состава рабочих в России (80-е годы).

7. Литература партии Народной Воли. Под ред. Б. Бозилевского. Т. I. и II.

8. **М. Туган-Барановский.** «Русская фабрика».—См. так же «Современный промышленный кризис». «Мир Божий», 1900 г., № 11.

9. **П. П. Мигулин.** «Реформа денежного обращения в России и промышленный кризис».

10. **Б. Брандт.** Торгово-промышленный кризис в Западной Европе и в России. (1900—1902 г.г.). Т. I и II.

11. **А. Финн-Енотаевский.** «Современное хозяйство России». 1911 г. Его-же. «Современный промышленный кризис». «Научное Обозрение» 1902 г.

12. Труды XXIV с'езда горнопромышленников юга России.

13. «Русское Богатство», 1902 г., № 4. «Хроника внутренней жизни» В. Мякотина.

14. Ibid. **И. Сигов.** «Старая песня». 1898 г., № 2.

15. **Курнин С.** «Безработные на Хитровом рынке в Москве». «Русск. Бог.». 1898 г., № 2.

16. **Гор—ев.** «К характеристике экономических и бытовых условий жизни безработных». «Мир Божий», 1899 г., №№ 10—11.

17. **Л. Клейнборт.** «Промышленный кризис». «Образование». 1903 г. № 3.

18. Его же.—«Черные дни» (к истории безработицы в России). «Соврем. Мир» 1909 г. № 2.

19. Его же. «Хроника русской жизни». «Образование». 1906 г., № 4.

20. Его же. «Безработица и движение безработных», (1906 г.). Изд. журн. «Образование».

21. «Хлеб и работа», период. изд.

22. **С. Петров.** «Вопрос о безработице в Государственной Думе». «Вестник Жизни», № 5—1907 г.

23. **Л. Клейнборт.** «Государственная Дума и безработица».—«Образование» 1907 г., № 4.

24. **М. Туган-Барановский.** «Состояние нашей промышленности за последнее десятилетие и виды на будущее». «Совр. Мир.». 1910 г. № 12.

25. **Слуховский.** Муниципальные вопросы (безработица в Москве). «Рус. Мысль» 1908 г. № 10.

26. **Г. Г. Швитау.** «Трудовая помощь в России». Т. I и II.

27. Его же. «Вопрос о безработных». «Русская Мысль» 1908 г. № 11.

28. **Владислав Максимов.** «Очерки по истории общественных работ в России». 1905 г.

29. **И. Ларский.** «Вопросы текущей жизни».—«Соврем. Мир». № 7—1909 г.

30. «Материалы об экономич. положении и профес. организации рабочих по металлу». 1909 г.

31. **Н. Череванин.** «Экономический под'ем и промышленный кризис». «Наша Заря», 1914 г., № 2.

32. **Л. Кафенгауз.** «Под'ем или кризис» (1909—13 г. г.). «Сов. Мир.» 1914 г. № 4.

33. **Крейшман.** «Страхование на случай безработицы». «Просвещение», 1914 г. № 1.

34. **Г. Циперович.** «Желтые и красные». (О штрейкбрехерах). «Сов. Мир». 1914 г. № 8.

35. **Л. Клейнборт.** «Безработица или недостаток рук». «Соврем. Мир». 1915 г. № 4.

36. «Записки императорского технического общества». 1914 г.—№ 12. Доклад И. Чернышева.

37. Ежегодник газеты «Речь». Обозрения М. И. Туган-Барановского и др.

38. **В. Е. Варзар.** «Статистика забастовок». 1905 г. (Изд. 1908 г.); 1906—08 г. г. (изд. 1910 г.).

39. **Л. Клейнборт.** «Безработица и борьба с нею». (1917 г.); Издание «Книга».

40. **К. Самойлова.** «Современная безработица и борьба с нею», 1918 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА 3

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ГЛАВА I. Кризисы русской капиталистической промышленности . 7

„ II. Возникновение резервной рабочей армии. Кризис 1857 г. и банкротства 1872-1873 г.г. Промышленная депрессия 1880-87 г.г. 33

„ III. Промышленный кризис конца 90-х и начала 900-х г.г. . 65

„ IV. Безработица и „дни свободы". (1906 г.). Движение безработных. 101

„ V Государственная дума и безработица. 171

„ VI. Годы контр-революции (1908-12 г.г.). Проституция, преступность, максимализм в свете безработицы. 199

„ VII. Безработица и война. 215

„ VIII. Беженцы безработные. 245

„ IX. Революция и безработица.—Брестский мир и демобилизация труда. 259

Указатель литературы. 299

БИБЛИОТЕКА
КРАЕВОЙ ПРОФБОЛЬНИЦЫ
Инв №.....

01408

Цена 1 р. 45 коп.

Издательство В. Ц. С. П. С.
МОСКВА, Солянка, 12, Дворец Труда, телефон 5-08-32.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН: Кузнецкий Мост, д. № 14 (уг. Рождественки).
Северо-Западное областное отделение:
Ленинград, проспект Володарского, 56.